

Администрация Пермской области
Комитет по делам архивов Пермской области
ГОУ «Государственный общественно-политический архив
Пермской области»
ГОУ «Государственный архив Пермской области»

НЕМЦЫ В ПРИКАМЬЕ XX ВЕК

**ТОМ II
ПУБЛИЦИСТИКА**

МЫ – ИЗ ТРУДАРМИИ

Пермь
Издательство «Пушка»
2005

Рекомендовано к изданию объединенным научным советом
государственных архивных учреждений Пермской области

Составитель – Л.В. Масалкина

Научный руководитель – М.Г. Нечаев, кандидат исторических наук

Рецензенты: М.Н. Лукьянов, доктор исторических наук (Пермский государственный университет им. А.М. Горького), М. Юнге, доктор философии (Рурский университет г. Бохум, Германия), Э.А. Гриб, председатель общественной организации российских немцев «Возрождение» г. Соликамска

Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов в 2-х томах / Т. 2. Публицистика. Мы из трудармии. – Пермь: «Пушка», 2005. – NN с.; NN илл.

Сборник «Мы – из трудармии» включает материалы, рассказывающие о судьбе российских немцев Прикамья со слов самих очевидцев событий 60-летней давности. Герои этой книги – советские немцы из Украины, Крыма, Северного Кавказа и Республики немцев Поволжья, мобилизованные в трудармию в годы Великой Отечественной войны и работавшие на лесных, нефтяных, строительных и угольных предприятиях на территории Пермской области. В основе сборника – воспоминания бывших трудармейцев, их детей, а также статьи из газет, журналов, фрагменты из книг и ученических рефератов. Публикуемые материалы могут быть использованы в качестве дополнительного источника по изучению Великой Отечественной войны и истории российских немцев Прикамья. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Благодарим за предоставленные материалы руководителей общественных организаций российских немцев Э.А. Гриба (г. Соликамск), П.П. Петерса (г. Краснокамск), Т.А. Клементьеву (г. Лысьва), секретаря Пермского общества немцев Э.И. Биглер, а также специалистов архивного отдела администрации г. Гремячинск.

Содержание

Предисловие.....	5
Российские немцы – вчера и сегодня.....	10
<i>Гладышев В.Ф.</i> Граница между культурой и дикостью (О судьбах пермских немцев).....	10
<i>Кишин В.</i> «Наши – не наши».....	13
<i>Гриб Э.А.</i> Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере города Соликамска Пермской области.....	19
<i>Беккер В.Ф.</i> Российские немцы – вчера и сегодня.....	22
<i>Петерс П.П.</i> Через трудармию к спецпоселению и неполной реабилитации.....	25
<i>Клементьева Т.А.</i> Российские немцы города Лысьвы.....	28
Соликамск стал родным.....	32
<i>Бернгардт Э.Г.</i> Почетный гражданин Соликамска.....	32
<i>Клюц А.</i> Соликамск стал нашей родиной.....	37
<i>Канторович Г.</i> Хранитель каменной летописи.....	51
<i>Тольцинер Ф.М.</i> Узник Усольлага.....	55
<i>Шмидт М.В.</i> Воспитанник комсомола.....	59
<i>Жуланова А.</i> Юноша из солнечного Пятигорска.....	62
<i>Франк Э.Я.</i> Но мы выстояли.....	64
<i>Баумгертнер И.Г., Зейвальд М.И.</i> Он и она.....	66
<i>Генрихс А.Я.</i> Трудовой стаж – 82 года.....	69
<i>Мицель В.Г., Петри Е.А.</i> Наши судьбы – как две капли воды.....	70
<i>Кехтер Н.Д.</i> Семья воссоединилась в 1946 году.....	73
<i>Гриб Э.А.</i> Художник бумкомбината.....	74
<i>Гриб Э.А.</i> Мастер ремонтной группы.....	74
<i>Андрюха Л.</i> Лютеранский пастор.....	75
<i>Лель И.</i> Как нас уничтожали, но не уничтожили.....	76
<i>Лель А.</i> Архивы.....	79

<i>Турковская Е.</i> Ее судьба – Соликамск.....	80
<i>Вольская Н.</i> Он строил завод «Урал».....	82
<i>Андрюха Л.</i> Жизненные пике Виктора Шмидта.....	83
Первостроители Гремячинска.....	86
<i>Гебель В.Р.</i> Первостроители Гремячинска.....	86
<i>Кашафутдинова Н.А.</i> Рецепт выживания.....	101
<i>Лейс А.Е.</i> Все началось с поселка Углеразведки.....	106
Как строили Широковскую ГЭС.....	108
<i>Гергерт В.Э.</i> Как строили Широковскую ГЭС.....	108
<i>Люфт Л.И.</i> Хоронили прямо в снег.....	124
Краснокамские трудармейцы.....	126
<i>Петерс П.П.</i> «Покажем, на что мы способны...».....	126
<i>Петерс П.П.</i> Я родом из Заградовки.....	133
<i>Лебедева Э.А.</i> Автобиография.....	138
<i>Лебедева Э.А.</i> «И тщательно храни душу свою».....	140
<i>Бернгардт Э.Г.</i> Этот фильм снимали в Чу.....	142
<i>Рябова Г.</i> Родина моя, где тебя искать?.....	147
Верхнекамье – моя биография.....	150
<i>Массольд Н.</i> За что наказанный народ?.....	150
<i>Богер Т.П.</i> Лагерный пункт в Усть-Язьве.....	157
<i>Кох Э.Э., Фрик М.Г., Фрик П.Г.</i> Жизнь по чужому сценарию.....	160
<i>Кремер Р.И.</i> Живы остались – и это уже счастье!.....	168
<i>Аде И.Е.</i> Как это было.....	169
<i>Ширинкина Л.Г.</i> Моя учительница.....	170
<i>Атнашева (Горн) О.Ф.</i> Бог помиловал.....	172
Рассказывают дети трудармейцев.....	175
<i>Каюрина (Лихтенберг) И.А.</i> Остались навечно в Гайнах.....	175
<i>Думлер А.Э.</i> В трудармии я был ребенком.....	177

<i>Диркс (Чебыкина) З.Г. Жить достойно научил отец-трудолюбивец.....</i>	
187	
<i>Мандрико О. Исповедь нашедшей себя души.....</i>	
193	
<i>Понамарчук (Визнер) В.Я. Что я помню о своем детстве?.....</i>	
197	
<i>Завадская М. Мой дед – меннонит.....</i>	
200	
<i>Великанова Г.З. Древо жизни: сила в его корнях.....</i>	
205	
Именной указатель.....	208
Перечень периодических изданий.....	217

Предисловие

Сборник «Мы – из трудармии» включает материалы, рассказывающие о судьбе российских немцев Прикамья со слов самих очевидцев событий 60-летней давности.

Герои этого сборника – советские немцы из Украины, Крыма, Северного Кавказа и Республики немцев Поволжья, прибывшие в большом количестве в Пермскую область в годы Великой Отечественной войны. Это были трудармейцы, призванные через военные комиссариаты на строительство оборонных объектов, угольные шахты и лесоразработки. После войны они стали спецпоселенцами.

История и судьба советских немцев во время Великой Отечественной войны – тема, прежде замалчиваемая; она еще ждет своего глубокого исследования. Сегодня открыт доступ к архивным источникам, рассказывающим о трудармии, о репрессиях по национальному признаку. Этот народ, связанный историческими корнями с Германией – главным противником СССР во второй мировой войне, в полной мере испытал на себе, что такое сталинский репрессивный режим. Несомненно, большую ценность для исследования этой темы представляют воспоминания очевидцев.

Надо учитывать то, что любые воспоминания как исторический источник автобиографического происхождения, прежде всего, несут в себе личностное начало. Они всегда субъективны. Публикуемые здесь материалы очень разные по форме и стилю. Некоторые авторы (бывшие трудармейцы) талантливо живописуют исторические приметы времени, особенности и подробности ушедшего времени. И тогда пережитое ими предельно приближено к читателю. Мы слышим живые голоса очевидцев, которые передают нам свои чувства, детали быта и условий жизни, самобытное восприятие реалий сурового военного времени. Благодаря их воспоминаниям у нас есть возможность узнать индивидуальную оценку трагических страниц истории нашего края.

Материалы, вошедшие в сборник, можно разделить на три основные группы:

Первая группа – это воспоминания, письма, автобиографии, написанные непосредственно бывшими трудармейцами и их потомками. Часть воспоминаний поступила в Государственный общественно-политический архив Пермской области в результате инициативного документирования (З.Г. Диркс, В.Я. Визнер, О.Ф. Горн, И.Е. Аде и др.). Другие материалы (их большинство) отложились в архивах общественных организаций российских немцев «Возрождение» городов Перми, Соликамска, Краснокамска, Лысьвы, а также в архивном отделе администрации г. Гремячинск. Особо хочется сказать о воспоминаниях детей бывших трудармейцев, которые свидетельствуют о том, что они ощущают себя наследниками двух богатых культур – русской и немецкой, знают свою родословную, чтят далеких предков, проявляют лучшие качества российских немцев – трудолюбие, активную жизненную позицию, любовь к России.

Вторая группа – это ранее опубликованные статьи из газет и журналов, а также фрагменты из книг, посвященные судьбам трудармейцев, передающие их воспоминания.

Третья группа – рефераты учащихся, в основе которых лежат те же воспоминания. Подобные работы – попытка современных молодых людей осмыслить уроки новейшей истории в ходе непосредственного общения с очевидцами событий. Поисковой работой активно занимаются школьники Березников, Перми, Усоля. Иногда их усилия приносят реальную пользу, имеют социальное значение. Так, бывшие трудармейцы, проживающие в Усолье, И.А. Гаус и М.Ф. Гаан благодаря учащимся Нине Массольд и Сергею Рождественскому были поставлены на учет в местном отделе соцзащиты и теперь получают все положенные им льготы.

Публикуемые в сборнике материалы разносторонне, образно, эмоционально характеризуют ту сложную ситуацию, в которой оказались российские немцы во время Великой Отечественной войны. Война с Германией означала для них ликвидацию национальной государственности, полное бесправие, лишение элементарных гражданских прав.

Почти каждый трудармеец начинает свои воспоминания с того момента, когда началась депортация немцев после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 28 августа и сегодня является Днем национальной скорби для российских немцев, которых без объяснения причин одномоментно сорвали с обжитых мест, разлучили с близкими, отправили в дальние края – Сибирь, Казахстан, Урал, насильно мобилизовали в трудармию. Из родных домов уходили под жалобный вой собак, мычание коров, плач детей и рыдание матерей... Что можно было унести с собой, кроме кое-какой одежды да некоторых продуктов на дорогу? Никто не знал, что их ждет впереди.

Депортация проходила в большой спешке. Вот как об этом пишет учительница из Лысьвы И.А. Каюрина (Лихтенберг) : «Когда был издан указ о выселении немцев из родных мест только потому, что они немцы, то, по рассказам мамы (Лихтенберг Амалии Ивановны), их объял неопишуемый ужас. Стоял рев детей... Мужчин и женщин депортировали в разные районы. Если был грудной ребенок, то всех детей оставляли матери; в противном случае дети разлучались с родителями... На сборы было дано лишь 24 часа».

В рабочих колоннах трудармейцев Молотовской (Пермской) области насчитывалось около 40 тысяч немцев. Они работали в системе НКВД на лесоповале, в шахтах Кизела, Гремячинска, строили в Соликамске завод «Урал» и ЦБК, Широковскую и Камскую ГЭС.

О лагерной жизни за колючей проволокой пишут И.Е. Аде, Т.П. Богер, В.Э. Гергерт и др. Страницы воспоминаний о физическом и моральном угнетении людей очень драматичны: «Прибыли мы в Соликамск в феврале 1942 года (в товарных вагонах). Морозы стояли суровые (за 40 градусов), даже в марте отмораживали носы. Сначала жили в брезентовых палатках, спали, не раздеваясь. Потом нас поселили в огромных грязных бараках вместе с уголовными заключенными...» (из воспоминаний Р.А. Шлегеля).

Репрессивная политика государства в отношении немцев-трудармейцев зачастую формировала у местного населения негативное отношение к последним. Например, А.И. Сайбель, жительница Березников, вспоминает: «На Урале нас встретили не очень доброжелательно. Мы с этим примирились, молчали, терпели... Чуть что, слышим: «Немцы – фашисты!». Этим глаза кололи».

Но так было не везде. «Люди были разные, – пишет А.Н. Штеклейн из Соликамска. – Кто-то хорошо к нам относился, а кто-то хуже. Я не могу сказать, чтобы местная молодежь нас обзывала».

Воспоминания показывают, что годы войны стали для советских немцев настоящим испытанием. Сотни тысяч загубленных жизней, тысячи разрушенных семей и сознание того, что государство считает тебя своим врагом, «фашистом». Из 28 тысяч мобилизованных немцев Соликамска около 7 тысяч умерло от недоедания, холода, тяжелой работы. Ведь в большинстве своем это были люди, не приспособленные к тяжелому физическому труду.

Тем не менее многие авторы воспоминаний отмечают, что большинство трудармейцев, несмотря на бесчеловечные условия содержания, работали честно, как могли старались помочь фронту. Так, Э.Ф. Бауэр (Краснокамск) говорит о том, что они понимали: идет война... И тут же с горечью добавляет: «Но будь к нам хоть чуточку другое отношение, мы бы горы свернули». Те же настроения передает в своей статье П.П. Петерс (Краснокамск): «Несчастье своей Родины они (трудармейцы) воспринимали как свое собственное горе, понимали, что война есть война, и все несправедливости списывали на ее счет. Об этом, в частности, говорит и тот факт, что в конце войны в городе Краснокамске из девушек и женщин немецкой национальности был создан хор любителей песен».

Уже в перестроечное время память о военном лихолетье В.А. Либих (Соликамск) выразит в таких поэтических строках:

На Камский мыс я прибыл молодым солдатом.

Там древесину доставал из-под льда.

В трескучие морозы не оставляли нас в бараках:

Мы древесину ту возили в ТЭЦ – для Первого котла...

Всю промплощадку на «Урале» я измерил:

Рыл траншеи, вел монтаж, носил щебенку и бетон.

Я в скорую Победу, безусловно, верил.

Я говорю вам правду – это был не сон.

Только в 1992 г. немцы-трудармейцы удостоились чести быть награжденными медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Эту высокую правительственную награду они приняли как важное признание их самоотверженного труда, их вклада во всеобщую Победу.

Исправную работу трудармейцев вынужден был в свое время признать и Сталин. Воспоминания В.Р. Гебеля содержат, например, такую информацию: «Но, пожалуй, еще большую радость мы ощутили 3 июня 1944 года, когда в Гремячинск пришла телеграмма от Председателя

Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина, в которой он поздравил шахтостроителей со сдачей в эксплуатацию шести гремячинских шахт».

За годы существования трудармии и спецпоселения возникли новые города Прикамья (Боровск, Гремячинск), новые поселки, заводы, шахты, которые построили немцы. Об этом мы находим немало ценных сведений в представленных материалах.

Многие годы трудармейцы оставались жертвами произвола, подвергались политическим репрессиям, дискриминации и унижению, но стойко пережили эти тяжелые времена. Они не только выжили, но и сохранили человеческое достоинство. Их ценили на производстве, направляли на самые сложные и ответственные участки работы. Герои публикуемых материалов, несмотря ни на что, сумели реализовать свой внутренний потенциал. Это пастор И.И. Лель, знаменитый архитектор Ф.М. Тольцинер, врач З.Г. Чебыкина (Диркс), гидростроитель В.Э. Гергерт, судомеханик М.В. Шмидт, учительница О.Ф. Горн, председатели обществ российских немцев Э.А. Гриб (г. Соликамск), П.П. Петерс (г. Краснокамск), В.Ф. Беккер (г. Березники) и многие другие. Восхищает их мужество и воля к жизни.

Всего в сборнике опубликовано 49 документов, о минувшем времени рассказывает 61 очевидец. Хронологические рамки описываемых событий охватывают период с 30-х гг. XX века до наших дней. В ряде публикуемых материалов упоминаются более ранние события, начиная с XVIII века.

Структура сборника состоит из предисловия, семи глав, именного указателя, перечня периодических изданий.

Первая глава *«Российские немцы – вчера и сегодня»* включает аналитические статьи, авторы которых – пермские журналисты и лидеры общественных организаций российских немцев «Возрождение» Пермского края (всего 6 документов).

Глава вторая *«Соликамск стал родным»* – это самый большой комплекс воспоминаний, биографий, публикаций о людях, которые нашли в Соликамске свою вторую родину (18 документов).

Глава третья *«Первостроители Гремячинска»* состоит из публицистики, построенной на воспоминаниях гремячинских трудармейцев (3 документа).

В основе содержания главы четвертой – *«Как строили Широковскую ГЭС»* – фрагменты из книги В.Э. Гергерта «Мечта и грешная земля». Ее автор – известный строитель Широковской, Камской и Воткинской ГЭС (2 документа).

Пятая глава *«Краснокамские трудармейцы»* посвящена активистам общества «Возрождение» г. Краснокамска (6 документов).

В главе шестой *«Верхнекамье – моя биография»* звучат голоса бывших трудармейцев Усолья, Березников, Ныроба, Усть-Язьвы, Александровска (6 документов).

Завершает сборник глава *«Рассказывают дети трудармейцев»* (7 документов).

К каждому документу сборника составлен редакционный заголовок, отражающий содержание текста. Место и дата написания документа указаны в тех случаях, когда они известны. Все документы, кроме ранее опубликованных

статей и книг, отредактированы с сохранением стилистических и языковых особенностей авторского текста. Большинство документов публикуется в извлечении. Составителем опущены сведения, не относящиеся к теме сборника, и дублирующаяся информация. Все пропуски отмечены отточием в квадратных скобках. Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова также воспроизведены в квадратных скобках. Отточия без скобок принадлежат авторам документов.

Значительная часть воспоминаний публикуется впервые. Фотодокументы предоставлены местными общественными организациями российских немцев «Возрождение», а также получены из семейных архивов бывших трудармейцев.

Материалы сборника могут быть использованы в качестве дополнительного источника по изучению Великой Отечественной войны и истории российских немцев Прикамья.

«Уважение к прошлому – есть черта, отличающая образованность от дикости», – писал великий Пушкин. Публикуемые материалы не только повествуют о горьких страницах нашей истории, но и вызывают уважение к российским немцам, которые место своей ссылки – Пермский край – сумели сделать родиной для детей, внуков и правнуков.

Российские немцы – вчера и сегодня

В.Ф. Гладышев^[1]

Граница между культурой и дикостью (О судьбах пермских немцев)

Во время переписи населения, проходившей еще при советской власти, жительнице Перми Эмме Карловне Вязниковой задавали вопрос, кем она хочет записаться, русской или немкой. Вроде бы, говорит и думает женщина по-русски, и все немецкие привязанности уже давно ослабели... Стало быть, русская? Но Эмма Карловна, уроженка республики немцев Поволжья, ответила, что останется немкой...

Время, когда российские немцы жили своей республикой, относится к периоду расцвета и сближения наций. Напомню, что массовое переселение немцев в Россию началось в период царствования Екатерины Великой, которая пригласила их осваивать просторы обширной империи. Хотя и при Петре I в Москве существовала немецкая слобода, а Александр Меншиков в полушутку просил у своего царственного друга такой награды для себя: «Сделай меня немцем, мин херц». Вклад колонистов в развитие малозаселенных, но весьма плодородных российских земель оказался довольно значительным и позитивным. Это касается и поволжских немцев.

В СССР в конце 1920-х была создана даже автономная советская социалистическая республика Немцев Поволжья (АССР НП). Что представляла эта территория в 28 тысяч квадратных километров, граничившая с Саратовской и Сталинградской областями и Казахской ССР? В приветствии СНК по случаю 15-летия немецкой автономии говорилось, что она стала «одной из передовых республик Советского Союза, полностью ликвидировала неграмотность, успешно идет вперед по пути культурного и хозяйственного подъема». Накануне войны в республике проживало более полумиллиона человек. Республика делилась на кантоны, со столицей в городе Энгельсе. По национальному составу: немцев было 66,4 процента, русских – 20,4; украинцев – 12 процентов... (данные на 1933 год).

Особенно успешно шли дела в сферах обрабатывающей и легкой промышленности, сельского хозяйства. Обязательное обучение в школах велось на родном языке. В республике работали пять вузов, национальный немецкий театр, детский театр, 52 кинотеатра, издавалось 29 газет, из них 21 – на немецком языке^[2].

Таким образом, российские немцы доказали, что хорошие работники могут добиваться успехов при любом строе. За достижения в строительстве социализма Республика была награждена орденом Ленина. Но война и последовавший через два месяца после нападения гитлеровцев Указ (его называют «сталинским», хотя формально он обнародован за подписью М.И. Калинина) от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, живущих в

районе Поволжья» (опубликован на русском и немецком языках), все перечеркнули^[3].

Помимо немцев Поволжья в предвоенное время подвергались депортации и другие немцы – крымские, кавказские. Всего, по данным НКВД, было насильственно перемещено несколько сот тысяч советских (российских) немцев. Примерно 40 000 из них оказалось на территории Молотовской (Пермской) области. Основными местами сосредоточения депортированных стали Усольский и Соликамский лагеря, тресты Кизелшахтстрой, Кизелуголь, Коспашуголь, Молотовнефтьстрой, город Краснокамск, Юго-камский завод.

Немало испытаний выпало на долю каждого из этих страдальцев. Сейчас уже об этом опубликованы книги, воспоминания, научные труды. И как покрыть столь неоплатный долг, как восстановить историческую справедливость?

Непросто дается и каждому из этих людей с покоренной судьбой самоидентификация личности, обретение себя. Весьма поучительна и характерна семейная история упомянутой выше Э.К. Вязниковой (ныне живет в Германии). В послевоенные годы жизнь ее более-менее наладилась, она вышла замуж за офицера, русского. Сын Александр окончил в Перми школу, затем вуз в Ленинграде. И, несмотря на успешное начало служебной карьеры, он стал одним из первых «невозвращенцев» эпохи перестройки, молодой инженер в 1988 году не вернулся в СССР из заграничной командировки.

Александр взял фамилию своих немецких предков – Папст. Возвращение к немецким корням шло трудно, это видно по его письмам того периода, с которыми нас любезно познакомила перед отъездом к сыну Эмма Карловна. Понадобились свидетельства людей, знавших его мать по годам жизни в Поволжской республике.

«...Раскопать хорошенько немецкое прошлое, – пишет Александр, – важно для всей семьи... Вольно или невольно ты с сестрами помогала властям это прошлое хоронить. Жизнь это не облегчило никому и никого не спасло. Не исправить прошлого, а о будущем надо думать всегда.

Нет смысла сравнивать русских и немцев, кто лучше, кто хуже. Но еще меньше смысла добровольно отказываться от того, что твои предки пронесли через десятилетия жизни в России. Ведь зовут тебя Эмма, а не Прасковья...» (Кстати, Прасковьей звали бабушку Саши по другой линии, отцовской).

Он вспоминает роман «Мы не пыль на ветру» и задается вопросом: «Мы-то кто, наша семья? Нет многих могил, не поправишь того. Но ведь и памяти нет. У меня архив семьи по немецкой линии за 200 лет – всего несколько фотографий.

Если и есть какая-то граница между культурой и дикостью, то пролегает она где-то в отношении человека и материальной памяти о себе... Немецкий ты учила не по учебникам. Отношение к труду у тебя вряд ли от «энтузиазма» 30-х привито, этот «энтузиазм» уже и советская пресса трезво оценила, а ты ведь до сих пор, как белка в колесе крутишься. А каковы результаты?

Неужели не жалко, что сведут на нет Папстов и Хорстов?..»

Трагедия семьи в том еще, что отец ушел в мир иной, так и не поняв сына, не одоббив его отчаянного «прорыва» к немецким корням. Натурализоваться Александру удалось, хоть и долго пришлось ждать вожделенного результата. Долгожданный свидетель был найден через объявление в газете: старик из бывших поволжских немцев вспомнил однокашницу, и даже то, как он аккомпанировал ей на аккордеоне во время выпускного бала. В далеком счастливом предвоенном году...

В перестроечные годы для таких людей очень остро стоял вопрос, будет ли восстановлена Республика Немцев Поволжья. Однако курс при Борисе Ельцине был взят иной – на создание национально-культурных ассоциаций, на укрепление национальных районов по месту компактного проживания немцев (например, в Омской области).

Это не устроило многих, в результате массовую эмиграцию немцев в фатерлянд остановить не удалось. Ценнейшие работники уезжали из России и бывших советских республик^[4].

Критиков ельцинского курса появилось немало. Нужно отметить, однако, что и среди самих немцев не было единой позиции. В 1990 году, по данным соцопроса, среди немцев СССР только 13 процентов высказалось за Поволжье, а более 70 процентов – за Калининград, что, впрочем, вполне объяснимо. Тогдашний лидер общества «Видергебурт» – «Возрождение» Гуго Вормсбехер писал: «К Волге тяготеют в основном выходцы из этого региона. Но ведь в Поволжье до войны жила лишь четверть нашего народа, да и в экономическом и культурном отношении АССР НП уступала немецким общинам на Украине, в Крыму, на Кавказе... Калининградская область – бывшая немецкая земля, которая гораздо ближе к Европе, к немецкоязычным странам».

Таким образом, сначала был закрыт поволжский вариант. Что подтвердилось в правительственных документах и регламентациях^[5]. А затем для российских немцев перекрыли и калининградский коридор выхода из тупика. Вожделенная мечта рухнула. На пермских немцах это отразилось так же, как и на выходцах из других регионов. Количество их резко уменьшилось. Один факт: состав правления общества пермских немцев практически полностью обновлялся каждые четыре-пять лет, с пугающей регулярностью.

Хотя с другой стороны у данного процесса есть, конечно, и положительная сторона. Во многих случаях люди обретают свои корни, положительно решается проблема самоидентификации, идет воссоединение семей.

Уезжают, тем не менее, далеко не все. Мне довелось познакомиться с одним из тех, кто остался в Перми, – Генрих Эпп, ветеран педагогического труда и – ветеран трудармии, строитель Златоуста. Кстати, он – отец солиста пермской оперы, заслуженного артиста России Владимира Григорьева, недавно ушедшего из жизни. Несмотря на свой солидный возраст, ветеран не жил замкнутой жизнью, он участвовал в жизни общества пермских немцев в качестве сценариста концертов и поэта. Одно из своих философских стихотворений с названием «Куда идешь, Россия?», Эпп заканчивает, однако,

на такой ноте: «...Так пусть любовь сердца роднит, не будем ждать мессию! Я верю: теплый свет взрастит побеги славные России». – Перевод Л. Слюсаря, товарища Г. Эппа по литобъединению.

Генрих Эпп сумел определить для себя «границу между культурой и дикостью», ту границу, о поисках которой писал в своих искренних посланиях на свою уральскую Родину выпускник пермской школы № 92, а ныне преуспевающий германский житель^[6].

Об этом же размышляли в своих рефератах старшеклассник из Гремячинска Иван Вебер и Кирилл Симаков – участники областной научной конференции учащихся, состоявшейся в 1999 году. Иван написал прекрасную, глубокую работу о судьбе поволжского немца, своего деда Артура Вебера. Кирилл воссоздал поучительные страницы жизни семьи Гебель – строителей города.

«...Они не герои, а самые, казалось бы, обыкновенные люди, отдавшие свою жизнь тяжелому повседневному труду, – размышляет Кирилл. – Но почему же сегодня так хочется хоть чуть-чуть быть на них похожими?»

Вопреки всему быть достойным, жизнелюбивым, общительным, энергичным... И верить, твердо верить в то, что лучшее будущее обязательно наступит. Если мы не лишимся исторической памяти...».

В. Киришин

«Наши – не наши»^[7]

[...] Опять разделение: «Наши – не наши». Но от него никуда не уйти, речь пойдет о родившихся в России немцах и о гостях нашего города из Германии – разница между ними значительна.

Первые немцы на Средней Каме появились в XVII веке, вслед за русскими (тоже, кстати, людьми пришлыми).

Это были инженеры, врачи и учителя, приглашенные разбогатевшими на торговле солью и медью промышленниками и купцами, – люди образованные и на удивление нравственные: ни воров среди них, ни пьяниц, будто и не люди вовсе.

Любопытно, что один из первых пермских губернаторов был немец – Карл Федорович Модерах (1796–1811). Заслуги его перед российской короной и пермской землей общеизвестны.

С развитием Перми естественным образом росло число немецких специалистов. В XIX веке немецкая диаспора в Перми укоренилась возведением лютеранского храма – кирхи (1864).

В 1897 году в Перми проживало 256 немцев. Число значительное, если учесть, что все население города тогда насчитывало порядка 50 тысяч жителей.

К 1920 году число немцев возросло впятеро. В 20-х годах процесс их естественной миграции закончился. Началась эпоха репрессий.

День траура

Что такое репрессии, знают теперь все: это когда люди бесследно исчезают. В Пермской области все было в точности наоборот: неизвестно

откуда стали приходиться эшелоны полуживых и полуодетых людей разных национальностей. Так выглядело в Прикамье раскулачивание.

В 1930-х годах – первая волна принудительного притока немцев в Прикамье. В 1932 году на севере области появились первые лагеря спецпереселенцев – раскулаченных зажиточных крестьян, в том числе и немецкой национальности. Самые трудолюбивые земледельцы страны теперь валили камский лес и погибали. На их место присылали новых – цикл повторялся, количество истребленных таким образом людей уточняется. Сверху по Каме пошел лес – бревна врассыпную. Это называлось «молевой сплав». Вверх по Каме шли люди, вниз по Каме – бревна.

В 1936 году у пермских лютеран отобрали кирху. Православные храмы тогда тоже закрывали, но тут есть разница. Православные церкви нередко разоряли сами мужички, изверившиеся и обуянные бунтарством, церковью было много. Кирха же в Перми была одна, лютеране были набожны.

В 1940-х годах – вторая волна спецпереселенцев. [...] День выхода смертоносного Указа – 28 августа 1941 года – стал для российских немцев Днем траура. Они отмечают его каждый год. Мы об этом дне ничего не знаем.

Отдельно строились лагеря военнопленных. Их содержание регламентировалось международными соглашениями и потому заметно отличалось от ГУЛАГа в лучшую сторону. Пермь к военнопленным (в их числе, кроме немцев, были австрийцы, румыны, итальянцы) относились сочувственно. Военнопленные работали в Молотове (Перми) на строительстве жилых зданий, участвовали в реконструкции Комсомольского проспекта – южной его части, в строительстве Дворца культуры имени Я.М. Свердлова. Они находились здесь до конца 40-х годов, после этого были выпровождены в Германию.

Через 50 лет в Пермь на фестиваль этнографического кино приехал Герд Беккер, молодой профессор Гамбургского Института этнографии. На фестивальном банкете Герд поведал собравшимся о своем отце, не по своей воле оказавшемся в 40-х годах в Сибири и завещавшем сыну самое лучшее отношение к русскому народу и самое худшее – к сталинизму.

Дьявольская симметрия: отец автора этих строк в то же злополучное время и тоже вынужденно оказался в Германии – он также завещал сыну самое лучшее отношение к немецкому народу... О самом худшем отношении к фашизму говорить не будем с твердой уверенностью в общем согласии. По крайней мере, в Перми фашизм не актуален. Идем дальше.

Переселенные российские немцы работали безукоризненно. Кроме национальной привычки к добросовестному труду, в них жила надежда на скорое окончание войны, на скорое возвращение к своим домам на Волге, к землепашеству...

Теперь мы знаем, что и безропотным трудом советскую власть убедить было нельзя. В ее лидерах после кровавых пиршеств 30-х годов навечно поселился страх возмездия. Отсюда тотальное недоверие: ну как это – есть шанс ударить в спину, значит, ударят. [...]

А они не ударили.

В конце 40-х – третья волна притока немцев: репатриация. Возвращение – в это надо вслушаться – на родину советских немцев. То есть, хоть они и немцы, но родина у них – СССР, – тут советская власть не сомневалась, ей зачем-то надо было их вернуть из-за рубежа, немцев, очень надо было.

Практически это выглядело так. Угнанных в Германию и Польшу с оккупированных земель российских немцев после освобождения стали агитировать советские эмиссары. Часть из них поверила пропаганде и согласилась вернуться в СССР, тем самым, кстати, еще раз подтвердив свою реальную принадлежность и сердечную привязанность. Да только в пути следования власть опять засомневалась, и вместо своих обжитых мест на Волге немцы угодили в лагеря спецпоселенцев. В Молотовскую область таким образом прибыло около 15 тысяч репатриантов.

Всего в конце 40-х годов в области проживало около 70–80 тысяч лиц немецкой национальности. Их охотно принимали на работу во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, репутация немцев как грамотных и добросовестных работников была безупречна.

Эмиграционная волна

Эпоха репрессий 30–50-х годов, естественно, породила массовую эмиграцию немцев. Ее фактическое начало приходится на 1959 год. Пик волны – в 1976-м. Вторая волна, самая мощная и опустошительная, поднялась после советской перестройки и объединения Германии, она в тридцать раз превысила предыдущую.

По самым заниженным подсчетам, за три года, 1994–96-е, выехали из Пермской области в Германию 4430 потомственных российских немцев. Реальное число намного больше, но определить его невозможно: слишком сложными маршрутами выезжали пермские немцы за рубеж – и через Саратов, и через Алма-Ату...

Эмма Биглер, член правления Общества российских немцев г. Перми: «Решиться на отъезд было очень трудно, некоторым это не под силу до сих пор. Разные факторы затрудняют отъезд: долго, дорого, требуется знание языка, родственников надо иметь там и не иметь привязанностей тут – а если всю жизнь прожил в России... Для меня это невозможно, хотя языком владею и литературным, и швабским диалектом. К тому же Германия вводит все больше ограничений на въезд, люди пишут, не очень-то мы там и нужны. А в России я родилась, здесь похоронены мои родители. Нет, никуда я отсюда не поеду».

Известно, что в 1989 году в Пермской области проживало 15 316 немцев (точнее, тех, кто не изменил своей национальности наперекор обстоятельствам). Из них в городе Перми – 2166 человек.

Для их объединения и было создано в 1990 году в Перми Общество российских немцев. Оно взяло на себя задачу сплочения и защиты прав граждан немецкой национальности, сохранения их культуры, языка.

Стараниями Общества лютеранам Перми было возвращено здание кирхи, что на улице Горького. На средства религиозных организаций Германии здание

было отремонтировано, установлен орган. Кирха освящена в 1996 году. Службы проходят на немецком и русском языках.

Юрий Рейхардт, нынешний председатель Общества российских немцев г. Перми: «Сейчас немецкая эмиграция идет на спад. Оставшиеся хотят объединяться, к нам приходят новые люди, которые узнали о нашем обществе от друзей, от родственников. Недавно создана в Москве Академия российских немцев, возглавляет ее доктор Виктор Эрлих. Она попытается объединить немцев, которые занимаются наукой. Более общие задачи в Москве решает Международный союз немецкой культуры под руководством Генриха Мартенса. Союз осуществляет координацию культурных инициатив и информационное обеспечение, финансовое обеспечение проектов – как правило, с германской стороны. В Перми нам помогают многие руководители – немецкой национальности, в первую очередь, но не только. В последнее время отношение к нам заметно улучшилось».

Объединения немцев, подобные пермскому, существуют и в других городах области. Наиболее многочисленные – в городах Соликамск, Березники, Краснокамск, Кизел.

Петр Петерс, председатель Краснокамского общества российских немцев: «Надо сказать, что администрация нашей области много делала и делает для немецкого населения в сравнении с другими областями России. У нас раньше других начался процесс реабилитации, раньше других стали получать пособия жертвы репрессий. А в Краснокамске любой вопрос наших немцев встречает понимание, тут надо сказать слова благодарности, конечно».

В 1996 году в области оставалось бывших трудармейцев – 1570 человек, из них в городе Перми – 164, в Соликамске – 272, в Березниках – 144. Сейчас их уже, конечно, меньше – кто уехал, кто умер...

Давние проблемы российских немцев – автономия и гражданские права – скоро решатся сами собой. Исчезнет с нашей земли довоенная немецкая культура, взаимообразно обогащавшая русскую, уйдут оскорбленные нами люди. На кого спишем эту вину – опять на Сталина?

С чистого листа

Вот уже десять лет действует договор о партнерстве Пермской губернии и земли Нижняя Саксония. В рамках этого договора в городе и области развиваются разнообразные культурные и экономические инициативы, в город и область едут новые немцы. Едут по делу.

Культурные связи

В Перми создано Контактное бюро Немецкого культурного центра им. Гете в Москве в лице Татьяны Чагиной. Этим бюро – естественно, при участии Департамента по культуре и искусству и ряда общественных объединений города – только за один последний год был реализован ряд проектов.

Фестиваль «Дни этнографического кино в Перми»: кинопросмотр, мастер-класс в помещении областной библиотеки им. А.М. Горького. На фестиваль немцев приехало трое: доктор Герд Бекер из Института этнографии (Гамбург), кинопродюсер Йорг Витте (Саарбрюккен) и кинорежиссер

Себастиан Эшенбах (Берлин) – три отважных путешественника, рискнувших углубиться в Россию в разгар кризиса.

Второй фестиваль немецкого классического кино г. Перми «Тайны Рейна»: кинопросмотр, синхронное музыкальное сопровождение одного из фильмов в живом звуке пермских музыкантов групп «Пагода» и «ДОМ».

Информационный семинар для менеджеров, выезжающих в Германию: языковая и информационная подготовка.

Гастроли ансамбля камерной музыки из Франкфурта-на-Майне «I Musici festosi» в Пермском театре оперы и балета и в хоровой школе мальчиков.

«Киноночь» в ДК фабрики Гознака: озвучивание шедевров немецкого немого кино пермскими музыкантами из тех же групп «ДОМ», «Пагода», московскими – из группы «Ночной проспект». Взаимообразно сопровождение немого фильма С. Эйзенштейна «Октябрь» немецкой рок-группой «OHR» – 80 минут оригинальной музыкальной композиции.

Мастер-класс хореографа из Ольденбурга (Нижняя Саксония) Ирины Паульс в Частном театре Евгения Панфилова.

Еще один канал сообщения немецкой и русской культур – детский Театр танца «Лялен», созданный хореографом и режиссером Арнольдом Райником в 1991 году. В репертуаре театра немецкие и русские народные танцы, танцы на музыку современных немецких композиторов. Выступления юных артистов театра проходят с неизменным успехом.

Наука

По линии РАН открыт кредит на полмиллиона марок. Уже получен инфракрасный спектрометр (180 тыс. DM) для Пермского института технической химии. Оплата кредита предусмотрена сырьем.

Образование

В пермских вузах по долговременным договорам работают преподаватели из Германии. Обучая наших студентов языковым тонкостям, сами пишут научные труды по русской тематике. Налажен порядок стажировки пермских студентов в Германии.

Экономические связи

Германия – самый активный источник инвестиций в экономику Пермской области после США. Работа по открытию новых кредитных линий ведется в основном с Германией.

Длительное время сотрудничают с немцами специалисты ОАО «Уралсвязьинформ». [...]

В области 52 предприятия с участием немецких учредителей. Крупнейшие – «Герос-Кабель» (совместно с АО «Камкабель»), «Штокхаузен – Пермь» (совместно с НПО им. С.М. Кирова), «Камател» (совместно с ОАО «Морион»). [...]

Транспорт

Пермяки вполне оценили комфорт и надежность немецких автобусов «МАН» и «Мерседес» – не беда, что из «вторых рук». Бывшие в употреблении

автобусы были приобретены городской администрацией в Германии три года назад – всего 154 машины за счет транспортного налога с горожан. [...]

Здравоохранение

Детский онкогематологический центр на 30 мест в областной детской больнице был построен и оснащен современным оборудованием на три четверти за счет благотворительной организации «КЭР – Германия», телерадиокомпании WDR (Кельн) и Благотворительного фонда Бохольта.

На четырех трейлерах было доставлено из Германии в Пермь медицинское оборудование и принадлежности для Центра. Немцы привезли все – от диагностической аппаратуры и мебели до полотенец и ведер.

Палаты Центра – одно- и двухместные, «евростандарт», с телевизорами, видео и централизованным наблюдением за состоянием больных детей. Из Германии присылаются медикаменты, игрушки. Постоянно немцами содержатся два работника Центра – хаус-мастер (завхоз) и администратор (он же переводчик).

Наших врачей при необходимости дистанционно, при помощи современных средств связи, консультирует научно-методический руководитель Центра – доктор Г. Гебель (Дюссельдорф).

Кто кому должен

[...] Представим на мгновение, что фашизма никогда не было, и Гитлер не насильствовал Европу. Стали бы нынешние немцы с нами нянчиться?

Вероятнее всего, да. Они ведь не только к нам, они и в Гвинею-Бисау ездят. И в Африке, и в Аргентине есть у Германии культурные партнеры, вроде Пермской области.

Так что не стоит воображать о себе слишком много и начислять моральные проценты на чьи-то старые долги.

Полезнее вспомнить, не должны ли мы кому-нибудь?

Э.А. Гриб

Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере города Соликамска Пермской области¹

По известным причинам второе по численности национальное меньшинство в Соликамске – это российские немцы, которых сегодня здесь около 10%.

Общество немцев города было организовано в 1990 г., когда вследствие политики перестройки и гласности это стало возможным. Нужно было сделать попытку возродить язык и культуру российских немцев, так как за 50 лет все это было практически уничтожено и потеряно.

Для этого было необходимо преодолеть многолетний страх российских немцев в отношении их судьбы, ведь они многие до сих пор не верят, что у них в России есть перспектива, а также изменить сознание людей, среди которых живут немцы, в пользу всех немцев, и российских немцев в частности.

Десятилетиями вся официальная пропаганда клеймила немцев как фашистов, и наши российские немцы делали все мыслимое и немислимое, чтобы превратиться в кого угодно, но не быть «проклятым немцем».

Без помощи местной власти достичь чего-либо, на наш взгляд, было невозможно, и мы всегда получали определенную поддержку. Так, наша первая поездка на Всесоюзную конференцию российских немцев в 1990 г. оплачена администрацией города.

17 октября 1990 г. вышло в свет решение Соликамского городского Совета № 57 «О создании в городе Соликамске условий для изучения национальных языков», которое действует до сих пор.

В это же время в Соликамске на базе Дома культуры «Прикамье» был создан Центр немецкой культуры – один из первых в России, который успешно работал до известных финансовых обвалов и финансирования культуры по остаточному принципу. Создан оздоровительно-реабилитационный центр для жертв политических репрессий на базе горбольницы № 4, а Общество немцев обязалось через благотворительные организации Германии обеспечивать больницу медикаментами и, по возможности, оборудованием, что мы и делаем с 1993 года. Кстати, следует сказать, что самое сложное – это получить медикаменты с таможни. За последний год это стало настолько сложным, что вообще такая благотворительность теряет всякий смысл.

С помощью администрации города сложились очень полезные и продуктивные отношения с германскими организациями – прежде всего, из Нижней Саксонии, с которой у Пермской области развиваются партнерские связи. Так, университет города Оснабрюк уже принял на свои летние семинары 13 наших учителей немецкого языка. Два врача оздоровительно-реабилитационного центра прошли стажировку в геронтологическом центре г. Крефельда. Немецкий врач месяц работал в нашем центре. В Соликамске был проведен первый Российско-немецкий семинар по диабету, организованный Диабетцентром г. Квакенбрюка. В нашем городе успешно работали 16 экспертов SES. У нас побывали учителя, врачи, специалисты по организации и управлению, по лесному хозяйству, деревообработке, трикотажу и др. В Баварии сделали восемь короткометражных фильмов о Соликамске и его окрестностях. У нас гастролировали мюнхенские городские музыканты и «Позауенхор» из Ганновера.

Наш детский театр «Перемена» уже дважды побывал на фестивалях в Германии. Он побывал на IV Международном фестивале детских театров сказок благодаря огромной помощи администрации города и существенной финансовой поддержке ОАО «Соликамскбумпром». Дети из саксонского города Штолльберга отдыхали в прошлом году вместе с нашими детьми в прелестном уголке нашего города – в центре «Лесная сказка». Семь победителей нашей олимпиады по немецкому языку в течение месяца учились в школах Германии. Сейчас мы затеяли шахматный турнир с немецкими любителями шахмат по сети Интернет.

Наша администрация поддерживает все предложения, которые реальны и являются полезными для жителей города. Так, план Центра немецкой культуры

согласовывается с управлением культуры, управлением образования, комитетом по делам молодежи и утверждается главой администрации города, что является гарантией его исполнения.

Нормальные взаимоотношения у нас сложились и с областными структурами, с которыми мы решаем вопросы проведения областных мероприятий, например, дней немецкой культуры в Пермской области.

Мы активно участвовали в составлении областных программ – целевой Комплексной программы социально-экономического и культурного развития российских немцев в Пермской области на 1997–2006 гг. и целевой Комплексной программы по гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 гг.

Однако в последние годы работа идет на спад из-за уменьшающихся финансовых возможностей администраций города и области, а также из-за выезда в Германию значительной части наиболее активного немецкого населения города.

В силу того, что Урал был избран местом ссылки многих народов, они были задействованы в большинстве на работах в лесном комплексе и на угольных шахтах Кизеловского бассейна. Лесной комплекс развалился, а Кизеловский угольный бассейн фактически перестал существовать. Это привело к тому, что в бесчисленных лесных поселках Чердынского и Красновишерского районов, в шахтерских поселках Кизела остались в очень бедственном положении старики – жертвы репрессий, отработавшие много лет на тяжелых работах и вынужденные остаться в брошенных поселках, где уже давно нет электричества, магазинов, бань и т.д. Нужно найти силы и средства и позаботиться о них, поселив их в одном из ставших теперь ненужными заводских профилакториев. Так, в прошлом году при поддержке городской администрации и Департамента культуры нам удалось полечить в муниципальном образовательном центре «Лесная сказка» 60 бывших трудармейцев. Очень хотелось бы и в дальнейшем получать поддержку и давать старикам возможность полечиться и пообщаться.

При разработке Президентской федеральной целевой Программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 гг. была большая надежда на улучшение жизненных условий. Резко снизилось количество желающих выехать в Германию, а уже имевшие на руках документы на выезд тогда отказались от такой возможности.

К огромному сожалению, после утверждения Президентом Программы вся работа закончилась.

Министерство по делам Федерации, которое занимается национальными проблемами, – само по себе, а регионы с дисперсным проживанием немцев живут сами по себе. Мы активно работаем с Департаментом по российским немцам. Но какая может быть работа, если министры меняются слишком часто и не успевают войти в курс проблем?

Финансирование, заложенное в Федеральной целевой программе развития социально-экономической и культурной баз возрождения российских

немцев, составляет лишь 10% предусмотренного. То же и с областной Программой по гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999–2003 гг. Целевая комплексная программа социально-экономического и культурного развития российских немцев в Пермской области на 1999–2006 гг. вообще забыта и существует только на бумаге.

Очень успешно и приятно работать с Департаментом культуры администрации области. Наши предложения никогда не отменяются, как в других департаментах, а обсуждаются. Мы вместе ищем и находим пути решения проблем.

Бесценна для нас и помощь сектора по национальным вопросам областной администрации, но их возможности помочь нам, кроме как советами, весьма ограничены. Милые дамы, работающие там, не позволяют нам расслабляться, вселяют в нас уверенность, что надо использовать все имеющиеся у нас возможности в решении своих проблем.

Очень жаль, что число немцев, не верящих в решение их проблем в России и стремящихся выехать в немецкоязычные страны, все увеличивается. Из Пермской области в Германию, по нашим подсчетам, уехали около 5000 человек.

Очень хорошо, что в последнее время губернатор, его заместители, работники администрации области посещают города и районы области, но хотелось, чтобы они еще нашли время побывать в национально-культурных центрах, поговорить с руководителями национальных общественных объединений.

Со СМИ мы работаем нормально. Постоянно печатает материалы о нашей работе с репрессированными, о жизни соликамских немцев городская газета «Соликамский рабочий». В газете «Наш Соликамск» ежемесячно выделяется листок «Guten Tag». СМИ рады нашим материалам, охотно идут нам навстречу, но их надо тоже поддерживать, так как они вынуждены все больше площадей отдавать рекламе, которая людям уже надоела.

Необходимо также больше внимания обращать на работу религиозных организаций, по возможности помогать им, ведь они – основа нашей культуры.

В.Ф. Беккер^[8]

Российские немцы – вчера и сегодня^[9]

Диаспора российских немцев, проживающих в г. Березники, насчитывает более четырех тысяч человек. Это люди первой волны депортации, высланные на Урал, в Сибирь и в Казахстан из мест постоянного проживания (Украина, Крым, Северный Кавказ, Поволжье, центральные районы России) во время раскулачивания в 1929–1932 гг., а также люди второй волны депортации по Указу Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. В годы Великой Отечественной войны они были мобилизованы в рабочие колонны (трудовую армию). Они прибыли в Березники на строительство заводов для производства боеприпасов в район д. Мосягино (сейчас химический завод ОАО «Бератон»), в

п. Адамова Гора, а также магниевого завода, химических производств на химкомбинате и содовом заводе. Трудармейцы работали на ТЭЦ-4, строили жилые массивы в послевоенные годы, работали на водном транспорте. Обстановка негативного отношения ко всему немецкому, возникавшая в результате вероломного нападения Германии на Советский Союз, привела к повсеместному подавлению родного языка, традиций и обычаев российских немцев. Этому способствовала искусственная ассимиляция, которая заключалась в распространении смешанных браков и поголовной русификации немецкого населения, принудительного разделения на мужской и женский континент.

Общественная организация российских немцев «Wiedergeburt» (ОORN «Возрождение») г. Березники создана решением общего собрания диаспоры и утверждена постановлением городской администрации № 707 от 17 декабря 1990 г. Общее число членов общества по результатам перерегистрации на начало 2002 г. составило 379 человек. Из них 21,3% мужчины и 78,7% женщины, молодежь до 30 лет – 10,5%.

В распоряжение общества городская администрация предоставила помещение по адресу: г. Березники, проспект Ленина, 34. Здесь размещаются: офис, лютеранская и католическая общины; актовый зал на 100 мест; три учебных класса; комната для занятий детей в воскресной школе; библиотека немецкой литературы; комната для учителей; открытое кафе; кухня; вспомогательные помещения. В середине 90-х годов нами установлены связи с организацией VDA – «Общество немцев за границей».

В настоящее время деятельность общества поддерживается городской администрацией, автономной некоммерческой организацией «Социально-культурные программы в пользу российских немцев – «Breitenarbeit», за счет благотворительных и членских взносов. [...]

Общественная организация «Пермская гражданская палата» (фонд Форда) в 2000 г. обеспечивала финансирование деятельности хосписной бригады под руководством заслуженного врача РФ Л.В. Кауфман. [...] Осуществлено 566 врачебных посещений. [...]

В рамках сотрудничества с АНО «Breitenarbeit» организован центр встреч – Begegnungszentrum. Методическое руководство работой центра ведет образовательно-информационный центр – BIZ, расположенный в п. Мамонтовка под Москвой. Обучение слушателей проводится на семинарах BIZ. Наши активисты приглашались на следующие семинары:

- интенсивный языковой курс для руководителей российских немецких организаций (В.Ф. Беккер);
- демонстрационные работы с видео-, фото- и дизайн-техникой (Е.А. Гейер);
- социальная работа с пожилыми и трудармейцами (Е.А. Михаэлис);
- семинар для руководителей танцевальных коллективов (Н.В. Егель).

На семинаре в Гете-институте повышали свою квалификацию преподаватели курса «Hallo, Nachbarn!» О.В. Овчинникова и Т.В. Зырянова.

Наша команда участвовала в работе Всероссийского семинара «Национальные обычаи, традиции и праздники российских немцев» в Соликамске.

Изучение немецкого языка организовано в шести группах слушателей по 160-часовой программе. Занятия проводятся два раза в неделю по два часа. Уроки ведут лучшие учителя, рекомендованные городским отделом образования, прошедшие собеседование в VDA, и, кроме того, имеющие заключение российских немцев о том, что наши учителя понимают их диалекты. Это – И.И. Герасименко, М.А. Сазонова, Т.А. Минеева, Т.И. Цецерская, Т.В. Зырянова, В.П. Ружанова, О.В. Овчинникова. Все методическое обеспечение: учебные пособия «Hallo, Nachbarn!», дополнительные материалы, аудио- и видеокассеты, пособия для учителей – переданы нам от АНО «Breitenarbeit» для использования в нашей работе. В дополнительных занятиях используется видеокурс «Alles Gute».

Организована детская группа, состоящая из 16 человек в возрасте от 9 до 13 лет, уроки в группе ведет учитель немецкого языка О.В. Овчинникова. Дети в игровой форме по одному часу два раза в неделю начинают изучать немецкий язык с разрезной азбуки и букваря. Методическое обучение также получено от организации АНО «Breitenarbeit». Кроме того, в воскресной школе регулярно проводятся занятия на библейские темы на русском языке с детьми такого же возраста из 12 человек. Занятия на общественных началах ведут М.М. Гефель и Т.В. Зырянова.

Систематически с 1992 г. проводятся репетиции и выступления хора под руководством известного в городе педагога О.П. Колеговой (оплату работы руководителя взяла на себя католическая община, пастор Э.М. Финк). [...]

В клубе ведется картотека учета трудармейцев, списки инвалидов, списки юбиляров. Обобщается и распространяется опыт оформления документов на реабилитацию, возврат конфискованного имущества, организации распределения помощи продуктами и гуманитарной помощи по линии Красного Креста и помощи, организуемой нашим обществом. Организована работа под руководством Л.В. Лезиной и Т.Ф. Макаровой по уходу за пожилыми людьми. [...]

Работает женский клуб под руководством Э.В. Янковской. Три четверти членов нашего общества – женщины. Их объединяют трудные условия жизни в России. Они обмениваются опытом по сугубо женским проблемам: приготовление блюд, мода, макияж, работы в саду, шитье одежды и т.д. [...] С участием женского клуба проводятся детские новогодние праздники, субботники по уборке территории и уборке учебных классов.

В молодежном клубе проводятся встречи и дискуссии по широкой тематике, посвященной здоровому образу жизни, проблемам создания семьи, профориентации, современной жизни молодежи в Западной Европе (различные течения в молодежной среде), эстетическому воспитанию (по произведениям художников – российских немцев), по произведениям немецких композиторов (классическая музыка).

В кружке «Basteln» (умелые руки) дети учатся мастерить: шить мягкую игрушку, изготавливать сувениры, составлять композиции из природных материалов. Руководитель Г.А. Кох – рукодельница, мастерица по вязанию и вышивке. [...]

Регулярные встречи посвящаются большим религиозным праздникам: Рождеству, Пасхе, празднику урожая, – а также значительным датам, национальным и культурным праздникам: Трех королей, дню Св. Валентина, проходам зимы. Совместно с городской библиотекой № 14 проводятся Дни немецкой культуры. Например, обсуждалось творчество Г. Грасса по материалам, размещенным в Internet, обсуждались острые проблемы современной жизни на Западе. [...]

Развернута совместная работа с городским краеведческим музеем. Ведется исследование по изучению роли немцев в развитии промышленности и строительстве города Березники: строительство содового завода (80-е годы XIX в.), аммиачного производства и электроцентрали (30-е годы XX в.), магниевых заводов (годы войны и послевоенные годы), Первого, Второго, Третьего, Четвертого калийных предприятий (соответственно 50-е, 60-е, 70-е, 80-е годы XX в.), жилых массивов города (50-е, 60-е годы XX в.). Организованы выставки, посвященные жизни Почетных граждан города Березники – Э.Г. Мартина, Х.Р. и Г.Х. Тибелиусов, а также выставки этнографических экспонатов немецкой культуры. [...]

Местный композитор В.С. Задорин написал партитуры для струнного оркестра народных инструментов по произведениям Баха, Шуберта, Шумана. Оркестр выступил с рядом концертов немецкой музыки (вокал на немецком языке).

С помощью благотворителей из города Гослара у нас сформирована библиотека литературы на немецком языке (600 томов). Ею пользуются более 300 постоянных читателей.

Регулярно поддерживаются партнерские связи с городом Госларом (Ганс Вальтер Меллер) и с руководителем детского театра города Штоллберга Стефаном Мюллером. В Березниках состоялись представления этого театра по мотивам сказки братьев Grimm «Бременские музыканты». [...] Регулярными стали встречи с группой евангелистов-лютеран из Вольфсбурга: обмен опытом работы в воскресной школе, работа с людьми, страдающими алкогольной и наркотической зависимостью. Поддерживаются регулярные связи с Красным Крестом (г. Гамбург) по организации посылок для трудармейцев.

В заключение, необходимо отметить, что в настоящее время большие потери диаспора несет от эмиграции российских немцев в Германию, куда уезжают самые лучшие. [...] Вопрос в том, потеряна или нет «критическая масса» немецкой диаспоры, необходимая для поддержания культуры российских немцев за счет эффектов внутренней самоорганизации? Время даст ответ на этот вопрос.

Через трудармию к спецпоселению и неполной реабилитации^[11]

Хронологические рамки функционирования «Трудармии» – годы Великой Отечественной войны. [...]

Переселенные немцы верили, что после войны их жизнь улучшится, что им разрешат вернуться домой. Но этого не произошло. Сразу же после войны все бывшие трудармейцы получили статус спецпоселенцев без права выезда в другие районы страны. [...]

После войны к бывшим трудармейцам приехали их дети (преимущественно из Казахстана), оставшиеся в живых, которым разрешили проезд в Прикамье «на воссоединение семей». Они тоже стали спецпоселенцами. Спецпоселенцами стали и те российские немцы, которые находились под оккупацией и были отправлены на Запад: в Польшу, Германию и т.д. Те из них, кто был освобожден Красной Армией, вернулись на Родину, но вернулись они не на прежние места обитания, а в восточные районы страны. В нашу область прибыло более двухсот тысяч спецпоселенцев, из них 60 тысяч люди немецкой национальности. Голодные, полуодетые люди, жалкие триста граммов хлеба в день, жестокие болезни, умирающие дети и абсолютное отсутствие надежды – такова была жизнь немецких спецпоселенцев после войны. В этих условиях погибло в России около 300 000 человек, в Прикамье – больше 20 тысяч. [...]

До XX съезда КПСС дети спецпоселенцев не имели права получать высшее образование, а в некоторых случаях и среднее специальное. Не случайно среди людей старшего поколения очень много неграмотных. Что ж касается молодого поколения, то многие из них вообще не знали родного языка или по определенным причинам скрывали свою национальную принадлежность.

Не секрет, что под давлением жестоких обстоятельств народы-изгои почти утратили национальное самосознание. Именно к такой денационализации вольно или невольно подошли немцы России. [...]

В большинстве своем российские немцы добросовестно работали и работают в разных отраслях народного хозяйства: в нефтяной и угольной промышленности, в лесной и целлюлозно-бумажной, химической, в строительстве и т.д.

Среди людей немецкой национальности много учителей, врачей, артистов, инженеров, ученых и т.д. Назовем некоторых из них, которые сыграли большую роль в развитии нашего Прикамского края.

Отто Карлович Гиллер (1866–1942) – видный теоретик и практик целлюлозно-бумажного производства. В конце двадцатых годов Отто Карлович разработал и осуществил способ приготовления варочной кислоты, а именно, известково-молочный способ приготовления сернистой кислоты (башня Гиллера). В 1927 году ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического труда. [...] В 1931 году Гиллер получил звание профессора целлюлозы и научную степень доктора технических наук. В годы войны

О.К. Гиллер был эвакуирован из Москвы в Краснокамск, на Камский комбинат. В 1942 году в отжимном цехе была освоена выработка особого вида целлюлозы, заменяющей гигроскопическую вату. По качеству и свойствам она не уступала вате, а стоила в десятки раз дешевле.

Екатерина Никодимовна Гейденрейх (1897–1982), в балетных кругах ее звали Екатерина Николаевна – выдающийся педагог, основатель Пермской балетной школы. В начале июля 1943 года Екатерина Николаевна прибыла в Пермь из Ленинграда, где была преподавателем в Мариинском театре. 23 июля 1943 года была принята на работу в хореографическое училище. Так начался для нее пермский период творческой деятельности, который продолжался более тринадцати лет.

27 сентября 1944 г. Е.Н. Гейденрейх назначили художественным руководителем хореографической студии при Молотовском театре оперы и балета, которая 1 сентября 1945 года была реорганизована в Молотовское хореографическое училище.

Именно благодаря творческой деятельности Екатерины Николаевны Пермское хореографическое училище стало одним из лучших в стране.

По праву называют основоположником уральской археологии Отто Николаевича Бадера (1903–1979).

Большую роль в развитии пермской хирургии сыграл Евгений Антонович Вагнер (1918–1998), ректор Пермского медицинского института, который еще при нем получил статус Медакадемии.

17 лет ректором Пермского политехнического института был Анатолий Александрович Бартоломей (1934–2003).

Кениг Гельмут Рихардович – декан землеустроительного факультета Пермской государственной сельскохозяйственной академии. В настоящее время профессор Кениг заведует кафедрой геодезии и мелиорации, является членом-корреспондентом Академии аграрного образования, заслуженным работником высшей школы РФ.

Можно было бы привести еще ряд имен людей немецкой национальности, которые сыграли определенную роль в развитии нашего края, но все перечисленные выше имена дают нам право сделать вывод, что большинство российских немцев независимо от того, где бы они ни работали или служили, свое дело выполняли хорошо.

В целом же, надо признать, что по не зависящим от российских немцев причинам, процент интеллигенции среди них, особенно среди старшего поколения, меньше, чем у других народностей. Они безропотно несли и несут свой крест, работают так, что снова поднимаются с колен.

Нерешенные проблемы восстановления государственности российских немцев ставят под угрозу их дальнейшее существование как народа, и порождают у многих ощущение безысходности, неверие в готовность руководства на всех уровнях решать практические вопросы об их полной реабилитации. Прежде всего, это – культурно-языковая проблема. Во время переписи населения 1989 года более 20 процентов немцев Пермской области назвали родным языком русский. [...]

Со времен сталинского геноцида целое поколение российских немцев утратило свой язык, культуру, традиции. Уезжая в Германию, они говорят: «Пусть мы все потеряли, зато наши внуки получают возможность приобщиться к национальной культуре, традициям, чего никогда не будет в России. Мы в этом убеждались неоднократно».

Начиная с конца 80-х годов, каждый год из бывшего СССР выезжало 100–150 тысяч человек, и этот процесс продолжается. Не стоит в стороне от него и наша Пермская область. По Всесоюзной переписи 1959 года в нашем крае проживало 38 928 людей немецкой национальности. С этого времени начинается процесс снижения ее численности. В 1970 году – 21 404 человека; в 1979 – 17 823 человека; в 1989 – 15 326 человек, и этот процесс продолжается.

Нельзя не учитывать тот факт, что в годы Великой Отечественной войны и после многие люди немецкой национальности вступали в брак с людьми других национальностей и создавали смешанные семьи. Так, на 1 октября 1962 года в области проживало 28 650 людей из смешанных семей (0,89% от всего населения области), в Березниках – 4 000 человек (2%), в Краснокамске – 2 600 человек (3,4%), в Кизеле – 980 человек (1,7%), в Перми – 4 100 человек (0,3%) и т.д.

Только в 1994–1996 годы из Пермской области выехали 4 430 потомственных российских немцев. Самое печальное состоит в том, что, в первую очередь, уезжает самая трудоспособная часть населения. [...] Наши правители следуют приписываемому Сталину афоризму: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». Выходит, что им не жаль терять нужных обществу людей.

Чтобы как-то решить проблемы российских немцев Прикамья, еще в 1990 году в городах Соликамске, Перми, Березниках и Краснокамске возникли первые организации «Видергебурт» («Возрождение»). В последующие годы такие организации возникли в других городах области.

Одной из первых задач, которой занимались правления общества – это реабилитация немцев, безвинно пострадавших во время культа личности Сталина. В решении этой задачи общества «Возрождение» нашли поддержку областной администрации, информационного центра при УВД области, местных органов власти и комитетов социальной защиты. В нашей области значительно раньше и в более полном объеме, чем во многих субъектах Российской Федерации, стал претворяться в жизнь Закон РФ от 18.10.1999 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». [...]

Бывшие трудармейцы – это люди преклонного возраста. Сегодня в нашей области в живых из них осталось примерно 900 человек. [...]

Общество немцев не случайно носит название «Возрождение». Перед ним стоит задача – возродить культуру, традиции, обычаи и особенно язык. Все это российские немцы потеряли во время сталинского геноцида. Особенно много в этом направлении сделано в последнее время: организованы при культурно-деловых центрах обществ немцев курсы по изучению немецкого языка, проводятся литературные вечера, встречи с бывшими трудармейцами и всеми репрессированными, вечера юмора на немецком языке и др. [...]

По инициативе обществ «Возрождение» появляются немецкие коллективы художественной самодеятельности. [...] Все это делается для духовного возрождения немецкого этноса, той части российских немцев, которая остается жить в России.

Т.А. Клементьева¹

Российские немцы города Лысьвы

Общественная организация российских немцев г. Лысьвы была создана по инициативе председателя пермского общества немцев А.И. Класа, который 9 февраля 2000 г. направил в Лысьву Ренату Энгель – эксперта немецкого фонда Отто Бенике (Бонн, Германия.).

Рената встретила с главой администрации Лысьвы Валентиной Федоровной Фиониной, поддержавшей идею создания в нашем городе общества российских немцев, и уже в апреле 2000 г. организация была создана. Большую организационную работу проделал начальник отдела по делам молодежи и общественных организаций администрации города Станислав Владимирович Шахторин.

В декабре 2000 г. с новым главой администрации города Сергеем Александровичем Рихтером встретила Керстен Майер – эксперт немецкого фонда GTZ. Сергей Александрович обещал оказать помощь и поддержку обществу российских немцев и до сих пор держит свое слово. Сегодня в обществе 120 человек.

Деятельность организации направлена на сохранение, возрождение и развитие российских немцев как равноправного российского народа.

В современных семьях на немецком языке говорить не принято, и молодежь немецкой национальности или плохо знает язык или в большинстве своем не владеет им совсем. При обществе организованы курсы немецкого языка для взрослых. Преподаватель курсов Оксана Николаевна Мандрико, внучка бывшего трудармейца, российского немца И.Ф. Миллера. Дети учат немецкий язык в воскресной школе. Большую помощь в совершенствовании языка оказывают гости из Германии. Это и родственники членов общества российских немцев, и эксперты немецких фондов, социальные педагоги из Германии. Например, в Лысьву несколько раз приезжал Людгер Шмидт из Берлина. Он проводил семинары для молодежи. Работает кружок немецкой песни, который ведут члены нашего общества – Ольга Васильевна Кноль и ее дочь Инесса Чембарисова. Разучивание песен на немецком языке особенно эффективно при изучении языка. Автономная некоммерческая организация «Брайтенарбайт» регулярно высылает методическую литературу.

Несколько лет инициативной группой общества проводится работа по возрождению старинных немецких традиций и обрядов, издавна бытующих как в семейной, так и в общественной жизни. Трудно переоценить социально-культурный эффект празднично-игровых форм, которые способствуют стабилизации этноса в целом.

Возрождаются сегодня храмовые и семейные праздники, старинные напевы, мелодии и танцы используются для создания современных музыкальных форм.

Российские немцы участвуют в восстановлении истории.

Дата рождения г. Лысьвы – 19 августа 1785 г., когда началось строительство металлургического завода. На завод приезжало много иностранных специалистов, в том числе немцев. Однако данных об их количестве до 1941 г. нет. Активисты общества ведут поисковую работу о людях немецкой национальности, когда-либо проживавших в Лысьве, разыскивают их родственников.

Во время Великой Отечественной войны в Лысьву были депортированы немцы из Поволжья, Украины, Белоруссии. Документы о репрессированных немцах мы нашли только в архиве СМУ-2 благодаря Т.А. Горенбахеру.

В течение четырех лет в обществе российских немцев г. Лысьвы проводится конкурс сочинений «История моей семьи», а также конкурс семейных фотоальбомов. Воспоминания И.А. Каюриной (Лихтенберг), В.Я. Гельдт, М.В. Штромберг и Яны Штромберг, В.А. Казанцевой, О.Н. Мандрико, М.И. Штейнбах и других обогатили копилку краеведческого материала. А конкурс семейных фотоальбомов позволил найти уникальные фотографии времен Великой Отечественной войны.

Конкурсы социально-культурных проектов дают нам возможность получить дополнительное финансирование, а так как лысьвенское общество не имеет статуса юридического лица, то мы принимаем участие в проектах совместно с общественными организациями г. Перми и г. Березники.

В 2002 г. в Лысьве состоялся фестиваль «Мы против наркотиков». Этот праздник стал возможен благодаря сотрудничеству общественной организации российских немцев, администрации г. Лысьвы при финансовой поддержке АНО «Брайтенарбайт». Данный проект был направлен на проведение комплекса совместных мероприятий по формированию здорового образа жизни, а также способствовал адаптации немецкой диаспоры в многонациональной общности Прикамья.

Проект «Кукольный театр на немецком языке» был также профинансирован немецкой стороной. Куклами в человеческий рост управляют ребята; причем, в ходе спектакля идет обучение зрителей немецкому языку: немецкие фразы сопровождаются переводом, зрители вместе с актерами поют песни и участвуют в викторине.

Реализуется проект «Лингвистический лагерь» для детей российских немцев и поляков в возрасте от 10 до 16 лет. В работе лагеря участвуют педагоги из Германии.

Победителем второго областного конкурса социальных проектов стал проект «Два народа – одна судьба» – это совместный проект общества российских немцев «Wiedergeburt» и еврейского общества «Хесев-Кохав». Цель проекта: сохранение и преемственность поколений на основе возрождения общинной и семейной культуры, традиций двух народов.

В 2003 г. лысьвенское общество активно участвовало в проекте «Привет, соседи!» (Hallo, Nachbarn), который разработало общество российских немцев города Березники. Проект был направлен на объединение обществ российских немцев Прикамья и обмен опытом между ними.

Проект 2004 г. «Областной форум культуры российских немцев» стал продолжением проекта 2003 г. Целью форума являлось сохранение, возрождение и развитие этнокультурной и религиозно-культурной идентичности российских немцев, развитие горизонтальных связей между обществами российских немцев в населенных пунктах Пермской области, широкое ознакомление населения с достижениями и традициями немецкой культуры.

Духовной основой культуры российских немцев является работа католической и евангелическо-лютеранской общин. Не случайно проведение форума было назначено на 15 августа. В этот день традиционно отмечается религиозный праздник Вознесения Девы Марии. В этом празднике церковь усматривает символ надежды для всех людей. Бог создал нашу душу для жизни после смерти. В последний день Он воскресит и тело, вернет его человеку, но в новом, преображенном виде, и тогда человек насладится блаженством вечной жизни. Праздник Вознесение Марии, например, в Баварии является государственным. Во многих приходах проводятся местные праздники. Приходской праздник – это как праздник семьи, на который приглашаются все верующие, где участвуют все объединения и группы этой общины. Именно в эти праздники особенно отчетливо проявляется сотрудничество прихода с местными администрациями и различными общественными организациями. В работе Прикамского форума приняли участие члены восьми общественных организаций немцев Прикамья. Важным моментом этой встречи стала презентация выставки «Далеко на Урале, в почти недоступной дали (немцы в истории и культуре города Березники)». О работе общественных организаций российских немцев городов Березники, Лысьвы, Краснокамска, Перми был показан видеофильм.

Российские немцы – это консервативные носители опыта европейской цивилизации, историческая миссия которых заключается в том, чтобы привнести в Россию европейский опыт развития человеческого сообщества.

2005 г.

Соликамск стал родным

Э.Г. Бернгардт

Почетный гражданин Соликамска^[12]

Эдвин Александрович Гриб, председатель Соликамской общественной организации российских немцев «Возрождение»:

Родился я в 1925 г. в немецком селе Хойбуден (основано в 1824 г., по другим данным, в 1841 г.), по-русски – Сергеевка. Сейчас это на границе Донецкой и Запорожской областей. Мой отец проработал в этом селе учителем 24 года, был арестован в августе 1937 г. и уже 13 ноября расстрелян. Мать умерла еще в 1932 г., и фактически нас, троих братьев (я был самый старший), воспитала деревня. Все мы жили у одной хозяйки, и колхоз помогал ей за это.

Отец отдал нас в школу с пяти лет. В 1941 г. я уже окончил 10 классов Розовской (Розенбергской) средней школы. Насколько могу судить, получил хорошее образование – с 1-го по 4-й класс учился в немецкой школе, с 5-го по 7-й – в украинской, с 8-го по 10-й – в русской. И когда окончил школу, для меня не имело значения, немецкий язык, украинский или русский. В школе все учителя были мужчины. Это, я считаю, тоже большая удача. Уже с 7-го класса у нас было делопроизводство. Мы могли все что угодно написать, посчитать на счетах, на логарифмической линейке, на арифмометре «Феликс», который тогда был самым распространенным. Я и сейчас поддеваю молодежь: «Слушай, ты можешь на счетах квадратные корни извлекать?» Все говорят, что это невозможно, а я вот (*смеется*) умею.

5 сентября 1941 г. меня призвали в армию, а 24 сентября я оказался в Соликамске. Когда призывники разговорились, то оказалось, что все мы – немцы. Я впервые узнал, что немцы говорят на разных диалектах и могут друг друга не понимать. Сначала непонятно, но потом, когда прислушаешься, все-таки начинаешь понимать, а затем и разговаривать...

Соликамск – город древний, он основан в 1434 г. на месторождении поваренной соли у реки Кама, где из-под земли били ключи из рассолов. Когда мы приехали туда в 41-м, нас было 12 тыс. мужчин от 14 до 60 лет. Нам поручили построить завод по выпуску пороха для военных нужд, и уже в августе 42-го завод дал первый порох. Возведенный российскими немцами он был пущен быстрее других аналогичных предприятий, большинство из которых не удалось достроить даже к концу войны. Тогда все делалось достаточно примитивно, но завод до сих пор (!) дает продукцию.

Немцы вообще во всех условиях работали хорошо, продуктивно, оставив заметный след после себя. И не только как работники. Местное население переняло от них самые разные навыки: в поддержании чистоты в помещениях, в приготовлении пищи, в разведении огородов, которые на севере были развиты очень слабо, и т.д.

В 1942 г. прибыло еще 12 тыс. немецких мужчин-трудармейцев. Они были мобилизованы из тех мест, куда их выселили по Указу от 28 августа

1941 г. и последующим депортационным актом. Работали в основном в лесу. Из 12 тыс. трудармейцев, строивших завод, 7300 погибли от голода и тяжелых условий труда и быта...

Б е р н г а р д т : Трудармия всегда ассоциируется с трагедией, а были ли там какие-нибудь забавные эпизоды?

Г р и б : В трудармии, т.е. в лагере, существовали комсомольская и партийная организации. Принимать в них не разрешали – можно было только исключать. А те, кто был принят еще до войны, продолжали числиться коммунистами и комсомольцами. Представьте себе партийную организацию за колючей проволокой, с каждодневной утренней командой «Шаг влево, шаг вправо считаются побегом – будем стрелять без предупреждения!» Разве это не смешно?!

А трагичных... Я помню случай, когда за сутки в бараках умерло 29 человек... Вышли на работу, нас пересчитали, и столько же человек должно было возвратиться назад. Если кого-то нет, то вся бригада будет мерзнуть и искать его. Из-за скудости питания у нас такая болезнь была – куриная слепота: ночью человек ничего не видел. Если кто-то в какую-нибудь яму провалился, так в ней и остался. Все ведь идут вперед, конвой подгоняет: «Скорей-скорей!» Зима, холодно... Потом идем обратно, ищем этого человека до тех пор, пока не найдется. Очень многих находили уже мертвыми...

У нас было 5 лагерей. В первом из них сидели уголовники. Во втором и третьем были немцы – по 6 тысяч в каждом. В четвертом – «члены семей изменников Родины» (ЧСИР): жены, у которых мужей расстреляли, и их дети. Много было жен военных. В пятом – политзаключенные по 58-й статье. Все находились в одинаковых условиях. Как немцев сажали без суда и следствия, так и этих женщин. Их тоже заставляли работать. У них в лагере были садик и ясли. Когда ребенку исполнялось 7 лет, его из лагеря изымали и отправляли в детдом.

В 1943 г. к нам привезли женщин-трудармеек взамен выбывших из строя мужчин. Они работали на лесозаготовках, потом на Соликамском бумажном комбинате. Это были женщины, не имевшие детей младше трех лет. У нас в Соликамске есть матери, которые до сих пор не могут найти своих детей. Те попали в детдома, там им дали другие имена и фамилии. Бывает, что родители, наконец, находят детей, а они от них отказываются: «Ты – не моя мама!» Все это ужасно...

Когда закончилась война, трудармию постепенно распустили, но всех немцев взяли на спецучет, и мы еще почти 10 лет были спецпоселенцами без права выезда. В 1956 г. немцам разрешили уезжать, но только не туда, откуда они были выселены. Если посмотреть статистику населения, скажем, в Пермской области, то получается, что немцы-трудармейцы и спецпоселенцы – до поры до времени вообще за людей не считались. В результате в 56-м году, когда немцев «сняли» со спецпоселения, население нашего Боровска, где числилось 14 тыс. жителей, сразу же увеличилось на 30 тыс. человек. *(В поселке Боровск Соликамского района находилось управление Соликамстроя НКВД, на*

объекте которого работали немцы-трудармейцы. – *Ред.*) В один день. Вроде мы до этого не существовали...

В 1950 г. я решил получить высшее образование, стать инженером-строителем, поскольку все это время работал на стройке. Так как выезд нам запрещали, то поехать на вступительные экзамены было невозможно. Но медалистов принимали без экзаменов, и я решил еще раз пойти в школу (вечернюю), чтобы закончить ее с медалью. Несмотря на различные препятствия, это мне удалось, и в 1951 г. я отправил свои документы в Ленинградский (он тогда назывался Северо-Западным политехническим институтом), на факультет «Гражданское и промышленное строительство», на заочное отделение (об очном вообще нечего было думать).

Я был принят без экзаменов, и зимой 1951–52-е гг. меня вызвали на первую сессию. Обратился (такой был порядок) в МВД, чтобы мне разрешили выезд на экзамены. Был большой скандал: «Как ты посмел! – и т.д.» Никто ведь не знал о моем поступлении. В конце концов, мне разрешили выехать, но наложили резолюцию: «С сопровождающим...» И вот я в 1952–53-е гг. ездил на экзамены под конвоем. Сопровождающий передавал меня тамошнему спецкоменданту, у которого я должен был отмечаться каждую неделю, а на обратном пути снова брал под конвой. После смерти Сталина я уже один ездил. В 1958-м окончил институт и стал инженером-строителем.

Еще в трудармии, поскольку я имел блестящее по тем временам образование, меня назначили техником по безопасности. Тогда я впервые услышал, что есть такая должность. А через три дня произошел несчастный случай со смертельным исходом. Я уже думал: «Все! Посадят!» Но, к счастью, выяснилось, что я не виноват. Так и продолжал работать до нового ЧП.

На кирпичном заводе – подсобном предприятии Соликамстроя – кирпич обжигался в кольцевых печах Гофмана. Чем скорее кирпич оттуда выгрузишь и снова загрузишь, тем больше оборот печи. При температуре в печи свыше 100 градусов возле нее стоял человек с палкой и буквально загонял туда трудармейцев: «Иди, работай!» Я написал предписание, запрещающее там работать, так как при этом грубо нарушались правила техники безопасности. Директор шум поднял: «Я тебя уволю!» Я все это сообщил в вышестоящие инстанции. Главный инженер Управления написал: «Товарищ Щеткин, не занимайся чепухой, Гриб должен работать...» Когда я передал эту бумагу директору, то, конечно, боялся – он ведь мог со мной сделать все что угодно. А тот вызвал меня и говорит: «Ты мне нравишься, ты настойчивый. Таким и нужно быть». С этим директором я потом работал до его ухода на пенсию, был даже начальником снабжения. В общем, трудился там, куда назначали.

Когда получил диплом инженера-строителя, сразу же поставили начальником производственного отдела на стройке, через шесть месяцев – начальником СМУ. В 1977 г. я стал заместителем директора по капитальному строительству и на пенсию вышел с этой должности.

Комбинат наш был построен в самом начале войны как подсобное предприятие Соликамстроя. Он выпускал все, что нужно для стройки. Абсолютно все! В цехе ширпотреба делали спички, сапожный крем, ручки для

учеников... Изготавливали фурнитуру, двери, окна... Единственное, что мы не успели построить, – стекольный цех. В 1946 г. наш комбинат стал самостоятельным предприятием, на котором работали практически одни немцы. Они его построили, а потом и дети их стали тут работать. Это было прекрасное предприятие, считавшееся очень престижным.

В июне 1990 г., когда пошли послабления (до этого наша область (*Пермская. – Сост.*) была закрыта для иностранцев), меня вдруг вызвали и сказали, что приезжает г-н Адамс из Посольства ФРГ, и всех немцев приглашают в Дом культуры. Там нам впервые объявили, что мы теперь полноправные граждане: мол, можете песни свои петь, на своем языке разговаривать. В сентябре (я уже на пенсии был) мы организовали Общество немцев города Соликамска, и меня избрали председателем. Поскольку я 16 лет был депутатом Горсовета (а затем, вплоть до недавнего времени, Городской Думы), меня в городе все знали. Строители – люди (*смеется*) всегда известные!

Я убежден, что главная наша забота – это работа в тесном контакте с администрацией. Не быть нахлебниками, не требовать для себя слишком многого, а нормально сотрудничать. Это, мне кажется, нам удалось.

Правда, в последнее время все наши наработки – в центре культуры, оздоровительно-реабилитационном центре, в деятельности художественной самодеятельности – сходят на нет из-за ухудшения общей ситуации в стране. Дома культуры и больницы закрываются, стадионы зарастают травой. Гибнет вся социально-культурная сфера, а вместе с ней погибает и национальная...

Поэтому я не возлагаю никаких надежд и на организацию национально-культурных автономий. Мы всегда работали вместе с другими национальностями, решали задачи, которые перед нами стояли, и, как мне кажется, очень многое успели сделать. Когда в администрацию области поступил Закон «о национально-культурной автономии», отдел национальных программ собрал представителей всех национальных организаций. Был подготовлен план создания НКА. Мы пришли к выводу, что в нашей области нужно создать 17 НКА. Разработали график – кто, что должен делать, мы этой работой занимались. И вдруг в конце 1997 г. в администрацию приходят два письма из Миннаца за подписью замминистра В. Бауэра, в которых он просит содействовать скорейшему созданию НКА российских немцев в Пермской области.

Естественно возник вопрос: а почему это так срочно нужно именно немцам? Он поясняет, что прочие имеют свои территориальные образования, а у российских немцев территории нет, и потому, мол, для них надо незамедлительно создать НКА. Еще больше меня удивило, когда съезд по созданию Федеральной НКА российских немцев был назначен на 19–20 декабря 1997 года. Нам этот срок показался вообще неприемлемым, поскольку дело было буквально накануне самого главного нашего праздника – Рождества.

Эта поспешность нас просто поражает. Мы всегда считали, что НКА надо создавать снизу. Уже много раз убеждались: когда что-то создается под нажимом сверху, то оно оказывается нежизнеспособным. Поэтому возникают

серьезные сомнения – будет ли способствовать решению проблем российских немцев создаваемая НКА?

К тому же я считаю, что не надо финансировать и уделять внимание одной нации за счет других. Это приводит только к межнациональным трениям, и даже к конфликтам. Если поставить вопрос так: мол, мы создали НКА, давайте нам теперь деньги, то ни один орган, утверждающий бюджет, не выделит средства только для немецкой НКА. А другие национальности? Ведь Закон об НКА дает им точно такие же права! Спешка в этом деле ни к чему хорошему не приведет.

И еще. Получается, что представители нескольких регионов сформировали Федеральную НКА. А как быть тем регионам, где не успели быстро создать свои автономии? Они ведь тоже имеют право на создание НКА. Вопрос должен был решаться снизу. Много немцев живет не в городах, а на селе, в бесчисленных лесных поселках и т.д. Они оказались исключенными из этого процесса. Пока мы туда дойдем, пока им объясним, что и как надо создавать, пройдет немало времени...

Может, надо было все делать иначе? Создать местные автономии, зарегистрировать их, потом региональные, а уж они сформировали бы всероссийский оргкомитет. И уже этот комитет (не из одних только представителей Москвы, как вышло фактически) подготовит съезд по учреждению федеральной автономии. А на деле госорганы приняли решение «Срочно создать!» И в результате Федеральная НКА сформировалась не снизу, а сверху...

Поспешными действиями можно легко разрушить то, что уже отлажено – работу Общества «Видергебурт», Международного союза немецкой культуры, немецких культурных центров «Возрождение», – не создав ничего взамен.

К сожалению, в последние годы лучшие представители нашего народа уезжают в Германию. Им там тоже несладко. Мало кто работает по специальности и удовлетворен своим положением. Там нет проблем с квартирами, с питанием, государство заботится о стариках, детях. Но удовлетворения у большинства наших переселенцев нет...

Очень плохо, что Россия теряет хороших работников, а они там, в Германии, не находят применения своим способностям. Они сравнивают себя с местными и видят, что находятся в каком-то униженном положении. Если у нас в стране жизнь станет чуть-чуть лучше, легче, количество возвращающихся будет расти. Поэтому нужен закон, определяющий статус переселенца, вернувшегося в Россию.

Сейчас я занимаюсь жертвами политических репрессий. Это почти все жители Соликамска, ведь сюда ссылались люди самых разных национальностей. Через мои руки проходит множество документов, свидетельствующих, что не только российские немцы, но и остальное население испытало много горя. Сажали и расстреливали людей всех национальностей. У немцев это, может быть, заметней, потому что их выселили почти в один момент.

Б е р н г а р д т : Да, горя хлебнули все. Но никого ведь не наказали только за то, что он, к примеру, русский. А за то, что немец, наказывали.

Г р и б : Хотелось бы обратить внимание на то, что о нашей истории пишут только газеты, издающиеся для немцев... В библиотеках такой литературы нет. Издавая книги, брошюры, газеты, вы должны посылать нам и экземпляры для местных библиотек, чтобы представители других национальностей тоже получили представление о нашей истории. Ведь до сих пор люди образованные порой спрашивают: «Почему вы остались здесь после войны?» Они думают, что немцы, живущие в России, просто не захотели в свое время вернуться в Германию.

Люди должны знать, кто такие российские немцы, как они здесь появились, как себя проявили и что сделали для России.

А. Клоц

Соликамск стал нашей родиной^[13]

От составителя:

Автор ставил перед собой задачу – с помощью метода репродуктивного опроса выяснить подробности жизни немцев в 1941–1945 гг. из уст самих очевидцев минувших событий. Представленные девять интервью дают уникальную возможность узнать детали исторического процесса из первых рук. Ответы даны по следующим вопросам:

- 1. Расскажите о Вашей жизни до войны?*
- 2. Вы говорили в семье по-немецки?*
- 3. Ваша национальность влияла на отношение к Вам других людей?*
- 4. Как происходило Ваше выселение?*
- 5. Как Вас встретило местное население?*
- 6. Каково было Ваше бытовое положение в трудармии?*
- 7. Почему Вы не уехали на родину во время «хрущевской оттепели»?*
- 8. Есть ли у Вас родственники в Германии? Помогает ли Вам немецкая община?*
- 9. Считаете ли Вы, что Российское государство должно Вам возместить нанесенный ущерб?*

Сайбель Антонина Иосифовна

Родилась 18 июля 1923 г. в Коминтерновском районе Одесской области.

1. До войны у нас жизнь была интересная. Папа работал агрономом, постоянно был в командировках, и мы часто переезжали.

В 1933 г. на Дальнем Востоке стали осваивать земли, организовывать колхозы. И многих работников земельного управления (мы в то время жили в Каховке) отправили на Дальний Восток. Мы уже сидели на чемоданах – вещи упакованы, справки из школы взяты, билеты на руках, но пришло сообщение о том, что эшелон, на котором уехала первая партия переселенцев, пустили под откос – это была диверсия. Все люди погибли. Мы отказались ехать туда, а

поехали в Крым. Сначала жили в Карасубазаре – это маленький татарский городишко, в сорока километрах от Симферополя. Тогда русских там было мало, большинство – татары. Я пошла в школу. На Украине я училась хорошо, русский язык у нас там был как иностранный. По-русски я сносно говорила, а вот писала, конечно, отвратительно, все на украинский лад, было много ошибок. Одна контрольная, вторая. Сначала учительница красным подчеркивала ошибки, а потом стала все задание перечеркивать, и писала: «Очень плохо». С ней у меня отношения не сложились. Я привыкла говорить то, что думала и видела. И она решила от меня избавиться, и однажды говорит: «Иди в четвертый класс». А я отвечаю: «Не пойду». Тогда ребята, ее любимчики, перетасили меня вместе с партой в четвертый класс. В этом классе мне с учительницей повело. Она видела, что я переживаю за плохие оценки, стараюсь учиться хорошо, и без дополнительной платы стала меня учить русскому языку. Мы занимались после школы у нее дома. Так за короткий срок я освоила русский язык и всю жизнь в душе благодарю эту учительницу.

2. В семье мы говорили по-русски, потому что папа мой был украинец (как позднее оказалось, скрывавшийся дворянин). Мы все время жили среди русских и говорили по-русски.

3. Ко мне было какое-то восторженное, хорошее отношение окружающих, часто говорили: «Ой, она немка!» Потом мы переехали в Симферополь, так как папу перевели в нархозем Крыма, там он стал ведущим агрономом. Пошел в школу мой брат, который младше меня на пять лет. В школе № 9, где я училась, тоже по русскому языку был замечательный учитель – Иван Иванович Четыркин. Он продолжал прививать мне любовь к русскому языку. Я стала получать одни «пятерки» и по письму, и по литературе. А вот немецкий у меня «хромал», на уроках выезжала на подсказках.

После девятого класса мы с подружкой пошли учиться в Симферопольский консервный техникум, проучились год – и началась война. Нас, второкурсников, отправили на уборку урожая. Около месяца мы спасали зерно, перелопачивали его, потому что убирали его полусырым, незрелым, затем культивировали землю, а потом нас увезли домой, в Симферополь. Здесь всех отправили на курсы медсестер. Девушки, которые до нас окончили краткосрочные курсы, ушли на фронт. А мы стали копать противотанковые рвы. Земля-то была, какая! Скалы, камни! Долбили так, что аж искры летели из-под кирок. Немецкие самолеты низко летали над нами, сбрасывали листовки, здесь же бегали люди из НКВД или Бог знает, откуда, они листовки собирали. Но кое-какие все же попадали в наши руки. В одной помню такие слова: «Русские дамочки, не ройте ямочки! Наши таночки пройдут ваши ямочки!»

4. В нашем дворе, кроме нас, еще одна семья немцев жила, остальные – русские, жили все дружно, хорошо.

19 августа 1941 г., утром, когда мама уже ушла на работу, она была стахановкой на швейной фабрике им. Н.К. Крупской, к нам постучались, вошли

люди в военной форме и сказали: «Собирайтесь! Три часа вам на сборы. Берите только самое необходимое. Через три месяца вернетесь». Маме в этот день на работе дали расчет. В трудовой книжке в спешке не поставили штамп, позднее из-за этого ее трудовой стаж посчитали не действительным. Папа в это время вместе с братом был в Выборге. В 1940 г. он участвовал в сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве, и после нее его направили работать в Выборг. А мы с мамой не могли приехать к ним, так как я сдавала экзамены. Уже после войны, он написал нам в Березники, где мы находились в трудармии, как с моим братом вместе с Красной Армией в 1941 г. они отступали, оказались в Средней Азии, здесь папа заболел лихорадкой, а потом его мобилизовали в трудармию.

Из Симферополя нас привезли в Краснодарский край, на хутор Безопасное. Мы там жили месяц. Несмотря на то, что мы были немцами, а на хуторе многие уже получили «похоронки», возвращались с фронта раненые, казаки очень хорошо к нам отнеслись. Колхоз выделял нам продукты. Нас хвалили, что мы помогаем убирать урожай. Однажды утром встаем – стоят подводы. Военный говорит: «Собирайтесь. Возьмите все, что есть у вас». А у нас и нет ничего. Как так? «Вы – переселенцы», – поясняет он. Возражаем ему, что мы эвакуированные. «Были эвакуированные, станете переселенцами», – ответил военный. Председатель колхоза приказал зарезать свинью, мясо зажарили, разделили между всеми нами, и мы поехали. Целый месяц нас везли. Куда? Никто не знал. Наконец, приехали в Казахстан, в поселок Нагорная, здесь жили немцы и поляки, выселенные сюда в 1936 г. Мы стали жить у них на квартирах, пробыли в Казахстане год. Работали в колхозе. Весной нам дали землю, мы посадили картошку, урожай был хороший, и в колхозе уродилось много картошки. Наша хозяйка была доброй, и мы жили как одна семья. Вдруг к нам опять пришли военные: «Собирайтесь! Поедете в трудармию».

Привезли нас в Березники, строить магниевый завод. Не знаю, сколько километров от седьмого участка, где мы работали, до Заячьей Горки, где мы жили, возили нас на открытой машине. Утром уезжали – темно, возвращались – тоже темно. Без выходных, по шестнадцать часов работали. А питание – всем известно, какое. Уезжать никуда нельзя, каждый месяц надо было отмечаться в комендатуре.

5. На Урале нас встретили не очень доброжелательно. Бывало, идешь в город, на рынок, что-то купить (когда деньги стали выдавать), идем семь, то ли восемь километров, захочется пить – никто не давал воды, все двери наглухо закрыты. Мы к этому привыкли, потом стали кружку или баночку с собой брать, чтобы на колонке взять воду. Чуть что, слышим: «Немцы – фашисты», – этим глаза кололи.

6. Сначала жили в землянках с двухэтажными нарами – 90 человек. Однажды одна девушка умерла ночью, так до утра крысы у нее на ногах пальцы объели. Кто-то написал правительству письмо о нашем быте. Приехала комиссия из Москвы, и нас срочно перевели в бараки. Уехала комиссия, и нас

обратно – в землянки. И только через некоторое время снова поселили в бараки, тоже с двухэтажными нарами, но бараки уже были в городе, в девятнадцатом квартале. Работали мы тогда в жилстрое. Потом нас поселили в доме № 35, на улице Челюскинцев, в полуподвальном помещении. Этот дом мы достраивали. Ох, и досталось нам хорошо!

7. Когда нас увезли из Симферополя, все наше имущество осталось там. Ключ оставили какому-то представителю. Говорили нам, что когда вернемся, все вернут. После войны я даже написала в Верховный Совет письмо, и мне пришел ответ: «Ваше имущество перешло в пользу государства». И куда уедешь?

8. В Германии родственники есть, но мы туда не рвемся. Нас приглашали в гости, но что-то мы так и не собрались. Сейчас иногда приходят посылки от Красного Креста. Я получила уже несколько посылок, а муж – ни одной.

9. Хотя бы государство вернуло те наши деньги, которые были в сбербанке – все пропали. Что оно нам возместит? Мы на этом уже крест поставили.

Клоц Иван Яковлевич

Родился в 1923 г. в селе Нагорное Андреевского района Запорожской области.

1. Жили в колхозе. Потом я попал в ФЗО, и началась война.

2. Мы жили в немецкой деревне, которой в то время было уже более ста лет. Кроме немцев, в деревне жили и другие национальности, в основном украинцы. До 1937 г. в школе мы учились на немецком языке, а потом обучение стало на украинском языке.

3. На Украине к нам отношение было очень хорошее. Не было разницы, русский ли ты, украинец или немец.

4. Я в это время учился в ФЗО. В сентябре 1941 г. нас, русских немцев, отправили домой. Дома мы сразу отправились рыть окопы. У нас закончились продукты, и молодых, в том числе меня отправили за ними в колхоз. Приезжаем домой, и как раз вышел Указ о мобилизации немцев-мужчин в возрасте от 16-ти до 60-ти лет. Братьев уже не было, их забрали и увезли куда-то. 12 сентября погрузили нас в вагоны и отправили в Соликамск. Ехали мы 12 суток, по дороге нас не кормили, ели то, что у кого было. В Соликамске всех определили в лагерь для заключенных. Месяц мы строили для себя бараки. Потом я попал в командировку на Камский мыс, там и был до конца трудармии. В 1946 г. меня отправили на Родниковское озеро, где я стал работать мастером.

5. Идешь, бывало, по улице, и если кто навстречу идет, то обходит нас стороной. Местные жители нас боялись, считали, что мы плохой народ.

6. Я работал на реке Кама. В зимнее время лес изо льда на реке выкалывали, а в летнее сплавляли его. Здесь я работал, пока не закончилась война, до 1945 г. Жили в бараках с двухъярусными нарами. Моя работоспособность составляла 25%. Это значит, такой был худой, питание – очень плохое. Остались живыми только потому, что летом собирали щавель, лук, ловили рыбу. Денег нам совсем не давали. У нас было трехразовое питание, но оно получалось двухразовым, потому что в обед мы никогда не бывали дома. Уходили в семь часов утра, а возвращались в семь-восемь вечера. Остальное время все работали.

7. В 1948 г. я женился, обустроились, завели свой огород, скот. А ехать было некуда, потому что на Украину нас не пускали, а в Казахстане или в другом месте – все чужое.

Моя мать попала под оккупацию, после освобождения она вернулась к нам. Четверо моих братьев жили в Кировской области, теперь в живых осталось только двое.

8. Один мой брат жил в Казахстане, потом переехал в Германию. Мои дети пока здесь. Сам я не собирался туда ехать, поскольку столько лет прожил здесь, на Урале. У нас есть немецкое общество «Возрождение», ходим на его собрания и другие мероприятия. Посылок никогда из Германии не получал. Сейчас живем не хуже других. Дети выучились. Есть внуки, правнуки.

9. Как государство может возместить ущерб? Родились и выросли мы на Украине, а сейчас живем в России. Тем более мы тогда молодыми были, а родителей наших уже нет в живых, поэтому что-то ждать – нет никакого смысла.

Бах Мария Александровна

Родилась в 1926 г. в деревне Розенталь Симферопольской области.

1. Родители работали в колхозе. 1 мая 1938 г. моего отца забрали, позже нам сообщили, что он расстрелян, а потом – что невиновен и реабилитирован.

2. В семье говорили по-немецки.

3. В Крыму к нам было хорошее отношение. В 1938 г. наш колхоз был, как тогда говорили миллионером. Он кормил Симферополь, Севастополь, Ялту и другие окружающие города. В колхозе работали даже маленькие дети и старики. Мне было девять лет, так я по сто – двести трудодней зарабатывала. Как и взрослые, дети работали от зари до заката. Мы выращивали помидоры, баклажаны, перец, арбузы – чего только не было.

4. Нам сказали: «Закрывайте хаты, ключи сдайте в управление. Когда вернетесь, получите ключи». И вот до сегодняшнего дня так мы их и получаем. Семья была из девяти человек, один братик, сестра и бабушка умерли в Казахстане.

Сначала нас привезли на Кавказ, мы там убрали урожай. Дали нам немного винограда, арбузиков, хлебушка, посадили в телячьи вагоны, очень холодные, и повезли на север. Когда привезли в Казахстан, на станцию Мамлютка, была уже зима, мороз – 42 градуса. Нас посадили на брички и повезли еще за 30 километров от станции. По дороге мы все закоченели. Расселили по квартирам. Наша семья была самая большая, поселили у одной старушки – царствие ей небесное. Я до сих пор за нее молюсь. Хорошая была женщина. Зимой у нее прожили, а зимой 1942-го нас отправили на Урал, в трудармию.

5. Местные жители встретили нас плохо. Мы для них фашистами были в то время. Только в последние годы перестали обзывать. То, что мы – не русские, ведь по нашей речи слышно.

6. Мне было в то время пятнадцать лет. Мы пекли хлеб. Выдали нам тряпочные ботиночки, поселили в барак с четырехъярусными нарами, там вши, клопы. Потом нас заселили в земляночки, стали работать на первом участке. Были голодные-голодные, работали по 16 часов, пока бригадир не скажет: «Все». Вот тогда можно было идти домой.

7. Нас ведь на родину не пускали, квартиры нам там не давали. А до войны у нас было большое хозяйство: коровы, свиньи, утки, гуси, куры... Все оставили. Ладно, мама была смышленая, взяла с собой немного ткани, а то бы в Казахстане умерли с голоду.

8. В Германию уехал один из моих братьев.

9. Наверно, государство должно бы возместить нам то, что у нас было. Но у нас нет документов на то имущество, которое было до войны. Даже паспортов нам не давали. Тогда в деревнях ни у кого не было паспорта.

Сейчас мы тоже плохо живем, пенсии не хватает на достаток. Я одна хоть живу, а у кого семья – очень трудно.

Герман Элла Ивановна

Родилась в Маркштадте, в Республике немцев Поволжья. В 1930-м году семья переехала в Баку.

1. Жили в колхозе, папа в партии не состоял, но когда-то был красным командиром. В Поволжье он работал помощником прокурора, а в Баку – грузчиком на станции. Нас, детей, было шестеро. Потом папа заболел и не смог

работать грузчиком. Когда началась война, он недолго работал бухгалтером, а потом его забрали в трудармию. Забрали в трудармию и брата, он погиб в Тульской шахте. Но как писали отец и брат, их кормили хорошо, даже котлеты давали.

3. До войны мы жили и учились, как и все. Три с половиной года я проучилась в немецкой школе, потом в 1937 г. всех наших учителей забрали, они куда-то исчезли, школу закрыли. Мы ходили в церковь, но ее тоже закрыли. В 1982 г. с дочерью мы ездили в Баку, здание церкви еще сохранилась

4. Из Баку нас выслали в Целиноград (Акмата) в ноябре 1941 г. Там мы работали в колхозе. Весной пахали, борошили, летом сено косили, потом зерно веяли. 16 января 1942 г. меня забрали в трудармию, привезли в Соликамский район, в Солянку – это 12 километров от Соликамска.

5. Когда нас выслали в Казахстан, то там говорили: «Черти с рогами приехали!»

6. Работали в лесу. Как только крикнут: «Бойся», – мы – под дерево. Ясное дело, мы ничего не умели. Пилу, топор никогда не видели, теперь пришлось учиться. Зимой проработали в лесу. Весной сажали картошку. Потом нас отправили пешком на Колывну. Дали проводницу – Марию Григорьевну Писаль. Она была немкой, по специальности инженер. Позднее стала нашим комендантом. В Колывне мы лес заготавливали. Отсюда нас стали отправлять в разные командировки. Я и лыко для лаптей заготавливала, и маты (укрытия из соломы для теплиц) плела. Потом попала на Катомыш, здесь лес валила.

Кормили нас, конечно, неважно. Наш суп – это вода, немного картошки, без соли – и все. Мы худые были, сил – никаких. Хлеба – от 450 до 550 грамм – это все, что мы зарабатывали. На большую норму у нас не хватало сил. Однажды целые бараки лежали с дизентерией. Все опухли. Меня тогда определили на кухню. Еле-еле ноги передвигала. Надо было воду с реки тащить на кухню – примерно, идти километр. Это считался легкий труд. Вот мы целый день эту воду таскали. Надо было еще варить, потом все мыть... На кухне было неплохо, могли пышку какую-нибудь дать или кашу из котла выгрести, поэтому мы поправлялись, быстро становились на ноги. С Катомыша меня отправили на Усть-Язьву, оттуда на Емыш, где мы картошку посадили, потом обратно – на Усть-Язьву, на покос. Сено мы косили на болоте, другого места не было. Ферма была большая – коровы, поросята... Зимой удобрения возили, туалеты чистили. На следующий год нас заставили пилить для пароходов дрова – метровые. Разве я могла поднять высоко топор, чтобы разрубить метровую чурку? Поэтому мы пилили сначала маленькую чурку, становились на нее и пилили эти метровые дрова для пароходов. Надо было выполнить норму. А дорога туда – 7 километров. Пешком ходили, молодые были, привыкли.

Мужчины жили в бараке, а нам, девушкам, выделили «красный уголок», сначала мы там жили всемером, койка к койке, а впоследствии нас стало 14 человек. И представьте, жили дружно, не ссорились.

Здесь на сплаве мы получали дополнительный паек – 300 грамм овсянки на день, а на месяц – 9 килограммов, но никакого масла. И все-таки это была хорошая добавка. У меня был котелок литра на полтора – я его у заключенных выменяла. Всыплю туда овсянку, поставлю на печь. Сварится – наемся. Хлеб тоже давали. Так и выжили!

Мой отец тоже был в трудармии, когда стал инвалидом, его отпустили домой. Из дома он писал: «Доченька, мы здесь живем на птичьих правах. Достанем что-нибудь, значит, поедем». Ну что они доставали? Ходили по полям, где уже картошка была собрана, а хлеб убран. Надеялись, хоть горсточку пшеницы отыскать. А мне им послать было нечего. Однажды я послала домой белый и серый ситец, полотенца, которые нам давали. Когда в 1956 г. приехала к сестре, она мне и говорит: «Ой, как ты нас выручила, у нас даже полотенца не было, чтобы обтереться». На Усть-Язьве жили заключенные – «власовцы», они все умели делать. Как-то им заплатила 30 рублей и попросила сшить для меня тапочки, кроме большущих сапог носить было нечего. А потом стала домой посылку отправлять, пожалела маму, послала тапочки ей.

7. Я потом вышла замуж, у меня было четверо детей (один умер). В 1956 г. поехала к родным в Казахстан. Они – папа с мамой, сестра с сыном и еще две сестры – жили в одной комнатке, из глины сложенной, пол глиняный. Больше жить негде?

8. В Германии родственников нет, да я и не знаю. Когда в Баку жили, там родственники были: папина сестра и мамин брат. И насчет немецкой общины ничего сказать не могу.

9. Мне пенсию дают, и спасибо. Ничего не требую от государства. Пенсию получаю небольшую. Я все растеряла: колхозный стаж, и трудармию сосчитали только годы, ведь там мы не получали зарплату.

Ланг Бригита Ивановна

Родилась 17 октября 1925 г. в деревне Зычи Крымской области.

1. До войны мы жили хорошо. Отец работал председателем колхоза, он был партийным. В 1937 г. его забрали, шесть месяцев держали в тюрьме, он вернулся домой на костылях – хоть не расстреляли. Затем он работал кузнецом в колхозе и совхозе, на свиноферме кормил колхозных поросят. Мать также работала в колхозе, нас, детей, было 10 (восемь девочек и два мальчика). Еще бабушка с нами жила. Потом мы построили новый дом. Когда началась война, вместе со всеми соседями рыли окопы. Нам девчонкам, было по 15 лет, но мы

не боялись – каждую ночь по два часа дежурили у колодца, чтобы его не отравили.

2. Мама наша была русская, а отец – немец. Мама говорила с нами по-русски, а мы отвечали ей по-немецки.

3. В деревне нам никто не мешал.

4. Когда нас выселяли, нашу деревню уже бомбили. Ой, что было! Всех-всех выслали 19 августа 1941 г. У нас семья большая была, приехала машина, и нас увезли. А остальные семьи – евреи, русские, татары – запрягали лошадей. Никого не оставили. В один день всех выслали. Нам сказали, что через две недели мы вернемся обратно, ничего не давали с собой брать. Мама только взяла на руки полугодовалого брата и села в кабину, а нас – еще девятеро. Отец больной бабушке помог сесть в машину – и поехали. Везли под бомбежкой на Кавказ, приехали туда в конце августа. До ноября здесь работали, хлеб молотили. Матери на Кавказе говорили: «Оставайся здесь с ребятами». Она: «Куда отец – туда и я». И затем нас выслали в Казахстан. Там тоже стали работать в колхозе, я была прицепщиком. В это время отца и брата (1927 года рождения) забрали в трудармию. А потом и меня увезли в трудармию, в Соликамск. В Казахстане остались мать, брат с 1930 г. и остальные маленькие дети.

5. Сначала ведь нас держали в спецзоне, были высокие ворота с большим замком. Месяц или два так находились – не помню. Водили на работу и с работы бригадой, по одному ходить не разрешалось.

6. Работали в лесу, жили в бараках с трехъярусными нарами. Дали нам зимой лапти, а весной – калоши. У нас такой был смешной вид. Света в бараках не было. Целый день делали лучины. Ничего не было, даже гребенки, чтобы причесаться. Научилась сама гребешки делать: найду дощечку, обделаю ее, нитками заматаю – так и причесывались. Потом я заболела малярией. Во мне уже оставалось 30 процентов жизни, я чуть не умерла, но все-таки выжила. В 1946-м году уже работала на сплаве.

7. Если бы мы стали уезжать сразу после войны, то были бы наказаны как беглецы. В 1956 г. я вышла замуж, стали дети рождаться... А куда нам было ехать? В Крыму жила старшая сестра, и дом наш был целый, но его сразу же заняли после нашего отъезда. Мамин брат, русский, был партизаном. Когда пришли власовцы, его не поймали, а троих его детей повесили и дом сожгли. Другого брата мамы тоже повесили и дом его сожгли. Еще один мамин брат пришел в 1945 г. с фронта, а жить ему было негде. Так что у нас дома там уже не было. Поддеревни сгорело, и все документы на имущество сгорели.

8. Уехал в Германию брат, который 1927 года рождения, он жил в Джамбуле. Еще мои сестры живут в Белоруссии и Нижнем Тагиле. А немецкая община мне не помогает. Ее руководители не знают, что я – немка.

9. Конечно, государство должно нам все обратно вернуть. Мы сейчас пенсию получаем, слава Богу. У меня девять сыновей и дочь. Одни живут здесь, другие – в Казахстане и Москве... Все разъехались. Дочь живет в Перми, а я одна живу.

Фризен Вильгельм Петрович

Родился 3 июня 1911 г. в городе Молочанске Запорожской области.

1. Мои родители были рабочими. И мы, их дети, тоже на заводе работали. Моя заводская специальность – литейщик и токарь. А потом я поступил в техникум, который окончил на «отлично» и стал работать механиком. На пенсию вышел начальником парокотельного цеха.

До войны мы жили неплохо. Я еще помню Гражданскую войну. Войны ничего хорошего не дают. Они только разрушают то, что было создано. И после войны люди еще долго бедствуют. В 1921 г. был такой голод, миллион людей умирали с голоду. При нэпе стало лучше. 1928–1929 гг. были лучшие из довоенного времени, когда снова все было отлажено. Но правительству пришлось в голову строить колхозы. А в них никто не шел. Во-первых, не знали, что это такое. На собрании узнали, что надо в колхоз сдавать свою лошадь, корову, овец, а себе оставить только кур и уток, тогда ты будешь членом колхоза. Если не пойдешь в колхоз, значит, ты – кулак. Кулаков арестовывали, все у них забирали, семья оставалась без хозяина, ее переселяли в другой дом, а то и село. Первыми в колхоз пошли те, у кого ничего не было...

Пережили и то, когда в колхозе все лошади однажды сдохли за одну зиму, весной стали пахать на коровах и людях. Запрягают в плуг 10–20 человек, и пахать... Были еще ремесленники, и если кто-нибудь из них нанимал себе помощника, то считался эксплуататором... И его семья оставалась без кормильца. И вот такие безобразия были без конца. Перед самой войной вдруг появился сахар! Все сразу по ведру сахара купили. Война, говорят, началась внезапно, нападение фашистов было вероломным. Но мы, простые люди, да и правительство, знали, что будет война. Я в то время был в армии, служил на границе. Мы больше теряли танков и самолетов на местах, чем в бою. Думаю, что было вредительство в армии, потому что многие летчики оказались в отпусках, самолеты на аэродромах стояли без бензина, также и танки. Но все-таки в России много народа, этим она и спаслась. Отступаешь, отступаешь, а линия обороны все шире... Еще партизанская война помогла. Потом еще, знаешь, кто пришел? Дед Мороз! Дед Мороз им утер нос. Фашисты не были готовы к таким холодам. Они хотели за три месяца всю Россию захватить. Думали, если Москву захватить, то Россия упадет. Но это не так. Москва падала не раз, а Россия все равно оставалась, потому что она большая. И потом, такая

хорошая зима. Для любого врага она помеха. А когда снега нет, грязи столько у нас, что любой танк застрянет в лужах наших.

Меня взяли в армию в 1939 г. на два года, а я вернулся через семь лет.

2. В семье мы говорили по-немецки.

3. Со всеми были хорошие отношения. В нашем полку было двое немцев. Всего в полку – около трех тысяч человек. И мы, два немца, искали друг друга, чтобы поговорить по-немецки. А когда встретились, закурили и по-русски заговорили, забыли, что мы – немцы.

4. Потом мне вдруг сказали, что назначают меня переводчиком. Оказалось, что я попал в трудармию, где и был до конца войны. А моя семья жила на спецпоселении.

5. В трудармии местные жители были напуганы нашим приездом, они на нас смотрели как на «врагов народа». Надо же выдумать такое слово – «враг народа». Люди нас и боялись. Но умные люди все понимали. Мне, например, русские люди помогали. Я всегда находил у них поддержку.

6. Было несладко. Во-первых, мы не были одеты, как следует для наших зим, а выполняли очень тяжелые работы. Я, например, строил завод, который потом выпускал танки и оружие. Это было в Кирове. Потом меня перевели на железную дорогу в Татарию. Мы строили железную дорогу от Ульяновска до Свияжска. Нас на этой трассе, говорят, было 85 тысяч. Мы копали землю киркой, лопатой, работали с тачкой, носилками. А быт? Спали на 2–3 метра под землей, чтобы не замерзнуть, двойные нары, кругом два-три ряда колючей проволоки, вышки, собаки. Вот такие условия. Кушать – баланда. Дорогу мы должны были сделать за пятнадцать месяцев, сделали – за семь. Потом нас перевели в город Сталиногорск Московской области. Здесь мы работали на шахте.

Моя жена в это время была в Германии. Немцы их угнали пешком до самого Берлина. После разгрома фашистов, она попала в фильтрационный лагерь. Им сказали, что повезут домой, а на самом деле проехали мимо Запорожья в Новосибирск. Из Новосибирска она приехала к своему брату, который был в Соликамской трудармии, сюда уже приехали и ее родители. В свой первый отпуск я поехал к ним и остался здесь. Мы с женой построили дом, у нас родилась дочка, я стал работать на бумажном комбинате механиком в столярном цехе, отсюда ушел на пенсию и после пенсии еще работал одиннадцать лет.

7. Уезжать отсюда нам некуда, да и к Соликамску мы привыкли, нам здесь нравилось. Позже я ездил на Украину, но больше суток не мог там оставаться, народ не такой, как на Урале, там другие порядки, «волки и медведи» вместо людей.

8. Мои братья и сестры сейчас в Германии. А нам здесь хорошо, пенсии почти хватает, мы немножко садоводы. У меня русские зятья – их двое. Живем мирно, смиренно, не бедствуем. Братья из Германии посылки посылают, и через Красный крест получали посылку, за что спасибо. У нас есть больница, куда мы всегда можем обратиться, нас лечат – обижаться не на что.

9. Нет, я не претендую на то, что государство что-то нам должно. То, что мы пережили, это было давно. В правительстве сейчас другие люди. Что у нас пропало – это сейчас трудно оценить. Ведь не все рублем измеришь. Я родился в Запорожье, там ходил в школу, имел много друзей. Кто может это возместить? Правительство сделало для нас все, что могло.

Штеклейн Антон Николаевич

Родился в 1924 г. в селе Кадрук, Ундербановский район Саратовской области.

1. Перед войной я работал в колхозе. Жили неплохо, у нас хозяйство свое было. Отец работал продавцом, а мама была домохозяйкой.

2. В семье говорили по-немецки. Когда нас привезли в Сибирь, мы стали учить русский, но разговаривать сразу на нем не могли.

3. Все к нам относились неплохо. Мы жили в немецком поселении, русских у нас не было. Они жили на другом берегу Волги.

4. Нам ничего не объяснили, когда выселяли. Только знали об Указе – всех немцев с первого августа 1941 г. выселять. Пришли военные, сказали, что и сколько можно взять с собой. Всю нашу деревню выслали 22 сентября. Мы приехали в Сибирь, в Красноярск 16 октября. В дороге на больших станциях нас кормили.

5. Люди были разные. Кто-то хорошо к нам относился, а кто-то хуже. Я не могу сказать, чтобы местная молодежь нас обзывала.

6. Встретил нас председатель колхоза. Мы попали в село Покровка, на станцию Клюквино Уярского района. Нас там было 12 семей. Стали работать в колхозе. На полях уже лежал снег, убирали урожай из-под снега. А 22 января нас с отцом мобилизовали в трудармию. У меня еще два брата было, они остались в колхозе – младший и старший, который был трактористом. В трудармии, здесь же в Красноярске, я был лесорубом, на лошади возил лес, а отец работал на железной дороге. В 1943 г. собрали 1600 человек и отправили на Урал, в Чердынский район. В Красноярске нас кормили лучше. На Урале, если ты план выполнял, то тебе больше еды давали. А если нет, то бывало, выдавали только 200 грамм хлеба. Жили в бараках.

7. Когда нам разрешили соединиться с семьями, сначала приехала моя мама. Это было весной 1948 г. А потом жена приехала в 1949 г. У нас у всех была работа. В 1957 г. все устроились, у нас все было хорошо. Потом дети родились, сейчас они живут в Перми. Сын работает заместителем директора завода, а дочь работает на гидрометеостанции. Моя молодость здесь прошла. Мне было 19 лет, когда я приехал сюда.

8. Сейчас я живу один, жена умерла 12 лет назад. Дети устроены. В Германии живет мой брат. В Соликамском немецком обществе не состою.

9. Я пытался что-нибудь вернуть, но не смог ничего добиться.

На дом, который у нас был на Волге, у меня документы есть. Я их отправлял в Саратов. Мне ответили, что можно вернуть только через суд, и надо ехать туда.

Сабот Мария Игумновна

Родилась 10 июня 1923 г. в селе Новая Норка, Эрлинбаргский район.

1. Я закончила 8 классов. Нам не давали паспорта, пришлось работать в деревне. Нас, кому было уже 16 лет, отправили за Энгельсом каналы копать. Отца посадили. Мама доставала справки о том, что мы не являемся кулаками, и отца отпустили. Он вернулся из лагеря в 1933 г., через три месяца заболел и умер. Папа как пришел, сразу нам сказал: «Я пришел к вам ненадолго». Мы остались с мамой вчетвером. Потом братьев забрали в армию. Им бы уже домой прийти, так война началась, они с первого дня были на фронте. Когда нас выслали, старший брат был ранен, лежал в госпитале. А второго убили.

2. В семье мы говорили по-немецки. Мы жили в русской деревне, и отец хотел, чтобы мы изучали русский язык.

3. Отношение русских в деревне к нам было очень хорошее. Даже когда папа умер, мама болела, нам соседи хлеб давали. Жалели нас.

4. В воскресенье вечером мы, молодежь, гуляли на улице. Односельчане ездили на базар в город – продавать, что у кого было. Вернулись и сказали, что в Камышине немцев высылают.

Когда началась война, нас учили на трактористов. Мы с одной девушкой культивировали землю в 8 километрах от деревни. Заправщик должен был каждый день приезжать, и вот его нет – день, второй проходит. Недалеко была деревня, смотрим, там всех высылают, а мы в поле. На третий день под вечер приехал заправщик, он сильно плакал и сказал, что всех увезли на станцию, и мы лишь двое остались. Заправщик привез нас домой, и нас тоже увезли на станцию. Привезли в Сибирь и сразу отправили на лесозаготовку. Зимой – на

лесоповале, летом косили траву, потом хлеб убрали. А в 1943-м нас забрали в трудармию. Что это такое – нам не объясняли.

5. В Сибирь из нашего поселка привезли 12 семей. Расселяли по домам, по желанию местного населения, которое говорило, что привезли немцев с рогами. Нас троих: меня, маму и сестренку – забрал к себе председатель сельсовета. Напоили чаем, положили на печку спать. На другой день баню истопили. А потом надо было самим обустроиваться. В селе стояла какая-то будка, вот мы в ней и стали жить.

6. Когда нас взяли в трудармию, мы шли пешком 150 километров... Потом сидели в цементном подвале больше месяца, ждали, пока определят нас на работу... Мы больше всего работали в лесу.

Но свет не без добрых людей. Один охранник летом вечерами нас выпускал, мы пойдем в поле, найдем турнепс или другой овощ, сварим и поедим. Весной находили мороженую картошку.

7. В 50-е гг. мы поехали на родину, купили там дом. А когда муж стал прописываться, он – с Украины, его бы прописали, а меня – нет. Так что пришлось опять вернуться на Урал. Не прописали, потому что думали: будем требовать вернуть нам наши дома (я так предполагаю).

8. Живем мы сейчас неплохо. Есть родственники в Германии. Они знают, что мы в достатке живем. Немецкое общество нам никогда не помогало.

9. Государство должно возместить нам ущерб. Мы не были виноваты.

Нас насильно выслали, столько пришлось выстрадать – можно целые книги написать. А зачем мы так страдали?

Рутц Фрида Александровна

Родилась в 1925 г. в деревне Пеньхов (ныне Красноармейская) Саратовской области.

1. Жили мы до войны хорошо, втроем – отец, мать и я. В 1940 г. родился брат.

2. У нас все говорили по-немецки. Русский мы не знали. Только когда нас выселили, начали его учить.

3. До войны отношение к нам было хорошее.

4. В 1941 г. нас выселяли в Красноярский край. Перед Новым годом мужиков собрали, в том числе моего отца, и отправили в трудармию. А остальных весной повезли на Енисей, в Туруханский район. Сказали, что на три

месяца, а мы там прожили двенадцать лет. Отец работал на Урале. Он нам прислал вызов, и вот мы здесь, в Соликамске, живем с 1954 г.

5. Когда нас выгрузили на Енисее с парохода, народ говорил, что немцев привезли, с рогами и хвостами.

6. Квартир никаких не было, нас заставили копать для жилья землянку. Мы, две семьи, выкопали землянку, там и жили. Питались, как придется. Работали там, куда посылали. Летом я рыбачила, зимой сено возила, дрова пилила, почту возила, бывало, и в лесу работала. Давали 15 рублей на полмесяца. Ходили по огородам, картошку собирали. Нам говорили: «Летом не утонете, так зимой замерзнете». Никто у нас летом не утонул и зимой не замерз. Все остались живы-здоровы.

7. Мы никуда не уехали. А кто бы нас пустил на Волгу? Да, и жили мы неплохо. Отец был бригадиром тракторного отряда, трактористы всегда хорошо зарабатывали.

8. Мы живем с мужем. Сейчас у нас хозяйство: корова, поросенок. Пенсию получаем, здоровья, правда, нет. Одна дочь живет в Березниках, другая – в Рябинино. А помощь мы три года ни от кого не получали.

9. У нас была бумага, в которой было записано, что у нас оставалось дома в Саратовской области. Но никто нас даже не выслушал, и ничего не вернули. Некоторые люди пытались судиться по этому вопросу, но только нервы испортили – больше ничего.

Г. Канторович

Хранитель каменной летописи^[14]

От редакции:

Творческая судьба Филиппа Максимовича Тольцинера необычна. Родился и получил образование в Германии, а жил и работал более шестидесяти лет в России. Воспитанник знаменитой архитектурной школы известной своими новаторскими идеями, почти полтора десятка лет он занимался восстановлением архитектурной старины во глубине России.

Судьба надолго свела его с нашим краем. Безвинный, он много лет провел в ИТЛ Усольлага. После освобождения в 1948–1950-х годах стал начальником проектной мастерской главного архитектора Соликамска, занимался планировкой и застройкой Боровска.

Десять лет, с 1951 по 1961 год был главным архитектором Пермской специализированной научно-реставрационной мастерской. Весь этот период плодотворно занимался исследованием, проектированием ремонтно-реставрационных и реставрационных работ памятников архитектуры

Соликамска, исследованием и проектными предложениями по сохранению и реставрации исторической части города.

Филипп Максимович Тольцинер родился в 1906 году в Мюнхене в семье мастера по плетению мебели. Двадцати лет от роду подает документы в известную школу Баухауз. Основателем Баухауза был архитектор Вальтер Гропиус. Он объединил Веймарскую школу декоративного искусства и Академию изящных искусств и создал крупнейшую экспериментальную школу-лабораторию западно-европейского дизайна. Сыну ремесленника Филиппу Тольцинеру стали близки идеи Гропиуса, который говорил: «Искусство – высшая ступень ремесла, между художниками и ремесленниками нет коренного различия. Архитекторы, скульпторы, живописцы должны стать мастеровыми». Эти идеи не были новыми, но Вальтер Гропиус претворил их в жизнь.

Для своего детища Гропиус строит в Дессау специальное здание в стиле конструктивизма. Для руководства курсами и чтения лекций приглашаются известные художники, архитекторы, скульпторы. Среди них Василий Кандинский, Ганнес Майер, Иосиф Альберс.

В 1928 году Вальтер Гропиус уходит с поста директора и передает руководство архитектору Мисс Ван дер Роэ.

Сложная политическая обстановка в Германии сказывается и на Баухаузе – уезжают за океан и Гропиус, и Мисс Ван дер Роэ. Новый директор Ганнес Майер не стал дожидаться закрытия Баухауза фашистами (это случилось позднее, в 1933 году), вместе с группой своих учеников он выехал в Советский Союз. Свой коллектив Г. Майер и его сотрудники назвали «Рот фронт», подчеркивая этим не только интернациональный состав бригады (здесь были чех, венгр, немцы), но и солидарность с международным рабочим движением.

Работы в Советском Союзе было много. Тольцинер участвует в знаменитых архитектурных конкурсах 30-х годов, таких как проект Дворца Советов, школы Коминтерна, «Колхозного жилища». В активе архитектора осуществленные проекты учебных комбинатов для завода «Красное Сормово» в Горьком, типовые проекты школ ФЗО. По его чертежам возводятся первые дома соцгорода в Орске.

Поначалу все шло замечательно. Увлеченные работой молодые архитекторы сравнительно легко переносят бытовые неустройства, жизнь в общежитиях. И не сразу заметили изменившийся политический климат. В 1937 году многим из них отказали в продлении «вида на жительство».

Профессор Майер ранее других понял, что ему не удастся осуществить здесь свои творческие планы, и уехал с семьей в Мексику. Покинули страну и другие баухаузцы: уехал в Швейцарию Рене Менш, вернулся в Германию Конрад Пюшель.

Судьбы других членов бригады более драматичны: получив «вид на жительство», они потеряли саму жизнь. Антонин Урбан, талантливый архитектор, работал вместе с Ганнесом Майером над проектами технических школ, а затем основал отдел жилища в Академии архитектуры. Клаус

Мойман переехал в Магнитогорск, где и работал до самого ареста. Бела Шефлер был командирован в Свердловск. Все они, как и Филипп Тольцинер, были арестованы в феврале-марте 1938 года. В автобиографии этому периоду своей жизни Филипп Максимович уделяет всего две строки: «1938–1947 гг. – арест и заключение в исправительно-трудовой лагерь Усольлага Пермской области; проектирование для нужд управления ИТЛ Усольлага и его вольнонаемного состава». Что стоит за этими строками? Теперь, после книг Солженицына, Шаламова и других, прошедших крестный путь ГУЛАГа, можно представить.

И кто знает, может быть, и сгинул бы Тольцинер в недрах ГУЛАГа, но ему повезло. Приехавшему для лечения стоматологу понадобилось зубоорудное кресло. Иначе женщина-врач отказывалась лечить граждан архипелага. Тольцинер набросал эскиз. В его архиве сохранился этот чертеж. Думаю, он сделал бы честь любому дизайнеру, здесь сказалось и мастерство ремесленника-отца, и практика Баухауза. На архитектора-зэка обратили внимание, перевели его с лесоповала в проектную мастерскую.

Так начался новый период творчества архитектора – в ГУЛАГе. Самое поразительное, что автор сохранил свои произведения. На этот уникальный архив претендовали три учреждения – музей архитектуры им. Щусева в Москве, Баухауз-архив в Берлине и Пермский областной краеведческий музей. Архитектор отдал предпочтение Берлину и Перми...

Из ГУЛАГа Тольцинер перешел на работу в проектную мастерскую при главном архитекторе Соликамска. Здесь началась не только его новая строка биографии, но и совсем иная грань творчества.

Случай Тольцинера, на мой взгляд, самый невероятный. Питомец Баухауза, испытавший на себе влияние всех трех директоров (он поступает при Гропиусе, учится при Майере, а диплом ему подписывает Мисс Ван дер Роэ), после работы в Москве, после десяти лет «университетов» ГУЛАГа оказывается лицом к лицу с проблемой реставрации памятников древнерусского зодчества в далеком Соликамске.

Архитектурное наследие этого уральского города давно привлекало внимание как местных, так и столичных искусствоведов. Не случайно здесь была создана одна из первых в стране реставрационных организаций...

Архитектор Тольцинер впервые поставил вопрос о градостроительной ценности всего архитектурного наследия Соликамска, об охране не только отдельных памятников, но и всех ансамблей, а также сохранении исторической среды, того фона, без которого немислимы древние здания.

На основании многолетнего изучения планировки города и его ансамблей он выдвинул конкретные, научно обоснованные предложения, направленные на сохранение древней планировки, реставрацию памятников и определение достойного места для них в современном городе и его завтрашнем дне. Эти предложения вошли в согласованный проект охранных зон с предложениями по использованию заповедных зон в исторической части города. Они сыграли решающую роль в возведении Соликамска в ранг исторического города.

Замечу, что проекты Филиппа Максимовича очень часто даже коллегам казались утопическими «прожеками», настолько обгоняли привычные представления, кое в чем они даже предвосхитили положения Венецианской хартии и других международных актов, направленных на сохранение памятников.

Многие достижения Филиппа Максимовича можно связать с его личными качествами, чертами характера – эрудит и в то же время не зазнайка, требователен в работе и по-хорошему демократичен. Заботится о людях, умеет организовать не только работу, но и отдых.

Как-то он поразил собеседника: показав только что выложенные простенки арочного проема, признался, что и сам не знает, как его завершить.

– Что же делать?

– Я решил довериться опыту каменщика, ведь он уже сделал целый ряд подобных проемов по моим чертежам, а теперь пусть он сам, его голова и руки найдут верное решение.

Нужно сказать, что речь шла об опытном реставраторе, работавшем с Филиппом Максимовичем почти десять лет, и что архитектор не просто наблюдал, а участвовал в этом сотворчестве, готовый всегда поправить или остановить.

В проектной практике Тольцинер не позволял домысла. Тщательный обмер здания, анализ пропорций портала – и для каждого подлинного кирпича (даже, если он обнаружен в земле) находится свое изначальное место. Здесь сказались уже знакомство с российской школой архитектурной реставрации, ведущей начало от Покрышкина и Сулова, а продолженной Петром Барановским. Поразительно, что, находясь вдалеке не только от европейских, но и от местных научных центров, все, что сделал Тольцинер в Соликамске, выполнено на высоком научном уровне, без скидок на отсутствие информации или провинциальность...

Кроме работ в Соликамске Ф.М. Тольцинер проводил обследования и обмеры памятников в Усолье, Пянтеге, Верх-Боровой и других местах Прикамья. Его трудолюбие, оптимизм и научная добросовестность всегда вдохновляли молодых коллег. Некоторые из них стали известными реставраторами: Генрих Лукьянович Кацко стал главным архитектором Пермской научно-реставрационной мастерской, Вениамин Иванович Зыков много лет руководил реставрационными работами в Усолье и Бурятии...

Показав себя опытным ученым-реставратором, Филипп Максимович вновь вернулся к современному проектированию, участвовал в разработке типовых проектов жилых домов, в создании эталона (!) проектного здания жилого микрорайона.

Став пенсионером, Филипп Максимович не изменил себе, не почил на лаврах. По заданиям Министерства культуры России он консультирует проектировщиков, занятых будущим исторического города, пермских реставраторов, заканчивает вместе с помощниками обработку материалов личного архива. И, как всегда, – дневник каждый день. Многие его страницы

посвящены Соликамску. Ведь главным делом жизни стала для него охрана архитектурного наследия древнего города.

Ф.М. Тольцинер

Узник Усольяга¹

Это было страшное время. Почти каждый день я узнавал, что кто-либо из моих знакомых или члены их семьи арестованы.

В середине февраля 1938 года около двух часов ночи раздался стук в дверь моей комнаты. Я открыл дверь и увидел двух мужчин, которые наставили на меня свои пистолеты. Они вошли в комнату, потребовали, чтобы я сел на стул, а сами начали обыск в комнате. Закрытый чемодан одного голландского кинооператора они вскрыли с помощью топора. Затем наполнили портфель, подаренный мне предприятием за хорошую работу, моими документами, которые нашли при обыске, и вывели меня из комнаты. Арест был для меня непонятен, так как дверь в комнату они не опечатали. Впрочем, это было сделано позднее. Меня посадили в автомобиль и доставили на Лубянку, где начал допрос один из сопровождавших меня. Я был удивлен тем, что он обо мне ничего не знал, и ответил честно на все вопросы. Мне показалось, что допрашивающий был очень усталый, так как он несколько раз засыпал. После допроса он вывел меня из своей комнаты, посадил на стул и зашел в комнату, по-видимому, своего руководителя. Я остался без всякой охраны. Не прошло и часа, он вернулся и затем доставил меня в одну из московских тюрем. Я был помещен в одиночную камеру, в которой уже находилось более 10 человек.

Уже на первом допросе я заметил, что следователь был совершенно не обучен. Он мне сказал: «Ты шпион, расскажи о своей деятельности». Конечно, об этом я не мог ему ничего сказать. Я понял, что допрос имел определенный регламент, так как на всех последующих допросах мы сидели друг против друга и ни о чем не говорили.

Условия в камере были такими, что я заболел, моя голова покрылась нарывами, и меня перевели в тюремную больницу. Там я увидел арестованных в очень плачевном состоянии в результате допросов. Когда я вылезился, то опять был отведен в свою камеру, и снова начались допросы.

На один из допросов пришли двое следователей, один из которых (прежний) с большой сумкой «инструментов». В комнате допросов стоял металлический лежак. Мне приказали лечь, и начали обрабатывать принесенными «инструментами». Теперь я уже знал, чем заканчиваются подобные допросы. Чтобы избежать непредсказуемых последствий, я сказал: «Хватит». Следователь перестал меня бить, я «признался», что в городе Орске «собирал шпионские сведения» и передал их своему коллеге, который несколько лет назад вернулся в Германию. Что это были за сведения, меня не спросили и допросы закончились.

Меня отвели в камеру и впоследствии уже не допрашивали. Через некоторое время я признался, что хотел бы сообщить подробности. Мне дали бумагу, и я написал, что дал ложные показания для избежания дальнейшей

эзекуции, что я никогда не занимался шпионской деятельностью. Тогда я не предполагал, что эти мои показания были просто уничтожены.

Осенью 1938 года меня доставили к одному служащему НКВД, который сказал мне: «Садитесь», – с тех пор я чувствую себя нехорошо, когда мне предлагают садиться. Он прочитал мне, что за контрреволюционную деятельность я приговорен к 10 годам тюрьмы. В чем эта деятельность заключалась, мне никто не сказал, и естественно, я тоже не знал.

Когда я стал искать причины моего ареста, то пришел к выводу, что возможной причиной было мое выступление в июле 1938 года на собрании коллектива Горстройпроект, на котором я критиковал решение руководства проектного института о командировании проектировщиков на место сооружения объектов по их проектам. После собрания ко мне подошел один из сотрудников этого института (я знал, что он был представителем Министерства внутренних дел) и попросил передать ему критические заметки для руководства института. Я предполагаю, что был арестован как немецкий специалист, который критикует советские порядки, но который не принадлежал к антигосударственной группе, и потому мое дело не было передано в центральные органы НКВД. Думаю, это мое предположение достоверно, потому что я остался живым, тогда как все члены Баухаузбригады были уничтожены. В большой камере, в которую меня перевели после вынесения приговора, было много заключенных. Почти все они были образованными людьми, их разговоры и дискуссии мне были очень интересны. Я познакомился с Николаем Ульрихом, ученым по сельскому хозяйству, мы условились, по возможности, держаться вместе.

Осенью 1938 года нас доставили поездом в Соликамск Пермской области. В Соликамске находилось Управление исправительно-трудового лагеря «Усольлаг». Нас разместили в бараках в зоне пересылочного пункта, который находился за высоким деревянным забором. Двухэтажные нары были в большинстве заняты криминальными заключенными. Когда в Управлении лагерями узнали, что я по специальности архитектор, меня решили дальше не отправлять, а использовать в Управлении. Однако в связи с тем, что мы договорились с Ульрихом быть вместе, я ответил отказом.

Когда вечером вышел из барака, перед глазами была следующая картина: ночь, много снега, при лунном свете темная фигура. Это был мой друг Дамериус, руководитель центральной агитбригады коммунистической партии Германии, который тоже оказался арестованным. На следующее утро все вновь прибывшие из Москвы заключенные были сформированы в одну колонну и предупреждены: «Шаг вправо или влево стоит вам жизни». Колонна маршировала на север. Справа и слева нас сопровождала вооруженная охрана с собаками. Мы шли несколько дней, пока не пришли в «командировку» – Булатово-лагпункт.

Высокие моральные и человеческие качества заключенных сформированной колонны подтверждает следующее: когда было необходимо во время марша разгрузить баржу, нам предложили сделать это по желанию, и

все стали разгружать баржу, несмотря на усталость и неопределенность их положения.

Территория «Командировки» № 2 Булатовского лагпункта находилась среди гигантского лесного массива и была обнесена высоким деревянным забором и ограждением из колючей проволоки. На четырех углах стояли деревянные вышки с вооруженной охраной. Все строения: бараки, дома для охраны, строения лагерного руководства были деревянными. Руководство и служащие лагерного управления были из вольнонаемных или принудительно направленных. Нам сразу объяснили, что мы прибыли сюда валить лес, и все наши жалобы и претензии в отношении ареста и работы бессмысленны и поэтому не принимаются. Нам выдали топоры и пилы и послали в лес без всяких объяснений, как работать. Многие осужденные погибли от холода и потому что не знали, как валят лес.

Я работал в паре с Ульрихом и нарисовал две карикатуры по этому случаю. Наш мастер видел, что я неплохо валяю деревья, и ожидал от меня рекордной работы. Но из этого ничего не могло получиться, так как расход энергии моего тела не компенсировался достаточным питанием, которое мы получали. Чтобы получить дополнительное питание, надо было валить много леса, и мы практиковали специальные методы увеличения выработки: отпиливали у сваленных, маркированных и уже принятых деревьев тонкие шайбы и прятали их в снегу и еще раз сдавали эти деревья мастеру. В результате летом после схода снега лес был завален такими шайбами. Мы с Ульрихом сделали несколько рационализаторских предложений.

Теплой одежды и соответствующей обуви не хватало для всех вальщиков. Лично я ходил на работу в ватных чулках и галошах и в результате обморозил пальцы на ногах. Поэтому остался в бараке. Я лежал на нарах и получал кроме обычного питания 400 г хлеба. Возможно, поэтому я и остался жив.

В один из дней я пришел к зубному врачу, естественно, в нашей «командировке» не было ни соответствующего кабинета, ни зубоврачебного кресла. И я решил сконструировать кресло из подручных материалов. Мой проект выполнили, и зубной врач могла выполнять свои задачи, она была удивлена, и вероятно, доложила начальнику лагпункта о моих способностях. Меня перевели в лагерное Управление и назначали инженером по строительству. К этому времени Ульрих работал уже как инженер-механик. Я начал проектировать приспособления для нужд заключенных и для выпуска продукции: например, жилые бараки, бани, строения для переработки овощей. Все эти проекты должен был утвердить руководитель всех лагерей в Соликамске. Думаю, лагерное руководство оценило качество моих проектов, и меня перевели архитектором-проектировщиком в проектную мастерскую Соликамского Управления лагерей.

Я разработал следующие проекты:

– одно- и двухэтажные деревянные блочные дома для одной или двух семей и двухэтажный блочный деревянный дом на восемь квартир для вольнонаемных работников лагеря;

– перестройка кирпичного склада в виллу для начальника лагеря;

- амбулаторию для вольнонаемных сотрудников (на территории лагеря);
- доски объявлений и доски почета для Управления Усольлага и для городских организаций;
- контору для работников Рябининского рейда;
- транспортный комплекс Усольлага, включая автобусную станцию;
- мебель и различные приспособления.

Я жил в мастерской художников вместе с известным карикатуристом Константином Ротовым, другом знаменитых Кукрыниксов. Художники рисовали копии картин известных художников для украшений помещений и для подарков руководства лагерей.

Конечно, наша жизнь была лучше, чем жизнь обыкновенных заключенных, мы имели возможность готовить себе еду, могли улучшать свой рацион. Периодически нас посылали разгружать на железнодорожную станцию вагоны с продуктами. Иногда нам разрешали собирать рассыпанную на полу вагонов муку или треснувшие банки с консервами фруктов и овощей. Нам удавалось иногда обмануть вахтеров: например, наполняли ведро хорошей мукой, а сверху насыпали грязной. Или кто-то бил стеклянные банки, чтобы взять их с собой. Однако, я всегда помнил, что такая относительно сносная жизнь по разным причинам могла в любой день закончиться и меня могли отправить снова на заготовку леса. Одной из причин могло стать недовольство начальства качеством моей работы.

Однажды меня вызвали на допрос в следственный отдел лагеря и спросили, почему я не доложил об антисоветском разговоре, который состоялся в нашей комнате. Было совершенно ясно, если бы следственный отдел не знал меня по моей работе, меня бы обвинили и наказали.

В результате нашего поражения на фронте руководство лагеря решило осужденных немцев из лагеря убрать. В списки штрафников был внесен и я. Так как в лагере я числился не немцем, а евреем, меня вычеркнули из этого списка. Хотя и были большие сложности, пока по указанию главного инженера лагеря я был исключен из списка.

Интересно, что за длительный срок заключения изменилась наша психология. Наше добросовестное и творческое отношение к труду имело свои последствия. Нам стали доверять. Помню, руководитель лагеря повез меня и Ротова в своей автомашине для консультаций далеко от лагеря. На обратном пути он сказал нам: «Идите обратно в лагерь». Он повторил это несколько раз, потому что мы оставались сидеть. Мы и представить себе не могли, что можем самостоятельно без охраны идти. В конце концов, мы вышли из автомобиля, а когда прибыли в лагерь, охрана нас не впускала, так как существовало предписание, что осужденные без охраны, находящиеся вне лагеря – это беглецы. Только после соответствующих указаний лагерной администрации, нас впустили в лагерь.

Как и другие заключенные я получал небольшие карманные деньги, имевшие для меня большое значение, так как в Советском Союзе у меня не было родственников, и соответственно я не получал никакие посылки. У меня был авторитет у администрации лагеря, и в последние два года я имел

удостоверение, позволявшее мне в любое время покидать лагерь и возвращаться.

В последний год моего заключения в пересылочный лагерь прибыл Гельмут Датериис, которого я встретил в 1938 г., в первый день моего прибытия в Соликамский лагерь. Срок его заключения был собственно только 5 лет, но, по всей видимости, в связи с войной и тяжелым послевоенным временем его освободили только в 1947 г. Обычно освобожденным не давали хорошую одежду, но я имел возможность помочь ему с одеждой и деньгами. Гельмуту удалось уехать в Москву и благодаря связям с Германией (уже тогда ГДР) он смог возвратиться на родину, а прежние заслуги дали ему возможность там жить и работать.

Летом 1947 г. мне объявили, что в результате моего хорошего отношения к труду кончается срок моего заключения. Но так как я не закончил целый ряд своих работ, я попросил разрешения пожить еще в лагере и закончить работу. Одновременно очень хорошие лагерные врачи должны были сделать мне необходимую операцию на глазах.

Я был освобожден из лагеря 2 декабря 1947 года. У меня была возможность посетить после освобождения одну из областей Советского Союза. Однако после долгих раздумий я решил остаться в Соликамске, где начал работать в проектно бюро главного архитектора города и стал главным проектировщиком. Хочу заметить, что в лагере осталось много друзей, и я уже привык к лагерной жизни, мне удалось встречаться с моими друзьями по заключению.

Работая в проектно бюро главного архитектора г. Соликамска, я разработал три проекта:

- реконструкция большого склада соли в жилой дом;
- реконструкция и расширение амбулатории калийного комбината;
- планировка и разработка отдельных объектов поселка бумажного комбината.

Кроме этих главных работ мною были разработаны проекты пионерского лагеря, стадион и др.

М.В. Шмидт

Воспитанник комсомола^[15]

Родился 29 сентября 1921 г. в Харькове в семье железнодорожника. Отец, Викентий Эдуардович, офицер-железнодорожник, работал дежурным на станции, умер в 1940 г. от инсульта. Бабушка по материнской линии была дворянкой. Мама, Сикорская Ядвига Викентьевна, окончила гимназию, знала французский язык, недолго преподавала русский язык, умерла в 1941 г.

Дед отца, Роберт Шмидт, инженер, по просьбе графа Потоцкого приехал в Белоруссию из Германии строить ткацкую фабрику. В награду граф подарил ему поместье Басины.

В связи с тем, что железнодорожники, как и военные, всегда в разъездах, я учился в разных школах. 10-й класс закончил в городе Синельникове

Днепропетровской области. Учился неплохо, но немного в учебе мешал спорт. Играл в футбол за юношескую команду города, а в 10-м классе за взрослую команду «Локомотив». Кроме футбола занимался стрельбой, волейболом, легкой атлетикой. На всеукраинских соревнованиях в 1939 г. среди 16–17 летних юношей занял первое место в беге на 1000 метров. Еще прыгал с парашютной и водной вышек, отлично плавал, занимался поднятием двухпудовой гири (32 кг), занимался акробатикой, на турнике. Готовился к службе в армии. В 1937 г. вступил в комсомол (с 1945 по 1948 гг. был секретарем цеховой комсомольской организации на СЦБК).

В августе 1940 г. добровольно по рекомендации горкома комсомола поступил в военно-морское авиационное училище имени В. Молотова. Медкомиссию прошел хорошо, а это было особенно важно, потому что на одно место было 30 человек. Все экзамены сдал на «отлично». В школе особенно была хорошая подготовка по математике. И в дальнейшем все предметы, связанные с математикой, сдавал «на пять». Училище окончил в ноябре 1941 г. и получил назначение на Тихоокеанский флот в Советскую гавань. Однако по национальному признаку не прошел мандатную комиссию по присвоению звания и месяц на аэродроме менял двигатели на истребителях, а потом демобилизовали как немца. Попал в Пермь с эвакуированным морским училищем, здесь находилось 5 тысяч курсантов. Почему в военные училища было так много желающих поступить? Хочу заметить, что перед войной юношей, как правило, в институты не брали, а всех направляли в армию. Видно, знали, что будет война. Мне и еще одному выпускнику нашего училища, Николаю Риму (у него отец был немец, а мать русская), присвоили специальность «бортмеханик гидросамолетов». Мы с ним пошли в обком комсомола. Нам предложили летать на «Дугласе» на пермском аэродроме – мы отказались, тогда нас отправили в автошколу. Мы проучились с ним полторы недели, получили удостоверение шофера третьего класса, и декабрь 1941-го, с января по март 1942-го работали на «полуторке» – так называли тогда грузовую машину. В марте нас мобилизовали в трудовую армию. Но там, куда мы попали, был настоящий концлагерь. Я попал в общую бригаду по копке траншеи для канализации завода «Урал». Грунт был мерзлый, мороз доходил до 35°. Долбили ломом и кувалдой – это был тяжелый труд. Многие не выживали. За малейшее нарушение жестоко наказывали. Так, за связь с женщиной, за утерю пропуска – 10 суток гауптвахты, где два раза в день давали баланду и 200 г. хлеба, и надо было работать. В 1944 г. зимой, когда мы ходили для ремонта судов, у меня украли пропуск, и я попал на гауптвахту, где чуть не погиб.

Как-то после работы меня увидел начальник железнодорожного и водного транспорта Комков Александр Иванович. Я был еще в морской форме. Узнав, что я авиамеханик, он забрал меня на водный транспорт, там я работал капитаном и механиком катера по 1957 г. Комков меня выручил после гауптвахты, выхлопотал пропуск на водный транспорт. Очень тяжело было в концлагере, даже во время навигации, правда, у нас редко умирали люди. После работы водили бригады под конвоем со словами: «Шаг влево, шаг вправо,

стреляю без предупреждения». Помню такой случай. Зимой бригада подошла к вахте, там всегда долго стояли при сильном морозе, один узник упал на землю, и лежит, конвоир подошел к нему, ударил ногой и говорит: «Вставай, фашистская сука!» – а он уже мертвый. Когда я попал в концлагерь, то не сказал, что я шофер, потому что, работая шофером в Перми зимой, много намучался, но если б не попал на водный транспорт, может, стал бы работать шофером.

В 1956 г. поступил в Московский заочный речной техникум. Стал еще учиться потому, что после морского училища в то время гражданский диплом не давали, но документ об его окончании у меня есть. Московский техникум окончил в 1960 г. и получил диплом судомеханика-техника. С 1957 по 1978 гг. работал старшим механиком водного транспорта. Всего трудовой стаж 50 лет. За все время работы много реализовал рационализаторских предложений, за которые шесть раз премировали, а всего премий было 30. За время работы на предприятии с 1946 по 1991 гг. получил 21 благодарность за труд, 33 почетные грамоты, 5 раз награждался знаком победителя соцсоревнования, дважды был занесен на доску почета комбината. Награжден медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другими юбилейными медалями.

Много занимался спортом и общественной деятельностью. Играл в футбол за комбинат и сборную города. Одно время был председателем Совета добровольного спортивного общества комбината, председателем спортивной федерации города. Кстати, спортивное общество нашего комбината было самой крупной организацией в Соликамске по подготовке допризывников и технических кадров. Готовили еще трактористов, экскаваторщиков, электриков, шоферов, мотоциклистов, телемастеров, операторов, телеграфистов. Эту общественную работу я совмещал с производственной, и когда в 1979 г. меня назначили начальником лесобиржи и водного транспорта, то у меня уже не оставалось времени для общественной работы. В 60-х годах был инспектором ГАИ и инспектором судов малого флота (мотолодок).

В 50-х годах я пел в комбинатовском хоре, был солистом. Руководил хором Воротняк, который 10 лет был в заключении по знаменитой 58-й статье. «Враг народа» до ареста был режиссером Киевского оперного театра. Он остался в памяти как замечательный, интеллигентный человек. А я петь начал еще в школе, голос у меня был хороший, на олимпиадах всегда получал призовые места.

В 1965 г. стал членом КПСС. В течение 15 лет был председателем избирательного участка Фрунзенского района. В 80-е годы работал начальником штаба народной дружины комбината.

Моя жена, Шмидт Элла Карловна, родилась в Республике немцев Поволжья. Когда их семья была выслана в Казахстан, она стала учиться на медсестринских курсах, работала в госпитале, а в 1943 г. была мобилизована в трудармию на Соликамский бумкомбинат. Там мы с ней в 1945 г. и познакомились. И прожили в мире и согласии полвека, до ее кончины в 1995 г. Вырастили трех сыновей. Есть внуки, одна внучка заканчивает институт.

Многих, с кем работал, уже нет в живых, кто-то уехал в Германию. О тех, кто был со мною в лагере, строил пороховой завод, строил Боровск, на юбилеях и праздниках не вспоминают. А ведь это все было построено немцами.

Что еще можно сказать о себе. Всю жизнь много читал, и по школьной программе: произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Шолохова, Фадеева и других, – и много читал иностранных писателей, среди любимых: Джек Лондон, Марк Твен, Вальтер Скотт, Виктор Гюго, Шекспир и др. При советской власти всегда выписывал много газет. Любимая газета – «Аргументы и факты», которую выписываю вот уже 25 лет.

Считаю себя воспитанником комсомола. Партбилет никому не сдавал.

15.VII.2003 г.

А. Жуланова

Юноша из солнечного Пятигорска ¹⁶¹

От составителя:

Василий Адамович Либих родился 5 февраля 1922 г. в немецкой колонии Каррас (сейчас станция Иноземцево) Ставропольского края в большой многодетной крестьянской семье. 28 августа 1941 г. вся семья, кроме отца, который умер в 1940 г., была выслана в Казахстан в село Урджар Семипалатинской области. Василия одного из семьи (сестры имели маленьких детей) мобилизовали в трудармию на Соликамбумстрой НКВД, где он проработал с февраля 1942 по май 1946 г. Но и после окончания войны Василий Адамович работал на СЦБК: слесарем, рабочим ЖКО, рабочим лесной биржи. Он принимал активное участие в художественной самодеятельности города. С 1947 г. он играл в духовом оркестре под руководством В.К. Фаста, кстати, большинство оркестрантов были немцы – бывшие трудармейцы. С первых дней основания Либих играл в народном театре Дома культуры «Бумажник». До 90-х годов выступал в хоре ветеранов СЦБК. Он участвовал в проведении дней немецкой культуры, писал стихи на немецком языке, исполнял частушки.

В 1955 г. познакомился с немкой-трудармейкой, Марией Шибельбайн (умерла в 1987 г.). Они вырастили двоих детей.

Старшая внучка Алина Жуланова в 2002 писала о своем деде:

– В этом году отметил свой юбилей Василий Адамович Либих. Ему исполнилось 80 лет. Его поздравляли все: родственники, друзья, знакомые... вот только зовут его не Василий, а Вильгельм, и родился он не 5, а 14 февраля. Почему же так получилось? Только ли это ошибка паспортного стола? Я с уверенностью могу ответить – нет, была и другая причина. Чтобы раскрыть ее, надо обратиться к юности этого замечательного человека, моего дедушки.

В 1941 г. он оставил родное село Каррас, что под Пятигорском – на Северном Кавказе. Вместе с семьей он был сослан в Казахстан. Позже отправлен на Урал, а его сестры и 60-летняя мать остались в Аксаковке, в Казахстане. Дедушка не раз рассказывал, как эшелон прошел огромное расстояние через всю страну, немцев не принимал ни один город. Наконец, в

ночь на 25 сентября эшелон прибыл в Соликамск. 19-летний юноша из солнечного Пятигорска оказался на далеком хмуром Урале. Людей разместили в овощном хранилище соликамского целлюлозно-бумажного комбината. На следующий день отряду выдали топоры, ломы и лопаты – они должны были расчищать дорогу с 6 часов утра до 10 часов вечера. Кормили мобилизованных два раза в день: ложка каши, баланда и 250 грамм хлеба составляли их скудный рацион. Позже группу плотников, в которую входил мой дедушка, и чернорабочих перевели в деревянную церковь в Боровой, но условия труда остались прежними: люди работали на морозе в старой прохудившейся одежде, голодные и больные.

Законы для репрессированных устанавливал ГУЛАГ, а в жизнь приводили его работники. От них часто зависело положение и жизнь трудармейцев. Дедушка вспоминал, как один раз они работали на Каме, и должны были откалывать примерзшие бревна ото льда и перетаскивать их на берег. Однажды дедушка не удержался на льду и упал в воду. Бригаде удалось вытащить его на берег, но стояли 40-градусные морозы, и он быстро замерз в мокрой одежде. Один из начальников дал ему талон, разрешающий войти в котельную, чтобы согреться. Но нога была обморожена, поэтому дедушку отправили в церковь, где располагались медики. Врач сказал, что это не травма, и что можно продолжать работать. Дедушка не согласился, тогда врач лишил его дневной порции еды. Через час в церковь приехал другой доктор. Когда он увидел дедушку, то сказал, что ему нельзя работать в таком состоянии, и велел вернуть паек. Этим добрым доктором был Вагнер, который впоследствии стал ректором Пермского медицинского института. А ведь все могло обернуться совсем по-иному, если бы начальник не проявил сочувствие, если бы не приехал доктор Вагнер; если бы, если бы, если бы... Зачем говорить о том, чего не случилось? Нужно просто жить и радоваться жизни – считает мой дедушка.

Сейчас Василию Адамовичу 80 лет, но он не чувствует себя стариком. Да, вот только шалют глаза, и еще пришлось приобрести слуховой аппарат, да и ноги что-то хуже ходить стали. «Не беда, мне же еще 18!» – шутит он. И, правда, какой же он старик? Василий Адамович Либих известен многим – столько сделал он за свою жизнь: это и многолетняя работа на СЦБК, и игра в народном театре, и жизненные строки его стихов. А шутки и фельетоны он и сейчас не хуже молодых рассказывает. Энергия бьет ключом, кровь кипит, а в жизни еще много планов на будущее.

А память о своей юности он выразил в этих строках:

На Камский мыс я прибыл молодым солдатом.
Там древесину доставал из-под льда.
В трескучие морозы не оставляли нас в бараках:
Мы древесину ту возили в ТЭЦ для Первого котла.
В Боровске мы трудились до седьмого пота,
Но силы покидали нас, конечно, с каждым днем.
Мы осушали в Соликамске узкие болота,
Где был потом завод огромный возведен.

Всю промплощадку на «Урале» я измерил:
Рыл траншеи, вел монтаж, носил щебенку и бетон.
Я в скорую победу, безусловно, верил.
Я говорю вам правду – это был не сон.
Черпак баланды, ложку каши и кусочек хлеба
Давали нам за целый день в столовой повара.
Семь тысяч трудармейцев уже давно не видят неба.
Они здесь умерли от голода и тяжкого труда.
Прошли года. Я часто вспоминаю,
Что пережил наш трудовой народ.
Войну Вторую мировую проклинаяю,
В глубокой памяти моей остался 41-й год!

Э.Я. Франк

Но мы выстояли... [1171](#)

Жили мы неплохо, пока не началась коллективизация. Тогда много зажиточных людей выселили, отобрали скот, инвентарь, сослали в Чердынской район и Архангельскую область. В колхозах немцы продолжали трудиться с таким же усердием, как и раньше. Разумеется, достаток уже не был прежним, но с голоду не умирали, и когда в 1933 г. случился голод, немцы выстояли. Тогда весь урожай шел в государственные закрома.

Я родилась в селе Гусарен-Емианка, на правом берегу Волги, в 1924 г. Семья была большая: пятеро детей и родители, которые работали в колхозе.

В 1938 г. я окончила семь классов и поступила в педучилище с. Зелман (теперь Ровное). В 1939 г. поступил в это же училище и мой брат, но в 1940 г. вышел Указ о платном обучении. Родители не имели возможность за нас платить, и мы уехали домой. Я пошла в девятый класс, а брат устроился учетчиком в овощную бригаду. Летом я работала учетчицей в табачной бригаде. Колхоз у нас был большой: четыре полеводческих бригады, большая молочная ферма, свиноферма.

Но, видно, счастье не бывает вечным. В 1941-м обрушилась беда. Уже 17 сентября нас известили, чтобы мы собрали все необходимое. Скот погнали в колхозное стадо, дом, огород, остальные постройки закрыли. Нас погрузили на телеги, отвезли на пристань Золотое, погрузили на баржи, повезли в город Энгельс. Эшелон № 845 увез нас в Казахстан (Акмолинская область, с. Камышенка). В Казахстане начались наши мучения. Была зима. Мы оказались в незнакомом месте, денег нет, ни картошки, ни хлеба.

В этом селе жили раскулаченные на Украине в 30-е годы. Нас ругали, обзывали фашистами, думали, мы из Германии. Мы понимали их, ведь в каждой семье был кто-то на фронте. Я и брат работали в колхозе, мать – у людей: носила воду с озера, мыла полы, и люди давали нам за это поесть. Так прожили до весны. Весной пахали землю на коровах, пасли скот.

В декабре мужчин взяли в трудармию. В 1942 г. мобилизовали 16-летнего брата, его отправили в Карагандинскую шахту. В 1943 г. и я была призвана в

трудармию. Мать осталась с тремя младшими. 14-летний братишка взялся подшивать валенки, латал сапоги. Мама копала могилы.

В конце апреля 1943 г. военкомат в Казахстане мобилизовал в трудовую армию 700 молодых девчонок и женщин немецкой национальности, имеющих детей старше трех лет. Помню, дети бежали за телегой, плакали и просили: «Мамочка, не оставляй меня, возьми меня с собой!» – но военные отгоняли женщин. Дети остались у родственников или были отданы в детские дома. Уже после войны, по разрешению спецкоменданта, родители их забирали оттуда.

Нас повезли на станцию, посадили в телячьи вагоны и отправили на Урал, в Соликамск. Поселили в церковь, что находилась в Боровой, а после недельного карантина нас отправили на разные участки бумкомбината: рейд, лесную биржу, в древесный и сушильные цехи, на погрузочную базу. Я попала в древесный цех – шумный, сырой. Меня поставили рубщицей на дровяной поток. Мы работали вместе с женщинами из блокадного Ленинграда.

Позднее из лесов Вишеры и Чердыни привезли тех девчат, которые прибыли в трудармию раньше нас. Когда главный инженер увидел их, то спросил у спецкоменданта: «Я у вас просил рабочую силу, а вы мне кого привезли?»

Мы работали, отмечались у спецкоменданта. Без его разрешения нельзя было отлучиться. Позже поселили в бараки, что находились в первом районе, на Коммунистической улице. Чтобы выжить, летом ходили за ягодами, рвали дикий лук и щавель. А вот зимы 1944–1945 годов были особенно тяжелыми. Карточки не отоваривались, да и одежда изнашивалась. Как-то спецкомендант привез прострелянные фуфайки и ватные брюки с фронта. Мы их перешили и носили. Жаловаться не приходилось. Нам было морально очень тяжело. Ведь мы были немцами. Постоянно испытывали голод. Получишь хлеб и не знаешь, то ли съесть его враз, то ли оставить хоть немного и съесть перед тем, как идти на работу. Так шло время. Трудились дружно, считали, что своим трудом тоже помогаем фронту, с Победой связывали свои надежды на возвращение домой, встречу с родными. Собирали деньги на пермский танк и другое вооружение. Сохранять свои традиции в те годы было невозможно, да и опасно. Однако рассказывают, что в Рождество женщины-трудармейки в цехе тихо-тихо пели рождественские песни и молили Бога, чтобы он помог быстрее покончить с этой проклятой войной и восстановить справедливость по отношению к тем, кто ни в чем не был виноват. Из-за войны мы, молодые девушки и женщины, не могли учиться, остались без знаний, потеряли все – дом, двор, родных. Пережитое трудно описать словами...

Когда настал долгожданный день Победы, радости не было предела. В 1946 г. трудармию отменили, но вышел другой Указ – о вечном поселении немцев там, где они были в трудармии. Опять в нашей жизни была спецкомендатура, опять ожидания и тревоги, что еще ждет нас впереди. Но жизнь брала свое, продолжали трудиться, обустроивались, создавали семьи.

Когда, наконец, было снято спецпоселение, многие бывшие трудармейцы уехали из Соликамска, многие ушли работать на другие предприятия города, но большинство остались на комбинате, и здесь прошла их трудовая жизнь. Среди

таких ветеранов Флора Петровна Каражова, Мария Александровна Гаар, Эмилия Филипповна Шнайдер, Елизавета Блинова, Анна Богдановна Егер, Мария Зейвальд, Екатерина Дельхман и другие.

В Соликамске прошли годы нашей нелегкой юности, молодости, зрелости. И пусть они были трудными, но мы выстояли, трудились всегда добросовестно.

И.Г. Баумгертнер, М.И. Зейвальд

Он и она^[18]

Баумгертнер Исидор Готлибович:

Родился я 2 июня 1924 в селе Каменка республики немцев Поволжья.

Отец Готлиб Баумгертнер был колхозник, работал бухгалтером. Мама, Екатерина Баумгертнер, тоже работала в колхозе на табачных полях. С семи лет я стал учиться в школе на немецком языке. В 1939 г. закончил семь классов и поступил в сельскохозяйственный техникум, где учился тоже на немецком языке до начала войны.

16 сентября 1941 г. нас выслали из деревни в Красноярский край, Хакасию, село Верхняя Киндирла, колхоз имени В.И. Ленина. Здесь я работал до 19 января 1942 г., когда меня и отца забрали в трудармию, отправили в Вятские лагеря...

Привезли на двенадцатый лагпункт. Первые три дня переписывали, намазали все пальцы на руках и делали отпечатки на карточке. На четвертый день после короткого инструктажа отправили на Муриз – это командировка в лагере, на лесоповале. Большинство из нас, поволжских немцев, такого моря деревьев никогда не видели, и навыков работы в лесу не было, тем страшнее для нас стал этот каторжный труд. Голодные, плохо одетые, мы несколько километров брели гуськом по глубокому снегу и, когда добрались до места, то уже были обессиленные, а впереди – целый день работы. Сначала приходилось очищать снег вокруг дерева, чтобы определить, какой высоты оставить пень. Пилить дерево надо умеючи, чтобы оно упало в намеченное место и никого из соседнего звена не убило, волчком не завертелось и самих вальщиков не задело. Мы должны были работать на небольшом пятачке, который конвоиры лыжей очерчивали. Если по ошибке выйдешь за отмеченное место, получишь пулю «за попытку к бегству». Сваленные деревья утопали в снегу, и их надо было откопать. После начиналась обрубка сучьев, разжигался костер, у которого можно было обогреться и немного отдохнуть. Работы много, а толку чуть-чуть. Даже с хорошего дерева толщиной 30–40 сантиметров, у которого ровный ствол, веток мало, больше кубометра делового леса не возьмешь. Чтобы полный паек – 750 граммов хлеба – получить, нужно выдать на каждого лесоруба по 6 кубометров. Для этого надо работать все 11 часов, в поте лица, не разгибая спины, когда силам уже браться не откуда, если еда с каждым днем становилась хуже. В конце 1942 г. мы все окончательно обессилели, норму выполнить уже не мог никто, а после того, как хлебный паек урезали до 600 граммов, то и до леса едва добрались. Все превратились в скелеты, многие

умерли. Умер мой дядя Константин. Дядю Лео как дистрофика поместили в стационар, из которого чаще уходили на тот свет, чем возвращались на работу. Мой дядя ждал, что его отпустят домой, к родным, выселенным в Красноярский край. Мы с отцом часто навещали его в стационаре, но помочь ничем не могли. Хорошо помню, как в последний вечер сидели около него, он тоже сел на койке, и я увидел, что от него остались только кости, обтянутые тонкой кожей. Говорил дядя очень тихо, почти шепотом. Мой отец успокаивал его, просил набраться терпения. Потом мы простились, пообещав прийти через два дня. Но когда мы пришли снова, нам сказали, что вчера утром его вывезли за зону, на общий могильник. Значит, умер он в ту ночь после нашего посещения.

Потом мы работали на строительстве железных дорог. 6 ноября 1946 г. нас привезли в Соликамск, и с 27 ноября я начал работать на комбинате «Стройдетали» и проработал до 16 июля 1984. 20 лет был председателем цехкома в котельной.

Медалями «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы» нас, трудармейцев, не награждали. А вот медали «50 лет Победы» и «60 лет Победы» у нас есть.

10 октября 1947 г. женился на Марии Иосифовне Зейвальд, тоже трудармейке из Поволжской деревни Гусарен. Она ветеран труда древесного производства.

Зейвальд Мария Иосифовна:

В некоторых официальных источниках республику Немцев Поволжья называли «сталинским цветущим садом». Она была первой в СССР, где была ликвидирована неграмотность, причем в школах большое внимание уделяли изучению немецкого языка, литературы, культуры.

До Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев Поволжья» в селе Гусарен люди разных национальностей жили дружно, работали, учились, устраивали праздники. Наша семья в ту пору отстроила новый дом, а пожить в нем мы успели только три месяца. Немцев с этой местности выселяли одних из последних. Мне было в то время 16 лет.

Русские плакали от жалости к нам. Мы не успели собрать урожай, зерно осталось на полях, арбузы – все осталось. Пришли за нами подводы, мы взяли самое необходимое, что под руку попало. Помню, я ложки в корзину сложила, а мама говорит: «Зачем? Нас посадят на пароход и утопят. Мы – враги».

Нас отправили в Казахстан. Здесь тепло приняли люди, когда-то сами высланные как кулаки. А потом уж дали нам дом, правда, без окон, крыши и дверей.

В 1942 г. моего отца Иосифа, отправили в Тулу, в трудармию. А в 43-м та же участь выпала и мне. Попала я в Соликамск, на бумажный комбинат, в древесный цех. Выполняя работу сортировщицы, рубщицы, делала то, что требовали. В день – 700 граммов хлеба и баланда. Заглушали голод, собирая пестики, щавель, дикий лук, мерзлую картошку. Одевали на себя все что имели,

так хотелось согреться. Хорошо, если находились резиновые калоши. Кто не выдерживал – умирали.

Помню, как по улице везли телеги, с которых свешивались голые ноги, руки умерших от голода и холода трудармейцев. Как-то сшили девушки из простыней кофты, а покрасив синей краской белую ткань, – юбки. За это их отдали под суд, присудили каждой «швее» по 350 рублей штрафа.

Родные остались в Казахстане, мы писали друг другу письма. До нынешней перестройки казахстанские родственники жили хорошо, имели дом, большой сад. Но все опять пришлось бросить и уехать теперь уже в Германию. В начале 90-х в Казахстане на домах немцев писали: «Не уберетесь через 24 часа – подожжем». С досадой теперь вспоминается, что когда немцы в очередной раз поднимали сельское хозяйство, в том же Казахстане, казахи сидели в тени, пили чай и воровали.

В 1946 г. я встретила своего будущего мужа, Исидора Готлибовича Баумгертнера. Когда-то мы с ним вместе учились в одной школе в Поволжье, а вот знакомы тогда не были. В 1947-м поженились. Исидор шутливо сказал мне: «Давай карточки продуктовые вместе сложим, и вместе будем жить»... Правда, фамилию мужа мне взять не разрешили. Жили в одной комнате на 12 кв. метрах с другой семьей, но жили дружно. Впрочем, как и работали. В этой же комнате появились дети. Когда в 1948 г. родилась дочь Эрна, я не сразу сообщила об этом коменданту. Узнав о рождении дочки, он вызвал меня, ругал, обещал 10 суток ареста. Муж стал ему объяснять, что если родители спецпоселенцы, то девочка родилась здесь, в Соликамске. Комендант на это ответил, что все наши дети, хоть здесь и рождаются, но они – вечные спецпоселенцы. Через некоторое время дали нам отдельную комнату.

Пусть мы прожили долгие годы под разными фамилиями, зато в любви и согласии. Отпраздновали золотую свадьбу.

Немцы работали хорошо, а награды получали – другие. Нам говорили: «Вас сюда привезли работать, а не награды получать!» Но обиды в сердцах у нас не было. Кого винить в своих бедах? Тогда всем тяжело приходилось.

Семья раскидана по всей стране, умершие родные похоронены в разных местах. Родственники из Германии шлют нам продуктовые посылки, а, позвонив, спрашивают: «Вы хоть наелись? А то по телевидению смотрим, тяжело в России жить приходится, очень бедно». Но мы не жалуемся. Уезжать в Германию никогда не хотела. Здесь дочь, внуки живут, сын похоронен, юность прошла.

От составителя:

«Баумгертнер» с немецкого переводится как садовник, а «зейвальд» – лесное озеро. Не правда ли, чудесная символика для этой удивительной семейной пары!

Умерла Мария Иосифовна 13 апреля 2005 г.

Трудовой стаж – 82 года^[19]

Я родился 1 марта 1925 г. на берегу Азовского моря, в курортном городе Бердянск Запорожской области, в многодетной семье. Отец работал на нефтебазе, мама лаборантом завода сельскохозяйственных машин. В 1937 г. отец был арестован. В 1985 г. я получил документ о его невинности и полной реабилитации.

Началась Великая Отечественная война, и маму постигла та же участь, что и отца. В семье остались две сестры 13-ти и 19-ти лет, и я шестнадцатилетний. В это время я окончил первый курс сельскохозяйственного техникума по специальности – холодная обработка металлов.

2 сентября 1941 г. получил повестку о мобилизации. Так попал на Урал, на Соликамстрой НКВД. В дороге находились 15 суток. Приехали в Боровск 25 сентября. Эшелон подали на железнодорожную ветку Боровского хлебозавода. В эшелоне трудармейцев были в основном 15–16 летние подростки, юноши призывного возраста, остальные – мужчины постарше. Разместили нас во втором районе, где пока была только огороженная территория – «зона» – с вышками по углам и стрелками-охранниками. Но бараков еще не было, их мы строили сами.

В первую ночь спали прямо на улице, на сырых досках. В эту ночь у меня украли домашнее шерстяное одеяло. Это было мое первое «боевое крещение». На следующий день отправили ремонтировать автодорогу. Работали по 12 часов. Копали мерзлую землю киркой и ломом при скудном питании. За время трудармии я работал землекопом, плотником, грузчиком, каменщиком, на лесоповале. Приходилось на большом морозе на замерзшей Каме выкалывать из льда бревна и выносить их на берег (плоты с лесом замерзали, так как их своевременно не вытащили из воды). Еще работал коновозчиком, возил разные грузы на Соликамстрой. Условия быта и жизни у нас были одинаковыми с заключенными. Питание в зоне было очень скудным. От голода и тяжелого труда многие умирали прямо во время работы. Особенно страшно было смотреть друг на друга в бане: раздетые, мы выглядели, как скелеты.

В последнее время в трудармии я возил на лошади в легких санках начальника лагеря. По его рекомендации в 1946 г. меня назначили заведующим хлебного магазина при производственной столовой. Так я стал работником советской торговли. Впоследствии окончил Московский заочный техникум советской торговли, несколько раз учился на курсах повышения квалификации в Ленинграде. В 1966 г. стал начальником торгового отдела, а через два года – руководителем ОРСа, в ведении которого был еще совхоз «Восход» с 10-ю тысячами гектаров земли, с многоотраслевым сельскохозяйственным производством.

В ноябре 1947 г. женился на Симоновой Раисе Петровне, которая тогда из Харькова приехала в гости к сестре. Прожили с ней в любви и согласии 41 год. Вырастили двух сыновей и дочь, имею восьмерых внуков и двух правнуков.

Награждался почетными грамотами, ценными подарками, нагрудными знаками ударника 9, 10, 11-й пятилеток, медалью «Ветеран атомной энергетики и промышленности», знаком «Отличник советской торговли» и др.

В течение 20 лет избирался депутатом Соликамского городского Совета народных депутатов. Активно участвовал в работе комиссии по торговле и общественному питанию. Несколько депутатских созывов возглавлял эту комиссию.

Общий трудовой стаж 54 года, а по законам 1990 г. он насчитывает 82 года 7 месяцев.

Я чту своих предков, знаю свою родословную за 200 лет.

К сожалению, из 15 тысяч трудармейцев, привезенных в 1941–1942 гг., сегодня в Соликамске проживает 62 человека.

С каждым днем редуют ряды ветеранов трудового фронта, но они по-прежнему молоды душой, активны, остаются истинными патриотами России.

В.Г. Мицель, Е.А. Петри

Наши судьбы – как две капли воды^[20]

Мицель Вильгельм Густавович:

Родился 20 августа 1923 г. в селе Котовское Мелитопольского района Запорожской области.

Я родом из теплых краев. Осень там не такая тоскливая, как здесь. Жил в Запорожской области, в районе немецких поселений, существовавших не то со времен Екатерины II, не то со времен Петра I. Учился в школе, летом работал в колхозе. Колхозы у нас были богатые, жили в достатке. Мечтал стать механизатором.

Когда началась война, два месяца рыл окопы у Днепра. В начале сентября 1941 г. Мелитопольским военкоматом был мобилизован в трудармию. Что это за армия, что нас ждет? – нам никто не объяснил. Отец строго-настроено наказал ехать туда, куда везут, и ни в коем случае не сбежать. Все прояснится, – убеждал он меня, – домой вернешься.

Только с той поры ни я, ни отец в родных краях не бывали. Так Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа определил черный день в судьбе немцев, граждан России. Это был день изгнания, начала геноцида.

После тяжелой дороги в неизвестность 24 сентября мы прибыли в город Соликамск. Ссылка наша оказалась бессрочной. Работал в Соликамстрое НКВД на строительстве оборонных объектов. Хлебнули сполна и тяжелой работы, и морального унижения. Со стороны командного состава лагеря сочувствия ждать не приходилось. В командный состав попали в основном эвакуированные из Москвы работники НКВД, поэтому понятна была их озлобленность. В дословном переводе трудармия означает – рабочая армия. В действительности, это были лагеря для принудительных работ, окруженные высоким колючим забором с вооруженной охраной. Условия, в которых работали и жили трудармейцы немецкой национальности, по жестокости не уступали содержанию в колонии уголовников. На работу нас сопровождал конвой,

имевший приказ – стрелять при малейшем подозрении. В самом лагере царил произвол начальства. В нищете, унижении, тесноте, от голода огромное число трудармейцев умирало. Никто не заботился о сохранении памяти о них.

В 1946 г. я, как и все трудармейцы, был демобилизован. Лагерный режим нам заменили спецпоселением. Спецпоселенцы не имели права выезда с мест проживания. Были созданы спецкомендатуры. Их сотрудники проводили внезапные проверки – на месте ли тот или иной спецпоселенец, не сбежал ли? Мы должны были отмечаться ежемесячно в комендатуре. За посещение соседнего села без разрешения коменданта давали 10 дней ареста.

В 1948 г. вышел новый Указ – оставить спецпоселенцев навечно в местах обязательного поселения. И только в 1956 г. советских немцев освободили от спецпоселения. Нам выдали паспорта, восстановили в гражданских правах, разрешили менять место жительства. Запрещали только возвратиться туда, где мы жили раньше, до войны – на нашу милую родину.

Кстати в Соликамске оказался не только я, но и мой отец. Он прибыл во второй группе немцев. Был, как говорят, мастером на все руки. Здесь и умер.

Многие годы мы были жертвами произвола, подвергались политическим репрессиям, унижению и дискриминации, были в трудармии, но мы стойко переносили эти тяжелые времена, все невзгоды и лишения, и продолжали честно и добросовестно трудиться.

Сейчас мы реабилитированы, восстановлена справедливость, мы равноправны со всеми другими народами нашей страны, великой России. Так и было до 1941 г.

После демобилизации из трудармии в 1946 г. сразу, 5 июня, я устроился на Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат, где проработал до 1 июля 1995 г. – 49 лет непрерывного стажа. Работал на пароходе «Целлюлозник», на катере «Марат», на кране, сначала слесарем, а потом электросварщиком и бензорезом. Много раз за работу был отмечен грамотами, благодарностями, премиями.

Женился в 1949 г. Моя жена Екатерина Андреевна Петри тоже была в трудармии. Наши судьбы похожи как две капли воды. Мы оба прошли испытания невзгодами и хорошо понимали друг друга, вырастили с ней двоих детей.

Нет худа без добра. Оказавшись здесь, немцы обогатили культуру Пермского края, не говоря уж об экономике. Справедливость, пусть не сразу, восстановлена – мы реабилитированы, груз с души снят.

Жизнь, несмотря на тяжелые испытания, все равно была интересной. Важно сохранить в этих суровых краях память о тех, кто пострадал от репрессий. А еще – не повторять горьких ошибок...

Петри Екатерина Андреевна:

Родилась 18 декабря 1926 г. в селе Фриденфельд Экгеймского кантона Саратовской области в республике Немцев Поволжья.

Училась в школе на родном немецком языке, три раза в неделю изучали русский язык. Закончила 7 классов, но учиться дальше не пришлось.

После Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. немцы были изгнаны из Поволжья и рассеяны на сибирских и казахстанских просторах родины. У целого народа отобрали Родину, дом, разбросали по стране, как пепел по ветру. Такого, наверно, не было в истории человечества. С собой можно было взять только смену одежды и продукты на дорогу. Из домов уходили под жалобный вой собак, блеяние не доеных коз, мычание коров, которых в тот день уже некому было вывести на пастбище. Животные будто чуяли, что случилась беда. Это было 4 сентября 1941 г. Нас увозил в эшелоне № 848, а куда, никто не знал.

И вот мы приехали на станцию Макинка Акмолинской области (Казахстан). Всех распределили по колхозам. Наша семья попала в село Ерголка. Я была сиротой. Родители умерли в 1937–1938-е гг. Жила в семье брата. По приезде сразу стала работать в колхозе. В январе 1942 г. через три месяца после депортации моего брата мобилизовали в трудармию в Тульскую область. Весной 1942 г. я с бригадой выехала в поле. Пахала землю на коровах. Ох, и помучалась я с ними до слез. Сеяли и выращивали хлеб, осенью его убирали, молотили, зерно возили на станцию Макинка для сдачи государству. Зимой возили сено с полей. В Казахстане были очень сильные бураны. Однажды я поздно вечером приехала домой, жена брата сказала, что мне принесли повестку из военкомата. И вот нас, девчонок 15–16 лет, полураздетых и голодных, мобилизовали в трудармию. Везли в телячьих вагонах с крепкими запорами. Путь назначения был Соликамск. Здесь нас уже ждали. Сразу попали в распоряжение Учреждения АМ–244. Нас отправили на лесоповал, в село Сим. Мы выполняли мужскую работу, валили лес для бумажного комбината, работали на сплаве леса, таскали бревна. Было очень тяжело, многие болели, умирали. В начале июля 1943 г. несколько человек отправили работать на Соликамском ЦБК. Почти все попали на лесную биржу. Зимой, в январе 1944 г., многих отправили в ТЭЦ на углеподачу. Нас передавали как вещь на самые трудные и тяжелые работы – словами не выразишь, это надо было видеть.

Нас лишили всего. Не было ни двора, ни кола, ни семьи, ни одежды. А была только спецкомендатура, которая пресекала любые попытки учиться или даже выйти за пределы спецпоселения. Сколько исковерканных судеб оставила трудармия, сколько малолеток угробил непосильный физический труд! Работали без выходных по двенадцать часов, а иногда и по шестнадцать часов в сутки, в мороз 40–45° . Дома нас никто не ждал, кроме холодного барака.

Конечно, советских немцев очень больно коснулся жернов сталинизма. Ничем не запятнавшие себя перед Родиной, должны были ехать под стражей в далекую Сибирь, Казахстан, на Урал.

Если б все замученные встали и рассказали правду обо всем?

На Соликамской ТЭЦ я отработала 37 лет без перерыва. 16 декабря 1955 г. мы были со спецпоселения освобождены, и тогда на нас стали смотреть по-другому, и наш труд оценивать по достоинству.

Много раз была отмечена грамотами, благодарностями, премиями. Моя фамилия занесена в Книгу Почета станции ТЭЦ.

Награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 1974 г. решением коллегии Минэнерго СССР ЦК профсоюза была удостоена знака «Победитель социалистического соревнования».

Н.Д. Кехтер

Семья воссоединилась в 1946 году^[21]

Я родилась 1 февраля 1921 г. в селе Николаевка (Визенгрунт) Минводского района, Ставропольского края, в семье крестьянина. Окончила 7 классов немецкой школы и стала работать в колхозе дояркой. До войны старший брат Соломон Давыдович (1918 г.р.) служил в армии, в летной части, находившейся в Ростове-на-Дону. Он был третьим в экипаже – пулеметчиком. В 1941 г. на фронте был ранен. После госпиталя в октябре 1941 г. его отправили домой. А через неделю всех жителей немецкой национальности, в том числе нашу семью выслали в Казахстан, в Семипалатинскую область, Урджарский район, Аксаковский сельсовет.

В январе 1942 г. отца Кехтера Давыда Яковлевича и брата Соломона мобилизовали в трудармию. Папу отправили на Челябинский металлургстрой, на объект № 80. Здесь 27 октября 1942 г. он умер.

Брат оказался в системе Соликамстроя НКВД. 6 июня 1946 г. его перевели на ЦБК.

Меня же мобилизовали в августе 1942 г. и направили в Свердловскую область, Туринский район, где мы женщины и девчата строили железнодорожные пути на станции Лягуз. В Казахстане остались больная бабушка и мама с младшим братом Виктором, которому было 6 лет.

В мае 1943 г. нас направили на завод № 3, на биржу. Там мы заготавливали дрова для электростанции. Жили в бараках, перенесли все тяготы и лишения, голод и холод, непосильный труд.

По ходатайству брата 16 сентября 1946 г. меня под конвоем повезли в Соликамск на воссоединение с родственниками. По прибытию меня поставили на учет как спецпоселенку. В 1948 г. оставили навечно в местах обязательного поселения.

1 сентября 1959 г. ТЭЦ перевели в Пермэнерго. Я стала старшим аппаратчиком химцеха.

Неоднократно награждалась почетными грамотами, ценными подарками, удостоена знака «Победитель соцсоревнования 1975 г.». Есть медаль «Ветеран труда». На пенсию вышла в 1976 г. Замуж не выходила, детей нет.

Всего в нашей родне в трудармии было около двадцати человек.

Э.А. Гриб

Художник бумкомбината

Густав родился 11 декабря 1924 г. в селе Богатовка Запорожской области. В 1940 г. окончил школу, поехал в Симферополь, поступил в художественное

училище. Но так как началась война, его вернули домой, а в сентябре 1941 г. вместе с отцом Карлом Фридриховичем был мобилизован в трудармию на Урал, в Соликамск. Продолжительное время они жили в землянке, но потом Густава с отцом разлучили. Отца отправили в Александровск, где он вскоре заболел и умер. А Густава оставили работать художником в лагерном клубе. Все это время (около пяти лет) он пребывал за колючей проволокой. В 1947 г. стал работать художником в клубе Соликамского бумкомбината, женился на Чекмак Нине Гавриловне, спецпоселенке из Крыма. Вместе они прожили 50 лет. Воспитали троих детей, которые подарили им семерых внуков и пятерых правнуков. Оба супруга работали на СЦБК.

Густав часто отмечался наградами. Награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», юбилейной медалью к 100-летию В.И. Ленина, медалью «Ветеран труда» и другими, он был любим и уважаем многими соликамцами. В 1997 г на 73-м году он ушел из жизни.

Э.А. Гриб

Мастер ремонтной группы

Валентин Лаврентьевич Бобб родился 22 июня 1922 г. в селе Кильмансталь Днепропетровской области в семье рабочих, где был старшим сыном среди четверых детей. Отец работал кузнецом. Валентин остался после

смерти матери в 9 месячном возрасте. И только подростком узнал, что она была из богатой семьи. Репрессии 1937 г. постигли и его семью. Отца, как и других односельчан, увезли неизвестно куда. Валентин работал в колхозе на разных работах. Окончил 10 классов, и началась война. Он был призван в ряды Советской Армии, а из нее отослан в трудармию. Оказался на Урале, в системе Соликамского НКВД, во втором районе был лагерь немцев-трудармейцев, окруженный проволокой. Строился завод «Урал», п/я 577. В ту зиму были сильные холода, соответствующая одежда отсутствовала, а норму надо сделать обязательно, да еще сверх нормы выполнить, чтобы заработать пайку хлеба. Люди умирали, трупы увозили на кладбище после гудка в 12 часов, ночью.

С 1946 г. стали разрешать жениться, при этом надо было сохранять свою фамилию. Начали по пропускам выпускать в город, но в лагерь надо было возвратиться до 23-х часов. В декабре 1946 г. Валентин Бобб женился на Марии Тыквенко, высланной из Крыма в 1944 г.

Жизнь постепенно налаживалась, родились дочь и сын, а в 1955 г. семья Бобб начала строить свой дом. С Марией Николаевной они прожили 54 года.

В трудармии Валентин работал коновозчиком, пекарем, кладовщиком, а в 36 лет стал мастером ремонтной группы в городском тресте общественного питания. Работал он добросовестно, любил порядок, получил много похвальных грамот, его фотография была занесена на городскую Доску почета. Возглавляемая им группа не раз становилась победителем областных смотров

по технической оснащенности, по дисциплине и условиям труда, по качественным показателям. После выхода на пенсию Валентин Лаврентьевич продолжал работать.

Умер 3 ноября 2001 г.

Л. Андрюха

Лютеранский пастор^[22]

[...] В Соликамске Иван Иванович с 28 января 1942 г. – дата мобилизации его в трудовую армию, которая строила здесь завод «Урал». Работники предприятия с множеством названий («Лесстром», ...) помнят, наверное, своего бессменного на протяжении десятилетий начальника отдела труда и заработной платы – Ивана Ивановича Леля.

Здесь, в Соликамске, родились и выросли трое его детей, двое уже уехали в Германию, здесь живет младший сын и пятеро внуков. В нашу землю ушла семь лет тому назад жена Ивана Ивановича («Я, к счастью, успел приехать из сада, успел принять ее последний вздох».)

Сколько раз заставляли насильно менять родину этого человека, что по доброй воле сменить ее он так и не решился, даже и не побывал в Германии...

– Триста лет никто не трогал в России немцев, – не могу я скрыть стыда, – а за какие-то 60–70 лет всю жизнь вам перевернули.

– Что вы, что вы, ничего подобного. Кочевники постоянно грабили немецкие поселения в Поволжье. Да, и потом Россия стала просто спасительницей для наших предков. В Германии же шли войны, был страшный голод, и не хватало земли...

Господи, святой человек... В немецкой транскрипции его имя звучит как Иоганнес – «Божий подарок».

Наверное, так и появляются на земле пасторы в противовес человеческой злобе, глупости и жестокости. Появляются, наверное, затем, чтобы принять это все с лихвой и... все простить, и прощением этим осветить жизнь себе и окружающим.

И, наверное, не зря им дается много лет и весен – чтобы как можно больше были их «стада», покаянные и прощенные...^[23]

И. Лель

Как нас уничтожали, но не уничтожили^[24]

Мне почему-то кажется, что я обязан написать кое-что о семинарии в Ленинграде в 20–30-е годы XX столетия...

[...] В 1928 году я поступил в эту семинарию, которая по-немецки называлась Evangelisch-Lutherisches Predigeseminar, а по-русски официально «Евангелическо-Лютеранские библейские курсы». В том году был первый полный выпуск. Из тех выпускников мне пришлось лично видеть уже позже осенью Вильгельма Лютера и Теодора Феллера.

[...] Если я скажу, что в Санкт-Петербурге во все времена было довольно много немцев, это вряд ли будет ново. Ведь и латыши, и эстонцы, и финны – тоже лютеране, и, стало быть, лютеран и помимо немцев хватало.

У ленинградских немцев была такая культурная организация «Deutsches Bildungsverein». Сезон открывался балом, на котором я, провинциал, воочию увидел, как танцуют полонез. Была там своя театральная группа.

[...] Немецкие лютеранские общины (Петрикирхе, Анненкирхе, Катариненкирхе и т.д.) раньше владели не только общественными церковными зданиями, но и зданиями школ, и целыми кварталами жилых зданий. Все это, кроме зданий церкви, в то время уже было национализировано.

Семинария размещалась в здании Анненкирхе, тогда на улице Кировой, впоследствии Салтыкова-Щедрина. Причем под одной крышей с культовой частью здания церкви находилась часть, не сообщающаяся с культовой, так называемая «аула». Там был большой зал и два небольших помещения, которые были аудиториями – учебными помещениями семинарии. В большом зале могли проводиться общие собрания членов общины, а также концерты, лекции некультового содержания...

[...] У нас не было специального общежития. Жили в различных домах, принадлежащих когда-то Анненгемайнде, по 3–4 человека в комнате.

[...] Был у нас мужской хор. Спевки были в столовой, где стоял рояль.

[...] Нам предстояло учиться до 1932 года. На курс принималось 14–15 человек. Первые два семестра прошли без потрясений. Мы еще не чувствовали признаков их приближения. В церковных общинах жизнь шла своим чередом.

[...] Нас, молодых людей, случалось, приглашали молодые из «местных» на вечеринку, например, на день рождения. Скрипка студента нашего курса Вольдемара Гюйо, вероятно, тоже играла в этом роль. Исполнял он обычно только серьезную музыку. Одна девушка как-то спросила его, не сыграет ли он фокстрот. Он ответил, что такую музыку он считает недостойной своей скрипки.

Однажды моей соседкой по столу на такой вечеринке оказалась молодая женщина, с которой я не был знаком, но слышал, что она недавно вернулась из ссылки, куда была выслана за веру (член баптистской общины). Когда она узнала, кто мы такие (наша группа из 5–6 человек), она мне сказала: «Смотрю я на вас, и мне становится за вас страшно!»

Нужно заметить, что к тому времени молодежь еще не была настолько «заидеологизирована», как это было позже. Навешивание бирок на определенные группы людей, чтобы их «отлучить», еще не продвинулось так далеко. Нас еще не чурались. Лично я еще в школьные годы был отмечен такой биркой. Сын лишенца... Тогда среди учеников еще только единицы были комсомольцами, они не играли ведущей роли. Несмотря на свою «бирку», я был в последнем классе председателем комитета ученического самоуправления.

В общем, первый учебный год нашего курса (1928/1929) прошел спокойно. Осенью 1929 года был сформирован новый курс.

Тучи начали сгущаться в нашем третьем семестре. [...] В ноябре 1929 года гром грянул: Гельмута Ганзена, его жену Эрну Ганзен^[25], а также второго пастора Петрикирхе, его сестру и многих других арестовали.

[...] Нас всех – не только учащихся, но и все «хозяйство» вместе с кухней, частью преподавателей, живших в самом Ленинграде, в одночасье выдворили из занимаемых квартир. Мы вынуждены были искать крышу над головой в окрестностях города. Наконец, в Мартышкино мы нашли квартиры у разных «частников», где и поселились группами.

[...] Ректора Мальмгрена самого тоже выдворили из квартиры, которую он занимал много лет... Он не был вынужден, как многие, выехать за город, но квартира, которую он занимал теперь, была, мягко выражаясь, не теплая. Однажды в перерыве между лекциями, он сказал, что в квартире холодно.

– Если становится неважно, иду под холодный душ!

Был он уже в пенсионном возрасте, но крепок.

Вероятно, так продолжалось до конца учебного года. В каникулярное время, летом 1930 года, я в последний раз смог поехать домой. Приехал я в родное село Норку к дедушке, где находилась и мама. Но отец и другие члены семьи уже перебрались в маленький «кантонный город» Балтцер, куда та же община пригласила отца на должность кюстера.

[...] Где-то на горизонте маячил призрак призыва в армию или что-то подобное. Во всяком случае, возможность «сокрушения» учебного процесса.

[...] Летом 1931 года группа из 6–8 студентов решила поработать на паркетной фабрике. Нас с радостью взяли на работу по сушке так называемой «фезы», т.е. дощечек, которые впоследствии должны были стать паркетом. Эту работу основные рабочие выполняли неохотно – она плохо оплачивалась. Нам же не приходилось выбирать... Работа не сложная, но канительная. Мастер, по видимому, был доволен, он ставил нас в пример остальным рабочим. Что мы были немцами, они знали, хотя, вероятно, не знали, какими именно немцами. Когда мы пришли за расчетом, директор поблагодарил нас за хорошую работу, сказав: «Скажу откровенно, пока вы работали, я отдохнул».

Начался новый учебный год 1931/32, четвертый для нашего курса, завершающий.

29 января 1932 года я по повестке явился в ОГПУ. Наш «диалог» со следователем (его фамилия была Тамм) сводился к тому, что я должен был принять на себя роль тайного осведомителя. То, что отвечал ему я, по смыслу сводилось к тому, что мне не пристало стать врагом своих друзей. [...] Разговор был вполне корректным. Когда стало ясно, что цель не достигается, следователь повел меня к своему начальнику. Тот начал с софизмов. Вас, мол, государство учило бесплатно, представьте себе, что я фининспектор и теперь предъявляю Вам счет. Я ответил, что мой отец платил государству налоги. Тогда «фининспектор» потерял терпение, обозвал меня щенком. На его вопрос: «Ну, так как?» – я ответил, что у меня иного ответа нет. Тогда он заявил: идите, у нас есть другой ответ! Конечно, отпускать меня они не собирались. В «воронке» меня отвезли в ДПЗ, и я оказался в одиночной камере. В ДПЗ мне еще два раза пришлось встретиться с тем же следователем. Видимо, оставалась

еще надежда на то, что одиночество научит меня уму-разуму. Беседы проходили спокойно. После подписания протокола мы еще некоторое время беседовали на «отвлеченные» темы. Возможно, ему надоела самому рутинная работа, и он так отдыхал. Как-то он меня спросил: а если бы мне пришлось выбирать между материализмом практическим и научным? Я ответил, что выбрал бы научный. И еще он сказал: «Конечно, я не знаю, что с вами сделают. Я в решении этого вопроса не принимаю участия. Одно ясно: окончить учебу мы вам не дадим».

Одинокое заключение вряд ли кто найдет приятным. Ни книг, ни газет, ни клочка бумаги. Но я не отчаивался. Ведь мне оставлялась молитва. Кроме того, я когда-то выучил много стихотворений классиков. Особенно Шиллера (Гете меньше), Гейне, Уланда и др. Русских тоже немало: Пушкина, Лермонтова, Тютчева... Стихи двух великих и родных мне культур спасали меня. Еще пел. Конечно, декламировал и пел негромко. Когда мне объявили постановление «тройки» ОГПУ – сослать в Казахстан на три года, меня тут же перевели в общую камеру, а на следующий или на третий день нас уже везли в «столыпинских» вагонах.

В то время, хотя разгром уже начался, вернее, продолжался, не было еще таких жестокостей, как впоследствии.

Такой штрих: я ведь просто исчез. Никто не знал, куда я делся. Мой брат работал чернорабочим на рубероидном заводе (впоследствии он пошел в медицину фельдшером, затем в медвуз поступил). Ему кто-то посоветовал отправить по почте небольшой денежный перевод в ДПЗ. Примут – значит, там. Сработало: перевод я получил (25 рублей). Система утайки и лжи не была еще так отработана, как стало потом. Например, нашего отца арестовали в феврале 1938 года. Как впоследствии стало известно, в ноябре этого же года расстреляли. В 1942 году мама получила в Урджаре телеграмму из Ивделя, якобы от него: «Дорогая семья, жив, здоров, работаю».

С семинарией я связь потерял. Мои однокурсники в 1932 году ее окончили, стали пасторами. Я получал письма от одного из них, упомянутого скрипача Вольдемара Гюйо, еще летом 1932 года. Пришло письмо и от Бруно Тороссяна. Он мне сообщил, что в журнале «Коммунист» прочитал небольшую заметку, в которой сообщалось: Вольдемар Гюйо, прочитав труды Маркса, убедился в ошибочности своих религиозных убеждений, поэтому снял с себя сан священника... Не поверил. Хотя легко себе представить, как он, будучи уже отцом семейства, мог испугаться угрозы, что арестуют его и жену! Куда денутся дети? До меня доходили слухи, что Вольдемар некоторое время зарабатывал на жизнь скрипкой. В 1939 году я встретился с его отцом. Старик был удручен всем этим. Я его утешил тем, что мы не знаем подробностей. Но в том, в 1939 году, Вольдемара уже не было в живых.

Еще в 1932 году выяснилось, что Бруно Тороссян тоже в осведомители не годится: Тамм ему велел исчезнуть из Ленинграда.

Подробности стали известны много лет спустя. [...] Лишь в 1994 году я узнал, что он [Тороссян] в Выборге! Только в 1999 году получили адреса друг

друга и в октябре 1999 года встретились на синоде в Москве. Это после 67 лет разлуки!

О том, что семинария закрылась, я узнал много лет спустя. О том, что Мальмгрен, первый и единственный ее ректор, уехал в Германию и там похоронен, тоже поздно узнал...

И последнее. В Москве на синоде (вероятно, в 1998 году) рядом со мной сидел пожилой человек, фамилию которого я забыл. Он рассказал мне, что подал заявление о поступлении в семинарию в 1934 году. Этот курс уже не состоялся. Но вот его самого, поскольку его имя значилось в списке вероятных студентов, арестовали, и он сколько-то просидел, только за то, что хотел поступить.

А. Лель ^[26]

Архивы

Архивы памяти наших дедов,
бабушек и отцов.
Судьбы ломались, вершились запреты
прихотями подлецов.
Без суда и следствия –
сосланы на чужбину.
Без суда и следствия –
награды навешивались,
Вешались отчаявшиеся,
верившие – гнули спины.
Архивы памяти из дат сколочены
смертей: от голода, болезней, страха.
Души вывернуты, искорежены
призраком стылой «советской плахи».
Губы трясутся, пытаюсь вымолвить
то, о чем много дней молчали.
О сотнях верст из Украины солнечной
туда, где лагерьями и проволокой встречали.
Туда, где волки от голода выли.
Ах, как они их понимали...
Где страх стал крестом, кандалами и кляпом
для всех, со счетов истории снятых.
Где смерть выплясывала «танец с саблями»
меж замерзших, уставших, распятых.
И кажется им, как давно это было...
но всегда валидол в кармане
На случай, если в глазах поплыло
от нахлынувших воспоминаний.

Ее судьба – Соликамск^[27]

Село Экгейм раскинулось на берегу реки в ста километрах от города Энгельса в республике Немцев Поволжья. Летом берега украшались зеленым ожерельем фруктовых садов. Солнечные закаты горели на темно-голубом небе. Соловей, не умолкая, рассыпал свои любовные трели. Притихшие дома белели от лунного сияния.

Таким запомнилось Эмилии немецкое село, в котором она прожила до 13 лет.

Семья была многодетной – пять мальчиков и две девочки. Братья работали на колхозных полях, сеяли и убирали хлеб, в страдную пору появлялись дома только для того, чтобы переодеться. Мать как домохозяйка отработывала 80 трудодней на овощных плантациях. В такие дни домовничала Эмилия. Без домашнего хозяйства селяне не представляли своей жизни. Отец работал в торговле. Жили в достатке, родители радовались успехам детей в школе, надеялись на их счастливое будущее.

Но война круто повернула судьбы трудолюбивых селян.

– Вначале нашу семью выслали в Кокчетав, – рассказывает Эмилия Филипповна, – оттуда отца, брата и меня угнали в трудармию. Привезли на Урал. Около года я работала в Верхней Боровой на лесоповале. Пилу держать было не под силу, – так заставили рубить сучья и ветки с поваленных деревьев. Многие, как и я, топором работать не умели, часто травмировались. Таких наказывали «за саботаж».

Обувь не успевала просыхать, и на работу шли с сырыми ногами, норма хлеба – 300 граммов и раз в день, горячая баланда из мороженой капусты и рыбьих голов.

Жили в бараках, вокруг – проволочное ограждение, раньше там размещались заключенные. На ночь ворота закрывали на замок.

Было горько еще и оттого, что постоянно ощущали ненависть местных жителей, ведь почти в каждой семье кто-то был на фронте, кто-то лишился отца, брата, кто-то пришел с фронта инвалидом, а мы – немцы, значит, враги.

Был такой случай: нас переводили на строящийся бумажный комбинат. Вещи положили на сани, а мы шли до Соликамска пешком. Зашли в какую-то деревню погреться. Открыли нам школу, всем места не хватило. Стали стучаться в дома, люди не открывали, а кое-кто даже злобно бросал: «Замерзайте, черт с вами...»

Когда прибыли на строительство бумкомбината, стало легче: давали по 800 граммов хлеба, три раза кормили. Но жили по-прежнему в бараках, ежемесячно отмечались в спецкомендатуре.

Я была направлена на пароход «Целлюлозник»: грузили камень из Вишерского карьера на баржу и приводили ее на бумкомбинат. Кроме этого, заготавливали метровые чурки для парохода. Зимой скалывали баржу и пароход ото льда, чтобы он не раздавил суда.

Однажды мы стояли в Тетерино. Рядом на сенокосе работали трудармейцы. «Миля, ты не обратила внимания на того красивого парня? – смеясь, спросила одна из работниц. – А ведь он не спускает с тебя глаз...» Вернувшись с сенокоса, этот парень разыскал меня в общежитии. Мы подружились. Звали его Константин Иванович. Его жена погибла при аварии на железной дороге, осиротив полуторагодовалого сыночка. Мы были лишены самых элементарных человеческих прав, и, даже создав семью, каждый остался на своей фамилии: муж – Штибен, я – Шнайдер...

Эмилия Филипповна устремила взгляд в окно и помолчала, видимо, что-то вспомнила, потом продолжила свой рассказ:

– Хрупкое маленькое создание неожиданно покорило меня. Не рожая, стала матерью, – видно, судьба. И не думала тогда, что мой первенец Володенька в будущем станет уважаемым человеком в городе – директором педагогического колледжа.

Судьба одарила нас еще двумя сыновьями, и росла троица мальчишек, радуя материнское сердце. Но настал черный день: один из сыновей утонул в строительном карьере... Думала, не переживу я этого горя, но рядом был заботливый муж, любящий меня и детей, а горе, разделенное пополам, переносить легче.

Муж тоже работал на бумкомбинате – в депо. Выйдя на пенсию, не захотел расставаться с любимым цехом – работал инструментальщиком, и прямо на работе у него случился инсульт. Мы с ним прожили счастливо и дружно 45 лет.

Я сама 40 лет проработала на лесобирже. Вначале был просто рейд, потом появились катера, я выдавала горюче-смазочные материалы, выписывала путевки, была казначеем в профсоюзе. Мужчины меня берегли: как же, одна женщина среди них...

Эмилия Филипповна и сейчас живет активно: летом – на огороде, зимой посещает общество «Возрождение», встречается со знакомыми, бывает на праздниках.

Прожита большая жизнь – 75 лет, но выглядит Эмилия Филипповна прекрасно, энергична, хороший рассказчик. Пройдя через трудности и беды, она свою судьбу, свой причал нашла в уральском городе Соликамске.

Н. Вольская

Он строил завод «Урал»^[28]

Трудармейцы, о которых совсем недавно не принято было говорить, внесли немалый вклад в Победу. Построенный ими наш завод давал продукцию для фронта. Как много значил тыл тогда, в тяжелые 1941–1945-е годы!

Фрейнда Владимира Андреевича знают на заводе многие. Но, может быть, не все помнят, как он попал в Соликамск на завод «Урал».

«Белье берите с собой и продуктов на два дня, – такими словами проводили его из лысьвенского военкомата. Учитель по образованию (теперь уже бывший) отправлялся в Соликамск по повестке. Почти как на войну.

25 марта 1942 г. – это та черта, которая разделила обычную жизнь на две половины: до... и после... «До» – ты такой же, как все вокруг, с кем вместе учился, работал, и «после», когда в глаза могли бросить: «Фриц!»

Отправили Владимира Андреевича в лагерь. «Там было совсем так же, как в исправительно-трудовых лагерях: высокие заборы, вокруг вышки, часовые. В одноэтажных бараках расселяли по бригадам. Спали на двухъярусных нарах. Расположение у них точно такое же, как в поезде», – вспоминает В.А. Фрейнд.

Работать нас определили на завод. Но «завод» – это громко сказано. Тогда здесь еще ничего не было. Один лес. Корчевали. Прокладывали тропки-дорожки. Рыли траншеи для различного рода труб. Работали вместе с заключенными. Даже оцепление было одно.

И кормили как заключенных. На завтрак, обед и ужин одно и то же: суп, каша, чай. Хлеб давали в зависимости от того, где и как работаешь. На тяжелой физической работе – 800 граммов, управленческая деятельность оценивалась в 400 граммов. «Мне еще легче было, родственники помогали. Хоть картошки наварят, принесут. Да и моральная поддержка была: вместе с двоюродным братом жили в лагере», – говорит Владимир Андреевич.

Помогали ли новые «заключенные» друг другу? Разумеется, помогали. Иначе бы не выжили. «Многие здесь, конечно, остались», – рассказывает Фрейнд. Но можно было увидеть и другую картину. В больнице один из трудармейцев умер, и те, кто лежал рядом, начинают обыскивать умершего, рыться в его вещах, забирая то, что может пригодиться им самим. «Мы еще жить хотим» – огрызаются они в ответ на призывы быть людьми. Что ж бытие определяет сознание...

Но время траншей и прокладки труб прошло, появилось на заводе оборудование. Владимир Андреевич стал работать в монтажной группе. Завод начал выдавать продукцию. А режим оставался все тот же. В шесть утра подъем, завтрак, в колонны по четыре – и на работу. Затем перерыв на обед, и снова работа до двенадцати, до двух часов ночи. Наступало утро, и все сначала. Из дня в день. Неделя за неделей.

Первые трудармейцы вышли из лагеря весной 1945 г. Правда, должны были ходить отмечаться в комендатуру, а барак-общежитие, куда их поселили, мало отличался от барака-лагеря, но все же они были свободными. Сытнее стало жить. Никто не ходил у тебя за спиной с винтовкой, и ты мог спокойно передвигаться в пределах города. Для выезда за город еще нужно было разрешение. Да и место работы пока нельзя было переменить. Работали там же, где и до освобождения. Свобода, конечно, относительная.

В конце 1945 г. Владимир Андреевич уже работал механиком по капитальному ремонту в четвертом цехе. Затем была работа прорабом на стройке. Сколько домов в Зеленом поселке построено В.А. Фрейндом! 45 лет на заводе. От первых траншей в 1942 г. до 1987 г. Из шестнадцатого цеха он и ушел на пенсию. Теперь жизнь детей связана с заводом, здесь работают сыновья и дочь В.А. Фрейнда.

Когда на прощание я спросила Владимира Андреевича, что бы он хотел изменить в своей жизни, он замолчал, задумался, потом слегка улыбнулся и сказал: «Не хотелось бы, чтобы это повторилось».

Л. Андрюха

Жизненные пики Виктора Шмидта^[29]

Молодой, красивый, крепкий парень Виктор Шмидт должен был стать, по идее, баловнем судьбы. Его отец был бравым красноармейцем, командиром дивизиона летчиков-истребителей во время Гражданской войны, дядя занимал высокий пост заместителя наркома гидроавиации.

Только не в лучшей спецбольнице страны маленькому Шмидту довелось появиться на свет. Родила его мама в вагоне-теплушке, где летчики жили вместе с самолетами, женами и детьми. Вместо люльки подвязали старую шубу на четырех веревках, в ней и спал младенец. Потом, конечно, сменили Шмидты кочевую жизнь на нормальную, оседлую, и сына отправили в школу. Учился Виктор хорошо, увлекался рисованием, занимался парашютным спортом. После 10-го класса поступил в Военно-воздушную Академию имени Жуковского.

Продолжать бы сыну дальше отцовский путь, так же Родину любить и защищать... Да не тут-то было. В 1938 году сняли со всех постов и арестовали его дядю, а племянника сразу же отчислили с первого курса академии, как «члена семьи врага народа». Удалось каким-то образом ему получить двухгодичное учительское образование, а потом устроиться учителем физики и математики в зерносовхозе Сталинградской области. Любовь к небу и летному делу привела в сталинградскую авиашколу, где В.И. Шмидт стал инструктором планеризма. Но однажды при запуске дельтаплана произошла техническая авария. Лопнувшем тросом у Виктора Ивановича выбило глаз. После этой травмы путь в небо был закрыт навсегда. Но даже собственное увечье не спасло Шмидта от жестоких репрессий за «вредительство». Выселили его в Казахстан, где ему пришлось работать пастухом. В 1942 году, когда из немцев сформировали части трудармии, его отправили в Соликамск на строительство завода «Урал».

На соликамской стройке Шмидта «повысили» до слесаря. Потом пригласили в школу № 3 завучем по производственному обучению. Вновь стал Виктор Иванович «набирать высоту»: ценили его работоспособность, строгость, знания. В 1964 году назначили директором школы-интерната. Работал новый директор с утра до ночи, ведь в интернате было 640 детей.

Но через четыре года опять основательно тряхнуло жизненный лайнер нашего героя. Какой-то мелкий конфликт с горкомом партии напомнил «железо» сталинских репрессий. В тихих партийных кабинетах ему вновь пришлось услышать прежние интонации:

– Ты что, забыл, что такое горком партии? Ты помнишь, какая у тебя фамилия?

Парадокс тех лет состоял в том, что руководители местного отделения

КГБ оказались людьми более умными и дальновидными и помогли В.И. Шмидту устроиться механиком цеха на заводе «Урал». До 67 лет трудился Виктор Иванович на построенном собственными руками предприятии.

В Соликамск приехали родители, здесь родилась дочь Виктора Ивановича. Здесь же появилось новое увлечение, новая страсть – роскошная природа нашего севера, нетронутость таежных и речных просторов. По полтора месяца проводил он в тайге, обошел все леса за Камой, в Логах, Тархово, на Сенькином хуторе. Охотился за белкой, зайцем, куницей, добывал лосей. Водил детей в походы, прошел с ними по Северной Вишере, добрался почти до истоков Печоры, забирался на самую высокую вершину области – Тулымский камень.

Художник-таксидермист – редкая специальность. Виктор Иванович самостоятельно освоил ее. В Яйвенском, Чердынском, Березниковском, Соликамском музеях представлены чучела зверей, изготовленные В.И. Шмидтом. Лоси, волки, рыси, глухари, рябчики и многие другие животные и птицы в музейных панорамах – дело рук Виктора Ивановича. Сам искал составы, сам изучал технологию обработки, в собственном гараже месяцами корпел над сложной работой...

Виктору Ивановичу исполнился в этом году 81 год. Остались в прошлом дальние таежные походы. Не обласкать легкие вздохом густого лесного воздуха, не глотнуть кострового дымка на берегу величавой реки, не взметнуть лихо на плечо ружьецо... Но и не забыть этого никогда. Столько красок подарила природа, такой любовью и величием напитала в многолетних странствиях, что хватает этого запаса на много лет, чтобы каждый день вставать к мольберту, вспоминать и записывать удивительные пейзажи.

Художник Шмидт как будто переполнен густотой природных красок – так ярка палитра его картин, так неустанно и тщательно выписаны детали, так удивительно точно схвачена композиционная стройность диких красот Прикамья. Даже в человеческих портретах, которые можно назвать поистине жемчужинами его творчества, художник выделяет и замечает глубокую природную силу и неповторимость своих героев, как удивительную комбинацию узоров божественного творческого экспериментаторства.

– Спасибо за чистые краски, светлые воды...

– Ваши работы заставляют смотреть на мир иначе, добрее и бережнее...

– Благодарим за то, что выжили в гаражных условиях вместе с вашими чистыми красками нашего неба, воды, лесов. Удивительны женщины, которых вы оставили на ваших полотнах. Это же «декабристки» нашего города. Они помогли выжить в сталинскую стужу и слякоть...

Эти строчки – лишь немногие из множества персональных выставок В.И. Шмидта. Его полотна почти все раскуплены, многие увезены в Германию, некоторые оставлены в домах и музеях российских.

Они как напоминание всем нам о красоте, неповторимости и хрупкости природы и человека. Как призыв к бережности и любви...

Виктор Шмидт всегда был очень крепким, сильным человеком и внешне и внутренне: брался за самые тяжелые работы, бегал на самые длинные

дистанции, брал большой вес и летал на дальние высоты. Врач-кардиолог не раз предупреждал о том, что его сердечная аорта слишком большая и может не выдержать тех нагрузок, которые он на себя берет.

Большое сердце выдерживало...

У большого человека всегда большое сердце!

Первостроители Гремячинска

В.Р. Гебель

Первостроители Гремячинска¹

Гремячинск во время войны

[...] 1942 год. Шла Великая Отечественная война. [...]

Когда западные угольные бассейны были оккупированы фашистскими захватчиками, промышленность Урала и его железнодорожный транспорт потребовали резкого увеличения добычи кизеловских углей. Нужно было срочно строить новые шахты.

Государственный Комитет Обороны принял решение об освоении Гремячинского каменноугольного месторождения, частично разведанного еще до войны. В.В. Вахрушев издал приказ о строительстве здесь шахт мелкого заложения. Их требовалось построить в кратчайшие сроки.

Для этого 8.12.1941 г. была образована специальная организация – Гремячинское управление новых шахт, а сокращенно Гремячинское УНШ. Из разных мест страны стали прибывать на станцию Баская вагоны с людьми (*в том числе 3 тысячи немцев-трудармейцев – Ред.*).

Новая стройка находилась в 6 километрах от станции и была связана с ней только стланевой дорогой – это вплотную уложенные поперек дороги бревна. Поэтому почти одновременно с началом строительства первых шахт было начато и строительство железнодорожной ветки от станции Баская до будущих гремячинских шахт. Но ни то, ни другое строительство невозможно было вести без жилья. Его остро не хватало. Строили самое простое: палатки на 20–30 мест и бараки на 150–200 мест. Как только были готовы стены и потолок, сразу же началось вселение в барак людей. Потом достраивалась крыша, и утеплялся потолок. Внутри барака по обеим сторонам устраивали сплошные двухъярусные нары, а посередине прохода устанавливали одну или две железные печи величиной с письменный стол, которые и обогревали жильцов барака.

Кругом была нетронутая тайга, и основным строительным материалом был лес. Из него строили жилье и шахтные здания, копры и железнодорожные бункеры.

В летнее время около всех строительных объектов стояла непролазная грязь. Зимой все покрывалось глубоким снегом. В этих условиях в первые годы (даже и после окончания строительства железнодорожной ветки) основной транспортной силой были некрупные и неприхотливые, но очень выносливые и достаточно трудолюбивые лошади-монголки. А транспортным средством были волокуши. На них возили бревна, брусья, доски, рельсы, а тяжелое оборудование – по частям.

Хлебных и продуктовых карточек первый год мы не видели. Кормили нас в столовой по суточным талонам. Каждый работник после отработанной смены получал у табельщика талон на питание на следующие сутки. Больные

получали талоны на питание прямо в медпункте. А вот прогульщики никаких талонов не получали и назавтра оставались без питания. [...]

Паек был, конечно, очень скудным. Шахтеры получали в день один килограмм, а поверхностные рабочие только семьсот граммов хлеба. Буханка была по размерам чуть больше, нежели в наши дни, но значительно тяжелее: от 2,5 до 3-х килограммов. Подвозили хлеб в мешках на спине лошади или на волокуше, и потому он всегда был сильно измятый.

В столовой готовили супы всегда до обидного прозрачные. Чаще всего варили один день суп с сушеными грибами, а на другой день – с пиканами (борщевиком). Изредка готовили суп картофельный или суп-лапшу. И если меню в столовой все же иногда менялось, то неизменным в те годы после посещения столовой оставалось одно – чувство голода. Две – три лапшинки или картофелинки на пол-литра воды никого не могли насытить.

В свободное от работы время чаще всего говорили о делах на фронте. Радио во многих бараках еще не было. Новости мы узнавали перед началом работы в нарядной или из газет. С ноября 1942 года два раза в месяц начала выходить первая гремячинская газета «Строитель». [...]

В первые военные годы ни шахтерам, ни поверхностным рабочим никакой спецодежды не выдавали. Каждый работал в том, в чем приехал в Гремячинск. Шахтеры после рабочей смены снимали только прорезиненную спецодежду, а в остальной, тоже грязной, ходили повсюду: и дома, и в столовую, и в контору, и даже в медпункт. При строившихся шахтах бань еще не было, и умывались после работы в бараке под умывальником. [...]

Приблизительно там, где сейчас находится дом № 5 по улице Восточная, была построена баня со специальной «жарилкой» для санитарной обработки одежды. Но пропускная способность бани была настолько мала, что мылись строго по графику и не чаще одного-двух раз в месяц. Большая скученность людей на сплошных нарах, антисанитария в бараках очень быстро привели к большой завшивленности всех жильцов этих бараков. Вши буквально истязали нас, не давали отдохнуть и выспаться, как следует, по ночам. В этих условиях наши медики приняли решение в обязательном порядке обстричь всех наголо, даже женщин. Последние восприняли эту меру очень болезненно.

Я уже говорил, что гремячинские строители, как и все труженики тыла в годы войны, работали под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» За выполнение дневной нормы получали двухразовое питание. В дальнейшем за особые посменные успехи были введены «стахановские талоны», по которым обладателю такого талона на ужин дополнительно выдавали пару ложек каши или картофельного пюре и небольшой кусочек рыбы.

Питание, которое мы получали в столовой, стоило очень дешево, каких-то 30–40 копеек в день. Денег на руках у людей в годы войны почему-то было очень много. Поэтому и цены на базаре были очень высокие. Одна папироска-самокрутка стоила рубль, а спичечная коробка табака-самосада – пять рублей. Стоимость буханки хлеба доходила до 300 рублей.

О зарплате долгое время никто не вспоминал. Однажды, уже в мае 1943 года, к нам в барак пришел незнакомый мужчина в темных очках и сказал, что

он кассир Абушаев. К большому нашему удивлению, он объявил, что будет выдавать нам аванс по 10–15 рублей каждому. Многие из нас были тогда в возрасте 16–17 лет и слово «аванс» услышали впервые. С этого времени мы стали привыкать к заработной плате. [...]

Начинал я работать в шахте № 62 уборщиком породы, когда главный и вспомогательный стволы были уже пройдены до проектной отметки, и началась проходка штреков и других горных выработок. Насосы с трудом успевали справляться с большим притоком шахтных вод. «Успевали справляться» сказано с очень большой натяжкой...

Насосы были старые, запасных частей не хватало. Поэтому, как ни старался механик шахты В.П. Коржавин, насосы часто выходили из строя, и вода тут же затопляла штреки. При проходке ствола, в случае поломки насоса, проходчики в забое уже работать не могли и покидали его. А вот когда горняки сели на горизонт и начали проходить штреки, то работа в забоях из-за поломки или остановки насоса не прекращалась.

Первые два – три месяца штреки чаще были подтоплены, нежели откачаны. Нам приходилось почти ежедневно работать по колени в воде. Резиновые сапоги в то время были только у большого начальства. Шахтеры работали в чунях, в ботинках и даже в лаптях. Вода в шахте холодная, как ключевая. Стоило шахтеру с мокрыми ногами немного постоять, как они сразу немели. Поэтому приходилось все время быть в движении. Но лучше всего ноги разогревались, когда мы толкали от забоя к стволу груженую вагонетку. Рельсовый путь чаще всего был под водой, и следить за чистотой или исправностью его было трудно. Вагонетки катились по залитым путям очень тяжело. Нередко они бурились, то есть съезжали с рельсового пути, и тогда приходилось засучивать рукава и на ощупь в воде определять, почему забурилась вагонетка. И не так-то легко было поставить ее снова на рельсы, если вода в штреке порой скрывала колеса.

В период строительства первых шахт вся механизация проходческих работ сводилась к пневматическим отбойным и разбурочным молоткам. Бывало, что не во все забои хватало отбойных молотков, и тогда их заменяли кайла или ломы. А вот совковую лопату имел каждый проходчик.

И здесь хочется рассказать, что в период строительства в шахте было много мест, где из кровли или боковой части выработки текли струйки воды – воды чистой и вкусной. И если у кого из нас появлялась жажда, то мы подставляли под струю свою лопату, ополаскивали ее и с нее же пили.

Я уже говорил, что работать в шахте я начал уборщиком породы (в прежние годы была и такая шахтерская профессия). Через месяц меня перевели в проходческую бригаду. В то военное время медицинскую комиссию шахтеры не проходили, технику безопасности не изучали. Учились мы, новички, у старшего поколения. Возрастного «ценза» в то время не придерживались. Я и многие мои сверстники начали работать в шахте в семнадцать лет, а некоторые были еще моложе. Первым моим горным мастером был старый горняк Гольцов. Среднего роста, крепкого телосложения, он выделялся среди шахтеров тем, что носил длинные «буденовские» усы. В течение смены, а работали тогда по 8

часов, Гольцов приходил в забой по несколько раз, давал указания по работе, а при необходимости – советы по соблюдению техники безопасности. После этого он почти каждый раз вешал на стойку или вагон свою лампу, разглаживал усы и говорил: «А ну, ребята, дайте-ка закурить, если у кого есть...».

Курение в шахте в те годы не запрещалось. Да такой запрет не имел бы тогда смысла. Все шахтеры пользовались бензиновыми лампами «Вольфа», но ни стекол, ни сеток наши лампы не имели. Бензина тоже не было. Лампу заправляли соляркой, в отверстие, предназначенное для заливки горючего, опускали фитиль толщиной с палец и зажигали его. Пламя у лампы было высокое, 10–15 сантиметров, и очень коптило. Поэтому в забоях со слабой вентиляцией воздух вечно был наполнен дымом и копотью от шахтерских ламп.

Во время строительства шахты № 62 мне выпало счастье некоторое время работать бок о бок с Михаилом Романовичем Тарараевым – впоследствии первым Героем Социалистического Труда на гремечинских шахтах. Опытный горняк, очень трудолюбивый, удивительно скромный, Тарараев уже в те далекие годы был наставником молодежи в настоящем понимании этого слова. Он показывал нам пример в работе и всегда был готов дать полезный совет.

Мне хотелось бы отметить старательность Михаила Романовича. Делать любую работу только хорошо было его неписанным правилом. Из-за того, что Тарараев на первое место ставил качество работы, а не количество, его бригада, случалось, проходила несколько меньше горных выработок, чем другие, и, следовательно, зарабатывала меньше. Но даже возможность заработать «лишний рубль» не могла поколебать рабочую совесть этого образцового горняка. В тех штреках, где работал Тарараев, креплением можно было любоваться: станок к станку, все одинаково ровно, как по ниточке.

[...] Такие опытные проходчики, как Тарараев, Гладких, Пирогов, Кравченко, Семенов и другие старшие товарищи были для нас, молодежи, примером в работе.

5 июня 1943 года шахта № 62 была принята комиссией в эксплуатацию. При этом новое руководство шахты попросило руководство УНШ временно оставить из числа строителей 25 человек для более быстрого освоения проектной мощности новой шахты. Так, были оставлены на шахте братья Завадские, Буркис, Герцен, Унгер, Шмидт и еще ряд проходчиков, в числе которых был и я.

На эксплуатируемой шахте нам пришлось работать в новых условиях и приобретать новые профессии. Я стал работать бурильщиком. Новым для нас было, например, и то, что теперь пересменка проводилась не каждую декаду, как было принято в УНШ, а только первого числа каждого месяца. Тяжело было работать целый месяц в ночную смену, если учесть, что мы тогда часто трудились без выходных дней.

[...] Вместе с бурильщиком всегда посылали и помощника, который во время бурения шпуров сидел около выключателя и по команде бурильщика включал и выключал электросверло. Был и у меня помощник родом из Средней Азии. Почти все рабочие из этого пополнения до приезда из Средней Азии в

Гремячинск не то что на шахтах, но и вообще на производстве не работали. По-русски умели говорить лишь немногие из них и с большим трудом привыкали к новой работе. Так вот моим помощником оказался казах Давлетбаев – мужчина средних лет, крепкого телосложения, который знал два десятка русских слов. Как и большинство прибывших из Средней Азии, он спускался в шахту в длинном национальном ватнике и меховой шапке. Лазать по крутым выработкам в такой одежде было крайне неудобно. [...] От большого напряжения (и частично от страха) Давлетбаев добирался до панели весь в поту и при этом каждый раз крепко бранился и по-казахски и по-русски. Но уж, зато, как только ступал ногой в панель, он тут же находил себе безопасное место, садился на скрещенные ноги, плотно подбирал под себя полы длинной одежды, ставил поближе к себе барабанный выключатель и не поднимался больше с места, пока я не разбурю всю панель.

Случалось, что очередной шпур попадал на очень твердую прослойку угля, и тогда я долго бурил. За это время Давлетбаев успевал задремать. Закончив бурение шпура, я кричал: «Выключай!». А бывало и так: я крикну раз, другой, третий, но помощник меня не слышит. Долго держать над головой работающее электросверло я не мог, и в таких случаях бросал его вместе со штангой в сторону и бежал к выключателю. Тут уж наступал мой черед браниться. А разбуженный Давлетбаев растерянно моргал глазами и спросонья никак не мог понять, за что его так ругают. [...]

В нашу смену первое время горным мастером был Волченков. Если случалось, что в стволе забурится скип, то Волченков тут же собирал нас всех: бурильщиков, крепильщиков, опрокидчиков и даже дежурного электрослесаря. Он не отпускал никого до тех пор, пока мы не поставим скип на рельсы. И все это время, пока мы разбуриваем скип, Волченков вместе с нами лазил вокруг забурившегося скипа, помогал нам в работе.

Однажды мы разбуривали скип в метрах двадцати пяти от низа. Неожиданно оступился и сорвался вниз слесарь Вольперт. Угол падения ствола был порядка 70 градусов. Мы скорее полезли вниз. Вольперт упал на мелкий сырой уголь, и это его спасло от переломов и сильных ушибов. Когда мы его подняли наверх и стали спрашивать, где и что у него болит, то Вольперт неожиданно для нас забормотал: «А часы мои, мои часы?» – и при этом рукой стал искать в кармане на груди свои часы. Они были завернуты в тряпицу и продолжали тикать. А мы не знали, как себя вести: всем было и грустно, и смешно из-за того, что человек больше думал о своих часах, нежели о своем здоровье. Справедливости ради, я должен сказать, что в те годы часы были большой редкостью. Даже золото в те военные годы так не ценилось, как часы.

После Волченкова горным мастером в нашей смене стал Кондрашов – человек и добрый, и требовательный. И при Кондрашове наша смена продолжала оставаться одной из лучших на шахте. Стране нужен был уголь, и мы старались добывать его как можно больше. Из месяца в месяц мы наращивали добычу угля, и проектная мощность шахты была освоена раньше, чем планировалось.

В марте 1944 года меня и некоторых моих товарищей по работе отозвали с шахты № 62 обратно в УНШ. Я опять стал работать проходчиком, но уже на строившейся тогда шахте № 68. [...]

Исторические победы наших войск на фронте вызвали высокий трудовой порыв у всех тружеников тыла, в том числе и у гремячинских шахтостроителей. Большинство бригад трудились самоотверженно, высокопроизводительно и с большим энтузиазмом. [...]

Но, пожалуй, еще большую радость и вдохновение мы ощутили 3 июня 1944 года, когда в Гремячинск пришла телеграмма от Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина, в которой он поздравил шахтостроителей со сдачей в эксплуатацию шести гремячинских шахт. [...]

До сдачи шахты № 68 оставалось всего несколько месяцев. Соревнование проходческих бригад нарастало с каждым днем. Экран социалистического соревнования регулярно извещал нас, кто впереди, а кто отстает. Каждому приятно и радостно было видеть свою бригаду в числе передовых. Но особенно испытывали моральное удовлетворение и получали вдохновение на высокопроизводительный труд шахтерские бригады, когда после успешной рабочей смены прямо у копра их встречали с цветами и духовым оркестром. Так, летом 1944 года многие шахтерские бригады добивались этой высокой чести. Игра духового оркестра в таких случаях вдохновляла не только победителей, но и весь шахтерский коллектив.

Здесь я хочу отметить, что гремячинцам очень нравилась игра духового оркестра. А руководил в те годы оркестром очень одаренный музыкант А. Ротермель.

[...] 1944 год часто приносил нам радостные вести с фронтов Великой Отечественной войны. Хорошие перемены происходили и у нас в Гремячинске. Улучшилось питание в столовых, а главное, весомей стал хлебный паек шахтера. Вместо 1 килограмма мы теперь получали на 200 граммов хлеба в день больше. И еще были введены так называемые «холодные завтраки». Талоны на них выдавались за перевыполнение норм выработки и отоваривались по 100 граммов хлеба и 30 граммов сала. Это была калорийная добавка к нашему ежедневному рациону.

[...] Несколько слов о нашей одежде. Всем поверхностным рабочим по мере поступления на склад УНШ стали выдавать телогрейки, бурки и чуни. Шахтеры еще получали и брезентовые костюмы. Правильно говорят, женщина всегда остается женщиной. Те же телогрейки они сразу начали перекраивать и перешивать, умудряясь при этом выкроить материал на воротничок, манжеты и широкий с двумя пуговицами хлястик. В перешитых таким образом приталенных телогрейках, в новых бурках и чунях, с отрастающими волосами наши девушки и женщины ходили радостные и гордые. А нам они казались еще более привлекательными и красивыми.

Глядя на них, и мужчины старались одеться чище и аккуратнее. Так, белые брезентовые костюмы (в основном они этого цвета поступали в УНШ в 1944 году) молодые шахтеры старались сохранить чистыми как можно дольше

и ходили в них в кино и на свидания. Такая одежда никого не стесняла. Даже наоборот, мы гордились ею.

К концу лета 1944 года открылся новый клуб (в последнее время он назывался клуб шахты «Восточная»). Для всех шахтостроителей это было знаменательное и радостное событие. В клубе стали регулярно показывать разнообразные кинофильмы, чаще стала выступать с концертами наша художественная самодеятельность, почти еженедельно под духовой оркестр или баян устраивались танцы.

И все же это были трудные военные годы. Облегчения наступали очень и очень медленно, малыми долями... Потому мы всегда были искренне рады любым, даже незначительным улучшениям в нашей жизни. [...]

Высокий трудовой энтузиазм, который охватил нас, шахтостроителей, во время строительства шахты № 68 всецело сохранился и на строительстве шахты № 69. Мало сказать, к примеру, что все проходческие бригады сменяли друг друга только в забое. Часто проходчики приходили на рабочее место значительно раньше положенного времени, а бригада, находившаяся на смене, никак не соглашалась уходить из забоя преждевременно. Всем хотелось поработать дополнительное время, чтобы сделать как можно больше для победы. [...]

В январе 1945 года начались подготовительные работы на месте будущей шахты № 71–72. Одних послали валить лес на месте заложения шахты, других – рубить просеку от шахты № 69 до новой. Несколько проходческих бригад получили задание копать вдоль просеки ямы и устанавливать опоры для высоковольтной линии электропередачи.

Погода стояла холодная, и мы, проходчики, в шахтерской одежде чувствовали себя не очень уютно на морозном воздухе. Огромные костры горели вдоль просеки. Без упреков и ограничений нам разрешали попеременно греться у них, ибо у многих был еще в памяти случай двухлетней давности.

...Январь 1943 года был характерен снежными метелями и сильными морозами. 16–17 января температура воздуха понизилась до 52 градусов мороза. Всем поверхностным рабочим предложили оставаться в бараках и в дальнейшем при температуре – 50 градусов на работу не выходить.

18 января с утра держался мороз. А вот после полудня «потеплело» до – 49 градусов. Слепо следуя распоряжению, какой-то педант приказал вывести людей на очистку от снега железнодорожного пути вблизи шахты № 62. На снегоборьбу вышло около 300 человек. Зимний день короток, поэтому костры не разводили. Самые стойкие проработали не более двух часов. Но большинство, не выдержав сильного мороза, вернулись еще раньше... Польза от этого мероприятия была сомнительная, так как к утру путь снова замело снегом. Но почти каждый третий вернулся в барак с обморожениями рук или ног. Среди пострадавших оказалось немало и таких, у которых обмороженные места месяцами не заживали. В медпункте бинтов не было, соответствующих мазей тем более. Раны гноились, от этого в бараках стояла ужасная вонь. Сотрудники медсанчасти не решались или не имели права освободить их от работы. Я уже писал, что порядок с питанием с первых дней был строжайшим.

В конце рабочего дня бригадир или сами рабочие получали у табельщика талон на питание на следующий день. По такому талону выдавалась дневная пайка хлеба и еще завтрак, и обед в столовой. Хлеб вечно был сырой и тяжелый, как глина, а в столовой выдавали жидкую похлебку. От такого «обильного» питания люди исхудали и обессилели, но жизнь все же теплилась в теле.

А вот после «эксперимента» с людьми на морозе для многих наступили последние дни... Обморозившись, они не смогли в последующие дни выходить на работу. И, следовательно, не получали талоны на питание. Для истощенного человека достаточно один – два дня остаться без еды, и он уже был обречен на голодную смерть. А сколько очень нужных рабочих рук потеряла в это время наша стройка, и все из-за жестокой команды – работать на сильном морозе в худой одежке и не соответствующей погоде обуви... [...]

Сегодня каждый житель нашего города знает, что название с декабря 1942 года поселок Гремячинский, а с мая 1949 года – город Гремячинск, пришло от названия реки Большая Гремячая. Но уже мало кто знает, что еще 50 лет назад эта река вполне его оправдывала. Тогда она была полноводной, в ней водилась во множестве рыба. А каждую весну наша Большая Гремячая так бурно разливалась, так энергично и стремительно несла свои воды, что этот шум и рокот быстро текущей по камням воды был слышен очень далеко. Мы даже просыпались по ночам от громкого треска и грохота, когда весной на реке начинал ломаться лед. Вот какой гремящей и шумливой в свое время была река Большая Гремячая, представляющая сейчас из себя жалкий с ржавой водой ручей. [...]

Весной 1945 года было принято решение: восстановить после пожара шахту № 66. Начальником этих работ был назначен опытный и вдумчивый горняк Михаил Гаврилович Гринев.

При назначении на столь ответственную должность он оговорил за собой право свободного подбора кадров и из группы переданных ему со строительства шахты № 71–72 проходчиков отобрал только тех, кого лично знал, или о ком ему приходилось слышать хорошие отзывы. Такими оказались Семен Солин, Василий Нога, Костя Сочивко, Федор Ермоленко, Михаил Семенов, Николай Богданов и другие, а также молодые проходчики Адам Ситнер, Андрей Фриц, Яков Тиссен, Андрей Пфейф, Андрей Герцен и др. В числе молодых рабочих от 17 до 19 лет был и я.

Для руководства проходческими бригадами Гринев «не забыл» и таких прославленных асов своего дела, как Ефим Гладких, Михаил Тарараев, Влас Пирогов.

О том, что Гринев лично подбирал людей, мы узнали от него только на завершающем этапе восстановительных работ. [...]

Всю зиму 1944–1945 годов в горевшую шахту № 66 закачивали воду из реки Большая Гремячая, пока не заполнили все выработки. Нам теперь предстояло откачивать воду и восстанавливать главный ствол и околоствольные горные выработки. [...]

Во время восстановления шахты № 66 мы часто оказывались и работали в очень опасных условиях. Вывалы и обрушения над штреками достигали порой

десяти и более метров... Не раз убеждались, что проходить новые выработки намного легче, чем восстанавливать старые. [...]

Утром 9 мая 1945 года по радио было предано радостное и долгожданное сообщение о том, что 8 мая фашистская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. В этот день мы, как всегда, пришли утром на работу. Начальник горных работ, Михаил Гаврилович Гринев, собрал нас и горячо поздравил с долгожданным Днем Победы. А потом, впервые за все годы войны, нас отправили с работы домой. По всей стране был объявлен нерабочий день.

В то же утро праздничные митинги состоялись у конторы УНШ, на всех других шахтах. По такому торжественному случаю всем шахтостроителям к обеду выдали по 100 граммов водки.

Богат и эмоционален русский язык. Но я не могу подобрать нужные слова, чтобы в полной мере описать всеобщий восторг, воодушевление, огромную радость, какую пережили мы, гремячинцы, отмечая со всем советским народом первый день Победы. Это был действительно «праздник со слезами на глазах». Многие плакали, вспоминая своих родных и близких, которые ушли защищать Родину и уже никогда не вернутся в свои семьи...

Вспоминали и тех, кто в годы войны погиб во время строительства гремячинских шахт, кто умер от истощения и простуд, от других болезней и навечно остался лежать здесь, в гремячинской земле.

Гремячинск после войны

...Война разбила или разъединила миллионы семей. Поэтому в конце сороковых годов было естественное и закономерное стремление каждого взрослого человека восстановить прежнюю или создать новую семью, то есть жить в дальнейшем полнокровной семейной жизнью. [...]

Число семей росло очень быстро. Вполне понятно, что каждая из них желала иметь «свой угол». На отдельную квартиру в те годы могли рассчитывать только кадровые специалисты. А для большинства семей пределом мечты была отдельная комната. На первых порах многие бараки стали приспособлять под семейные жилища. Вдоль всего барака посередине оставляли коридор с выходом в оба конца. Затем боковые стороны барака перегораживали на комнаты по 12–15 квадратных метров. В каждой комнате устанавливали кухонный очаг – вот и весь максимум коммунальных удобств. Из одного барака получалось до двадцати комнат.

В тот же период времени по улице Ленина, начиная от шахты № 62 и кончая Временным поселком (ныне поселок Энтузиастов), Гремячинское УНШ высокими темпами строило двухэтажные многоквартирные и одноэтажные двухквартирные деревянные дома для семейных трудящихся. Было много молодежных общежитий. И все же жилья остро не хватало.

В первые послевоенные годы в Гремячинске большой размах получило строительство индивидуальных домов. Они росли, словно грибы после дождя. Индивидуальным застройщикам государство выделяло денежные ссуды. При некоторых профкомах были созданы кассы взаимопомощи. Все это,

несомненно, облегчало строительство своих домов. Улицы новостроек все дальше уходили от центра и от шахт. [...]

Однако не только жилищные проблемы занимали умы гремичинцев. Устав от напряженной жизни в военные годы, люди начали жить более расслабленно, охотно встречались в маленьких и больших компаниях, охотно ходили в клубы смотреть разные кинофильмы, которые демонстрировались почти ежедневно, охотно ходили на концерты приезжих артистов или местной художественной самодеятельности.

Но особенно в послевоенные годы гремичинцам полюбился футбол. Многие шахты и ряд крупных организаций имели свои футбольные команды, а некоторые и свое футбольное поле. Центральным и самым благоустроенным в городе было футбольное поле, построенное сразу после войны силами Гремичинского УНШ. Вдоль западной и восточной сторон поля стояли многоярусные трибуны для зрителей.

Последнее время этот стадион принадлежал шахте «Гремичинская», а в настоящее время на этом футбольном поле построены так называемые «немецкие» дома.

[...] Со всех поселков города задолго до начала футбольного матча шли люди к центральному стадиону. Шли в одиночку, семьями, целыми группами. Многим, может быть, сейчас трудно поверить, что даже женщины и дети, не боясь дальней дороги, охотно спешили на футбол. В те годы кумиром и любимцем болельщиков слыл нападающий Р. Губер. Популярными были футболисты В. Полуденцев, В. Кнор, И. Шмидт, А. Идт, Н. Зигаленко, А. Хаперский, Ю. Заманягра, И. Кисельман и др.

[...] Повсюду открывались вечерние школы рабочей молодежи. Несколько таких школ было открыто и в нашем городе. Сотни гремичинцев сели за парты в вечерних школах. Вечерняя школа № 1 открылась в деревянном бараке... Барак этот стоял за промтоварным магазином № 10.

Осенью 1953 года, будучи уже главой многодетной семьи, я по примеру некоторых моих товарищей, тоже поступил учиться в эту школу. Занимались мы четыре раза в неделю. Занятия начинались с 7 часов вечера. Расписание уроков было очень плотное, по 5–6 уроков в день. Нередко после уроков мы вместе с учителями оставались на консультации или дополнительные занятия.

Я и мои одноклассники Е. Царькова, И. Деревянко, П. Мариненко, Г. Рихерт, А. Кеммер, П. Бохан жили в то время далеко от школы, в районе городского профессионально-технического училища. Не позже шести часов вечера мы уходили из дома, чтобы к началу занятий дойти до школы. Домой из школы приходили не ранее часа ночи. А в 6 часов утра уже надо было спешить на работу в шахту.

Конечно, совмещать работу с учебой было нелегко. Но мы старались в любую погоду – в дождь, метель, мороз – без пропусков посещать занятия.

В школе преподавали очень хорошие учителя. Они были в меру требовательные и в то же время очень добрые, чуткие, никогда не отказывали в дополнительных занятиях, а главное, они активно морально поддерживали нас, когда кому-либо было особенно тяжело продолжить учебу в школе. И я с

большим удовольствием хочу выразить искреннюю благодарность моим бывшим учителям: Зое Ивановне Распоповой, Лидии Петровне Могиловой, Людмиле Петровне Вальман, Лидии Георгиевне Бабиковой, Клавдии Михайловне Хардиной, Рихарду Ивановичу Кениг, Петру Ивановичу Тарасову и др. Но особенно благодарен бывшему директору вечерней школы № 1 Павлу Сергеевичу Якушеву.

[...] Я закончил седьмой класс в 1941 году. И вот через 12 лет отважился прийти в школу 31 августа, когда все преподаватели и учащиеся вечерней школы собрались на общее собрание, посвященное началу учебного года. Я зашел в учительскую с заявлением, в котором просил меня зачислить в восьмой класс. Ближайший ко мне учитель взял мое заявление, прочитал и сказал: «А где же, молодой человек, Вы были раньше, когда проводились подготовительные занятия?». Я ответил, что только сегодня окончательно решил пойти в школу. Другой учитель взял мое заявление и, прочитав его, сказал: «У Вас слишком большой перерыв в учебе... Обратитесь к директору школы...». И вот тогда я впервые увидел Павла Сергеевича Якушева. Молодой, подтянутый, в военной форме, он с улыбкой взял мое заявление, прочитал его, посмотрел еще раз на меня и написал: «Допустить к занятиям с испытательным сроком два месяца».

Первую четверть я тогда закончил без троек. А «испытательный срок» я сам себе продлил на целых три года. Я учился с полным напряжением сил и окончил среднюю школу с серебряной медалью.

Многие гремачинцы после окончания средней школы рабочей молодежи настойчиво продолжали свое образование. Например, Г. Кениг, В. Фрезе, Н. Галанова, И. Мальчишкин, А. Вальман, В. Павловская и другие успешно окончили затем институты. [...] А. Кеммер и я окончили техникумы.

[...] При всех клубах города имелись коллективы самодеятельных артистов. [...] Руководители предприятий и организаций насильно никого не заставляли участвовать в кружках самодеятельности, а участники художественной самодеятельности никаких льгот не имели. Люди сами шли в самодеятельность с большим желанием, находя в ней определенное моральное удовлетворение.

Особенно заметно было развитие художественной самодеятельности, когда Дворцом культуры заведовал Александр Савельевич Штейн. [...] Я много лет играл в духовом и эстрадном оркестрах Дворца культуры. Неизменным руководителем у нас был страстный энтузиаст Артур Иванович Вебер. О творческих успехах нашего духового оркестра можно судить по тому, что мы неоднократно на бассейновых смотрах преодолевали «кизеловский барьер» и становились участниками областных смотров художественной самодеятельности. Выступали мы и по Пермскому телевидению.

В те годы танцы во Дворце культуры или на танцевальной площадке в парке проводились под духовой оркестр. Мы играли вальсы, фокстроты, танго, краковяк, польки. Танцевальные ритмы в то время были значительно разнообразней, чем у нынешней молодежи. Танцевали только парами и обязательно при самом ярком свете. Хорошее освещение позволяло девушкам

гордиться своими нарядами, особенно если кто-то был одет в более модное платье. А парни в освещенном зале старались быть более подтянутыми, стремились как можно красивей и разнообразней вести в танце свою партнершу... На возраст танцующих никто не обращал внимания.

Война отняла у нашего поколения молодость, и поэтому считалось вполне естественным желание взрослых хоть как-то наверстать упущенное и повеселиться вместе с молодыми.

Первый хирург Гремячинска

Незаурядной личностью вошел в историю становления нашего города врач Карл Каспарович Цейтлер. Многие гремячинцы помнят его до сих пор, рассказывают о нем своим детям, внукам.

На строительство наших шахт Карл Каспарович прибыл с богатым опытом работы хирурга в прифронтовых медсанбатах. Но не только оперировать первостроителей приходилось ему. В голодные военные годы исход любого лечения во многом зависел от питания больного. Это прекрасно понимал Цейтлер.

Выдача продовольственных карточек и расход продуктов питания строжайше контролировались. И все же Карл Каспарович старался использовать любые возможности, чтобы помочь людям оставаться трудоспособными, а совсем ослабевшим – хотя бы выжить.

[...] К весне 1943 года от недостатка витаминов в пище многие рабочие заболели цингой. По предложению и настоянию Цейтлера, построили специальную кипятилку с двумя большими чугунными котлами, в которых заваривали пихтовую лапку. Каждому из нас в принудительном порядке ежедневно давали выпить по кружке пихтового отвара. Постепенно мы так привыкли пить его, что выражали недовольство, когда отвар несвоевременно развозили по баракам. Витаминизированный пихтовый чай многих спас от тяжелой болезни.

Но вот миновали голодные годы, и тогда в полную силу раскрылись большие знания и богатый опыт Цейтлера – врача-хирурга. В настоящее время медицина шагнула далеко вперед, и те оперативные вмешательства, которые в тогдашних условиях проводились Цейтлером, сегодня считаются рядовыми. Но для тех лет его операции были уникальными, а подчас даже дерзкими: ведь не было элементарного хирургического инструмента, а об аппаратуре и говорить не приходилось. В 1945–1946 годы по инициативе Карла Каспаровича электрослесарь-самоучка Я. Кох изготовил несколько первых физио-аппаратов.

В военные и первые послевоенные годы Цейтлер практически был единственный врач в Гремячинске. Он лечил детей, удалял зубы, вел терапевтические приемы. Многие гремячинцы испытали на себе необычайную одаренность Карла Каспаровича. Лично мне и моим детям Цейтлер неоднократно приходил на помощь. Умелым лечением или добрым советом он многим помог избавиться от той или иной болезни.

В памяти тех, кому приходилось обращаться за помощью к Цейтлеру, он остался как добрый, внимательный, общительный и очень простой человек.

Карл Каспарович не признавал «табели о рангах». По любому (!) вызову в любое время суток, в любую погоду (!) он одевался, выходил из дома и спешил на помощь больному. Мне известен такой случай. Как-то по просьбе пожилого жителя поселка Мутный, Цейтлер вместе с операционной сестрой, взяв необходимый инструмент, отправился по зимней дороге пешком за 18 километров, чтобы сыну заявителя сделать операцию, как потом оказалось, прободной язвы желудка. Операция проводилась в избе, в примитивных условиях, и прошла успешно.

У Цейтлера был строгий распорядок дня. Рано утром он помогал жене в ведении домашнего хозяйства. До обеда вел прием больных. Во второй половине дня занимался организационными вопросами. Вечером читал медицинскую литературу. У него, кстати, была богатая библиотека, которую он привез из Саратова. [...]

С 1947 года Цейтлер возглавил хирургическое отделение горбольницы... На его счету много сложнейших операций. В 1959 году он удостоен почетного звания «Заслуженный врач РСФСР».

Таков был Карл Каспарович Цейтлер. Последние годы жизни вместе со своей семьей он жил в Москве. Умер 30 декабря 1979 года в возрасте 80 лет.

Трудовой подвиг немцев-первостроителей

26 ноября и 7 декабря 1942 года на станцию Баская прибыли эшелоны с немцами-трудармейцами. Первый из этих эшелонов прибыл из Оренбургской области, а второй – из Новосибирской.

В середине февраля 1943 года в Гремячинск прибыл еще один эшелон с немцами из Казахстана и Киргизии. Всего в Гремячинск прибыло тогда около трех тысяч немцев, в том числе около 100 женщин.

Абсолютное большинство среди немцев-трудармейцев составляли юноши и девушки в возрасте от 15 до 17 лет. Все приехавшие тогда в Гремячинск немцы были мобилизованы районными военкоматами.

Второй год шла Великая Отечественная война. Мясорубка войны требовала все новых и новых жертв. Военкоматы страны с большими трудностями удовлетворяли потребности Советской Армии в пополнении. Однако российских немцев в те годы направляли только на трудовой фронт (в годы войны такой термин широко применялся).

Везли мобилизованных немцев в переполненных «телячьих» вагонах, везли долго, с бесконечными остановками на больших и маленьких станциях, кормили один раз в сутки, и то не всегда.

В 1942 году поселок Гремячинский состоял из нескольких домов и бараков на берегу реки Гремячей. На правом берегу реки у самого моста стоял двухэтажный деревянный дом. На первом этаже этого дома была столовая с очень маленьким залом, завтраки и обеды здесь отпускали только на вынос.

На втором этаже этого здания жили работники углеразведки. Через дорогу, ниже по течению реки, стоял барак, в котором жили инженерно-технические работники, а еще ниже находились несколько ветхих домиков и небольшая пекарня.

На месте гастронома № 1 «Горняк» и прилегающих к нему домов была зона, огороженная высоким забором и колючей проволокой. А в районе нынешнего делового двора шахтоучастка «Гремячинский» и магазина № 23 находилась вторая зона с недостроенными заснеженными бараками, но зато с уже готовыми забором и проходной. Несколько жилых барачных корпусов стояли вдоль улицы Ленина на участке от подстанции до нынешней сберегательной кассы. В один из этих барачных корпусов поселили женщин-немки. Их за колючую проволоку не загоняли. Во всем остальном на их долю выпали те же, что и мужчин, голод, холод, отсутствие спецодежды и постельных принадлежностей на двухэтажных нарах. А многим женщинам и девушкам досталась еще и тяжелейшая мужская работа.

Забегая вперед отмечу, где бы им ни приходилось работать, всюду они вносили свой посильный вклад, заслуживали похвалы за свой честный труд: сестры Адам, сестры Беккер, сестры Рунк, З. Богданович, И. Гебель, М. Гергерт, А. Гаус, А. Гергольд, И. Гардт, А. Кеммер, М. Кеслер, М. Миллер, И. Майнгардт, К. Нейфельд, Ф. Обгольц, Э. Лебер, Г. Шмидт (Бахман), Л. Шмидт, В. Гетте, Е. Унгер, Э. Петкау, Л. Зайцева, Ф. Лебер, Е. Рассомахина, М. Матрохина, Э. Плетенева, Е. Зиннер, М. Зиннер, М. Кох, К. Нунгессер, А. Вагнер, А. Боон (Герцен), И. Мецгер, М. Герцог, А. Самохина, И. Констанц, Э. Фельзинг, Е. Миллер, М. Ульрих, Г. Гергерт, И. Швенк, В. Лидер, Э. Фотермель, М. Шлегель, М. Фоклер, М. Франц, М. Зейвольд, сестры Остертаг, Е. Менде, И. Шмидт (Лох), Е. Вернер и многие другие женщины-немки.

Всех мужчин поселили в зону. Сплошные двухэтажные нары вдоль обеих стен барака позволяли поселять в одно помещение до 200 человек, то есть по 50 человек в один ряд. Кто-то смог достать клочок сена на подстилку, а большинству пришлось ложиться на голые мерзлые доски. Стены барачных корпусов изнутри были покрыты льдом. Две железные печи, установленные в проходе, не могли обогреть жильцов, поэтому нередко, к утру, одежда примерзала к нарам или стене барака (все ложились спать в той одежде, в которой работали в лесу, на стройке или шахте).

Всех немцев, прибывших на гремячинскую землю в конце 1942-го, приняли в штат Гремячинского УНШ (управление новых шахт), единственной в то время строительной организации, которая вела строительство шахт, железной дороги от станции Баская до Гремячинского, линий электропередач и трансформаторных подстанций, жилья – словом, всех промышленных объектов и поселков будущего города. [...] До ноября 1942 года в УНШ работали около 350 человек. Большинство из них были опытные горняки, плотники-строители. Достаточным опытом обладали и инженерно-технические работники.

Мощное пополнение, которое получило УНШ в лице немецко-трудолюбивцев, в большинстве своем не было обучено какой-либо специальности. Многие вновь прибывшие были тут же распределены по бригадам, во главе которых стояли прославленные шахтеры Е. Гладких, М. Тарараев, В. Пирогов, П. Урванцев, Г. Галимов, М. Семенов, С. Солин и др.

Умело руководили поверхностными и подземными работами И. Шелонцев, В. Беляков, И. Трошин, Г. Шевченко, С. Болховитинов, С. Яценко, А. Титаренко и др.

Немцы-первостроители сохранили добрую память о тех, кто бескорыстно передавал им опыт, знания и умения. Трудармейцы старательно учились у старших и опытных товарищей и не менее добросовестно работали. Немцы благодарны за товарищескую помощь, за чувство локтя всем выше названным наставникам.

Война не оставляла времени на раскачку. За короткое время добились хороших результатов и получили признание проходчики: А. Ситнер, А. Доннер, Я. Ласкан, Г. Шмидт, А. Пфейф, А. Гаммершмидт, братья Завадские, А. Унгер, А. Герцен, И. Шерер, А. Фриц, А. Креккер, А. Обгольц, Е. Броцман, А. Госсен, А. Гардер, Я. Тиссен, Я. Генрихс, Р. Кайзер, Л. Робертус, П. Майле, Я. Классен, И. Андреас и другие.

Знающими свое дело механизаторами стали А. Вебер, А. Мораш, И. Бахман, А. Гиль, И. Гетте, А. Миллер, Я. Церт, братья Эннс, П. Герцен, Р. Гофман, И. Шмидт, О. Гардт, И. Классен, братья Дреер, А. Кримих, Н. Крафт и др.

Первоклассными плотниками, столярами, штукатурами стали Р. Матикс, Р. Рехлинг, О. Вагнер, Д. Тиссен, А. Вебер, А. Файгель, Е. Ведель, А. Лаубах, К. Кеслер, В. Беер, И. Швенк, Е. Гаррес, Э. Видигер, А. Гаан и др.

[...] Но далеко не все руководители и рабочие Гремячинского УНШ относились доброжелательно или хотя бы лояльно к немцам-трудармейцам. Были и такие, которые не упускали возможности, чтобы оскорбить, обозвать, унижить немца только за то, что он родился немцем. Слово «фашист» они употребляли особо охотно. А были и такие, которые открыто обещали вести строительные работы на «немецких костях».

Обильно удобрена гремячинская земля костями немцев-трудармейцев. Зимой 1943 года по утрам из каждого барака выносили одного-двух покойников. Особенно большая смертность среди нас наступила к весне 1943 года, когда к постоянному голоду прибавились еще инфекционные заболевания.

Похоронная команда едва успевала вывозить мертвых. Нет, нет, здесь я не ошибся, употребив слово «вывозить», а не «хоронить». Голого покойника, без всякого гроба, клали в сани и везли в ближайший лес. Там и выбирали место поближе к дороге, разгребали снег и старые листья, клали покойника на землю и засыпали тем, что отгребали с этого места...

Повышенная смертность среди немцев-трудармейцев продолжалась и в 1944 году, но теперь уже чаще от кишечных заболеваний...

Вопреки холоду, голоду и унижениям

Но большинство немцев-трудармейцев, слава Богу, остались живы. Пусть на пределе человеческих сил и возможностей, но все же выжили. Большинство из них продолжали трудиться на тех участках, куда попали при распределении.

Немцы Гремячинска трудились с полным напряжением сил. Производительность их труда из месяца в месяц приближалась к производительности наставников, старших товарищей. И все чаще руководители и члены коллективов вынуждены были признать, что немцы-ученики трудятся не хуже своих учителей.

Важно отметить и такой факт. Немцам-трудоармейцам долгое время не разрешалось занимать должность выше бригадира. Мало кто знает, что К. Цейтлер, Э. Думлер, Г. Эмих, Г. Лидер, Вольман, Грасмик (не помню имен) и многие другие специалисты трудились на рабочих местах. Например, Цейтлер (*Врач. – Сост.*) и Думлер на плечах выносили из леса к стволу шахты № 63 крепежный лес.

[...] ...вплоть до 1949 года, когда Гремячинск получил статус города, немцы-трудоармейцы составляли львиную долю в штате УНШ.

А ведь город Гремячинск со всеми его шахтами, промышленными и культурными объектами, все жилые поселки вблизи шахт построены коллективом Гремячинского УНШ в сжатые сроки. Так могли ли быть такие успехи без самоотверженного высоко производительного труда немец-трудоармейцев?

Позднее признание

Однако вплоть до 1989 года в юбилейных выступлениях руководителей города и на городских партийных конференциях немцев «забывали» упоминать в числе первостроителей города Гремячинска. И только к празднованию 40-летия нашего города в воспоминаниях старожилов появились упоминания о немцах, а в городскую Галерею трудовой славы были помещены портреты нескольких немцев-первостроителей.

Справедливости ради, я должен написать еще и о том, что в 1992 году немцы-трудоармейцы удостоились чести быть награжденными медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Это важное признание нашего самоотверженного труда, нашего вклада во всеобщую Победу.

Н.А. Кашафутдинова

Рецепт выживания ^[30]

Отрочество Виктора Христиани окончилось в июле 1942 года. А период взросления проходил, главным образом, за колючей проволокой.

Раннее взросление

Нельзя сказать, что жизнь мальчишки из села Деллер (в переводе с местного диалекта – тарелка) Саратовской области была до этого безоблачной. Дети в крестьянских семьях очень рано приобщались к труду. Со второго класса все ребята села работали в свободное время в колхозе, в основном на прополке полей. Уклониться от работы было просто невозможно.

Кропотливый труд колхозников поволжские земли оплачивали щедро – прекрасные урожаи давали пшеничные нивы, бахчи, плантации свеклы, табака.

Кроме того, в каждом личном хозяйстве были свои сады и огороды. Многодетная семья Христиани имела хороший фруктовый сад, где росли яблони, вишни, груши, виноград, зрели арбузы и тыквы.

К началу войны Виктор окончил шесть классов. Когда в теплый июльский день их село превратилось в большой гудящий улей, подросток, как и все его сверстники, еще не придавал значения надвигающейся трагедии.

Семье Христиани вместе с двумя другими семьями предложили уложить пожитки в одну телегу. Смогли взять с собой только постельное белье и немного продуктов.

Куда повезли немцев, сопровождавшие не объяснили. Виктор видел слезы на глазах многих взрослых. Они решили тогда: сейчас их всех погрузят на баржу и утопят в Волге...

Но самые страшные опасения не оправдались. Немцев посадили в «телячьи» вагоны и отправили в неизвестность.

В Сибири. Кормилец семьи

До Новосибирска эшелоны со спецпереселенцами шли целый месяц. Семья Христиани попала в Топкинский район, деревню Хорошоуборку. Дали им небольшой домик... без крыши.

Среди прибывших по-русски умели хорошо говорить только отец и двоюродный брат Виктора. Отец пошел к председателю колхоза и уговорил дать жилью получше. Христиани поселили к одинокой старухе, у нее была свободная комната.

Вскоре отца и старшего брата направили в трудармию, и Виктору пришлось стать кормильцем семьи. На его попечении остались мать и трое сестер.

Он работал в колхозе – пахал землю на лошади. Но школу не бросил. С утра шел голодный в школу, а после уроков подшивал валенки то председателю колхоза, то бухгалтеру. В качестве оплаты парню давали муку, картошку, этим семья и кормилась.

Испытание зоной

В начале декабря 1942 года Виктор Христиани с большой группой немцев-трудармейцев прибыл на станцию Баская. Жили в бараке. Через месяц трудармейцев перевели в зону за колючей проволокой (сейчас здесь магазин «Горняк»). Здесь Виктор познакомился с Адольфом Ротермелем, Вилли Гебелем, Иваном Классеном и другими товарищами по несчастью.

Многих уже нет в живых. Сказались на здоровье и голод, и отсутствие теплой одежды в лютые уральские зимы, и постоянные переживания, связанные с режимом содержания в зоне. В холодном сыром бараке трудармейцев донимали вши, тараканы и клопы.

16-летний Виктор Христиани стал строителем в бригаде Готлиба Шмидта. Бригада относилась к управлению новых шахт. В 1943-м ее передали Гремячинскому лесоучастку Усьвинского леспромхоза.

Деревья спиливали лучковой пилой. Конечно, из вечно голодных, полураздетых пацанов работники получились неважные – не было сил, мерзли

ноги в сырых лаптях. Как-то Виктор подошел к костру, присел. Вдруг кто-то неожиданно толкнул его прямо в огонь. Оказалось, мастер-десятник решил таким образом наказать парнишку. Но подскочил другой десятник, кореец по фамилии Ким, вытащил Виктора из костра, помог отряхнуться, накормил своим обедом. Ким жалел пацанов, так рано вырванных из родных гнезд и брошенных ни за что за колючую проволоку.

«Все равно все лапти съешь»

Руки у Виктора были «золотые». Он быстро освоил плетение лаптей, тем более, что от этого зависели здоровье и жизнь. Узнав об умении парня, один из начальников отправил его на шахту № 66 – лаптежником (была такая профессия). Начальник дал Виктору одно из престижных мест в бараке – у печки.

В первый рабочий день на новом месте голодный парень... съел все приготовленное лыко. Разрезал его на тонкие ленточки, как лапшу, и ел – казалось очень вкусно. На второй день один лапоть все же изготовил. На третий – сплел аж две пары (план был – 15). Тогда начальник сказал: «Возвращайся обратно в свою бригаду, все равно все лапти съешь».

Голодали жутко. Шахтеры приносили иногда из выработок черную глину, по вкусу напоминающую подсолнечное масло. Обменивали вкусную глину даже на хлеб. Виктор ел и эту глину, и ничего, а некоторые вскоре умирали.

Смерть ходила за ним по пятам, как и за многими другими. Однажды комендант Майоров стал будить утром одного парня, вставай, мол, на работу. Тот не вставал. Тогда Майоров сдернул его со второго этажа нар. Мертвое тело со стуком ударилось о пол.

И таких случаев было много. В 1944-м некоторым ослабленным голодом трудармейцам разрешили уехать в место пребывания семьи. Один из них, сосед Виктора по нарам, не смог проснуться в день отъезда – умер от дистрофии.

«Не дай Бог, кому-либо испытать такой голод», – говорит Виктор Иванович.

Сорок лет «за баранкой»

Однажды на лесоучастке набрали группу из семи человек для обучения профессии водителя автомобиля. Среди счастливчиков оказался и Виктор Христиани. Но, прежде чем сесть за руль, ему пришлось отбыть наказание в пермском лагере.

Немцы-трудармейцы не имели права выезжать из поселка без особого разрешения спецкомендатуры. За это, по словам коменданта Южанинова, полагался расстрел.

Но все же Виктор решился рискнуть съездить в Пермь без разрешения. Надежда на авось не оправдалась. Комендант Южанинов любил порядок, а потому у него с нарушителем разговор состоялся короткий и строгий. О том, что за самовольную отлучку полагается расстрел, Христиани знал. Комендант демонстративно взял из ящика своего стола пистолет и велел нарушителю выйти на улицу. Страшно ли было? Нет, все стало как-то безразлично.

Комендант вывел Виктора во двор и... велел колоть дрова, а в течение всего следующего месяца – ежедневно являться на регистрацию.

Права на вождение автомобиля Виктор получил в Кизеле. Однако машин в леспромхозе не было, и он продолжал работать на лесоповале. Как-то простудился, не пошел в лес. Освобождение от работы получить не удалось. За «прогул» парню пришлось отбыть наказание в зоне, на строительстве КамГЭС.

Вернувшись в поселок, Виктор заявил Южанинову, что больше не пойдет на лесоповал, лучше опять в зону. Хотелось работать на автомобиле. И комендант пошел ему на встречу, устроил в автохозяйство, несмотря на возражение начальника лесоучастка.

В. Христиани получил свой первый новенький самосвал ЗИС-585. Двенадцать лет возил на нем уголь из разреза. С тех пор 40 лет крутил «баранку».

Последние три года трудился в инструментальном цехе АТП, а в 1992-м расстался со ставшим «родным» предприятием. Общий стаж Виктора Ивановича составляет 49 лет.

В.И. Христиани полностью реабилитирован. О прошлом вспоминать не любит – слишком тяжело. И все же нам, ныне живущим, и нашим потомкам надо знать свою историю – такой, какой она была на самом деле. Ведь из прошлого вырастает настоящее и будущее.

Маленький уголок Родины

...Кажется, это было так давно, что и не вспомнить всего. Но Флора Обголец помнит все до мельчайших подробностей.

Самостоятельная жизнь Флоры началась в 1940 году, когда соединила судьбу с Александром. Через восемь месяцев молодую семью постигло первое испытание – разлука. Александра призвали служить в армию, в город Харьков.

А вскоре началась война. В последнем армейском письме муж сообщил, что могут послать на фронт. И исчез на 2,5 года.

Флора же с тысячами своих земляков, поволжских немцев, попала в Сибирь, затем ее направили в трудармию – на нефтепромыслы Куйбышевской области.

Жила в женском бараке с двухэтажными нарами. Девчата и молодые женщины участвовали в монтаже нефтяных вышек; расчищали трассу в лесу.

– Начальник нашей колонны Попов, – вспоминает Флора Петровна, – оказался хорошим человеком. На нефтепромысел нужно было ходить 25 километров, и начальник разрешил нам выходить на работу поочередно, через день. Вот мы с подругой и чередовались, чтобы можно было выкупить хлеб друг на друга и восстанавливать силы. Хлеба полагалось 800 граммов на день, крупы – чуть больше килограмма на месяц.

В августе 1943-го всю нашу бригаду перевели в ведение отдела рабочего снабжения. Осенью убрали хлеб, копали картофель. Кормили нас очень хорошо, все поправились.

Затем опять перевели в грузчики – зерно грузить, муку. День и ночь работали, а хлеба давали всего по 500 граммов. Начальник ОРСа, жалеючи нас, иногда выписывал сало.

Некоторые женщины уехали по вызову к мужьям. Сумела добиться вызова и Флора Обголец. К тому времени она уже разыскала Александра, который попал не на фронт, а в трудармию. Сначала строил железную дорогу Сталинград – Саратов, а позднее его направили на Урал, в шахтерский поселок Гремячинский.

День 7 декабря 1944 года запомнился Флоре навсегда – после долгой, мучительной разлуки она, наконец, встретилась с мужем. Первую неделю супругам пришлось жить в мужском общежитии, а потом их поселили в небольшом домике. В одной его половине была прачечная, а в другой – жили еще несколько таких же горемык.

Но, как говорится, худа без добра не бывает. На первых порах молодая семья не имела даже ведра, поэтому соседство прачечной оказалось кстати – брали оттуда воду, стирали и мылись в ней.

Приехав из хлебного Поволжья, Флора изумлялась контрастам в уровне жизни там и в маленьком уральском поселке. В первые месяцы Обгольцы жили запасами продуктов, привезенными Флорой с Волги. Но вскоре они кончились, и супруги стали бедствовать, как и многие другие семьи. Разница в ценах была огромной: в Поволжье литр молока с фермы стоял 25 копеек, а в Гремячинском – 50 рублей!

На Волге трудармейцам разрешали иметь несколько грядок, и Флора садила картофель, морковь, что было большим подспорьем. На Урале же столкнулась с настоящим голодом... Еще больше поразила ее встреча с гремячинскими трудармейцами. Устроилась уборщицей в один из барачков. Пришла в первый день и ужаснулась тамошней грязи. Топором соскоблила грязь со стола, вымела весь мусор.

Когда же явились обитатели барака – трудармейцы, Флора едва не расплакалась. Это были 16–17-летние мальчишки, грязные, оборванные и страшно худые.

Они очень удивились небывалой чистоте в помещении и принялись варить скудный ужин в котелках. Днем Флора не поняла, для чего обе круглые металлические печки усеяны вбитыми гвоздями. Оказалось, что места на маленькой плите для всех не хватало, поэтому котелок с закипевшим содержимым подвешивали на гвоздь – доваривать, иногда даже на табуретку вставали.

Немцы-трудармейцы бедствовали, но и обращались с ними несравненно хуже, чем в Куйбышевской области. На Волге их называли «мобилизованными» и никогда не унижали. В Гремячинске же Флора впервые услышала, как немцев именовали «фрицами» и даже «фашистами»...

Так начиналась ее жизнь в таежном поселке. Через некоторое время супругам Обголец дали комнату в семейном общежитии. Там жили девять семей, очень дружно. До сих пор Флору навещает ее бывшая соседка – Ирма Гебель.

Главным содержанием жизни Флоры стали дети. В декабре 1945-го у супругов появился первенец, сын, а еще через полтора года родилась дочь, – всего у них четверо детей.

Александр (ныне покойный) был очень хозяйственным. Завели Обгольцы большой огород, всегда имели запас овощей. Кто старался, тот и жил хорошо.

Муж трудился на шахте. Флора занималась детьми, хозяйством и тоже работала там, куда направляли – в прачечной, столовой, котельной. В 1974-м ушла на пенсию по инвалидности.

Нелегкая судьба досталась Флоре Обгольц, но всегда она хранила в своем сердце маленький уголок родины. До сих пор греют ее эти воспоминания – о матери, родительском доме в селе Герцог Саратовской области, о встрече с любимым и единственным – суженым, отцом ее четверых детей...

А.Е. Лейс^[31]

Все началось с поселка Углеразведки^[32]

До войны и в начале ее я жил в Подмосковье, трудился коновозчиком, пахарем в совхозе Остапово. В первые дни войны забрали на фронт сначала отца, потом старшего брата. Где они оказались, что с ними стало, я и сейчас не знаю.

Зимой 1942 г. в составе группы подмосковных немцев я оказался на Урале. С ноября 1942 г. работал коновозчиком, а с весны 1943 г. – проходчиком Косьвинской геологоразведочной партии. Мы разведывали угольное поле на реке Косьве – это в семи километрах от поселка Широковского вниз по реке. Осенью наша бригада из 20 человек получила новое задание: прорубить трассу от подстанции близ Широковского до теперешнего поселка Юбилейного. Там наше начальство планировало заложить основную базу. Трассу примерно шириной сорок метров и длиной восемь километров мы прорубили в тайге за зиму.

Основными орудиями труда у нас в то время были ручная пила и топор. Но и с ними мы добивались высокой производительности труда. Осложняли работу глубокие снега, сильные морозы.

Весной 1944 г. были установлены первые столбы для высоковольтных опор. А первые палатки мы поставили на месте теперешних домов по улице Таежная. Это историческое место Юбилейного. Поставили шесть палаток. Если считать, что в каждой размещалось по 20–25 человек, то весной нас было около 150 человек.

Первый жилой дом построили для начальства в 1944–1945 гг. там, где стояли палатки. Затем построили три барака (в одном из них жили женщины), магазин, клуб, хозяйственные здания. Так на территории Юбилейного появился поселок углеразведчиков.

Задача перед нами стояла одна: искать уголь на территории между реками Косьвой и Усьвой. Два шурфа проббили даже рядом с домом № 9 по улице Таежная. Шурфы закладывали и близ поселка Громова. Был я тогда

десятьником, и работали под моим началом двенадцать человек. Жили мы, пока работали в Громовой, в домах лесозаготовителей. Если шурф оказывался удачным, то проходили уклон по угольному пласту в 5–10 метрах от поверхности.

К осени 1944 г. стали бурить скважины. Всего прорубили их десятка два. Копры при этом ставили деревянные, так как металл экономили. Мы доказали, что уголь здесь есть. Об этом, конечно, доложили в Кизел. И к нам доверия стало больше.

Осенью 1944 г. наша партия стала самостоятельной от Косьвинской и название получила Шумихинская геологоразведочная партия. Думаю, что такое название наша организация получила по названию речки Шумиха, которая протекает недалеко от поселка и впадает в Косьву. Небольшая речка, но шумная, особенно весной, во время таяния снега. Начальником нашей партии был Аркадий Андреевич Самойленко, главным инженером – Василий Иванович Ситников. Проработал я в геологоразведочной партии до 1959 г., до ее ликвидации.

Много чего было за эти тяжелые годы. Помню первый трактор, который мы получили в 1943 г., и первых двух лошадей, пригнанных в 1944 г. После войны в конюшне геологоразведчиков стояло уже пять – шесть лошадей. Но и тогда многое приходилось таскать на себе.

На праздники лучшим рабочим вручали грамоты и денежные премии. Письма нам почтальон приносил из поселка Широковского. По субботам киномеханик из Широковского показывал в нашем клубе фильмы. Там же организовывались танцы под оркестр из балалайки, гитары и мандолины. И я принимал участие в оркестре, так как умел играть на всех этих инструментах.

Мне, как рыбаку, довелось походить по Усьве и ее притокам. Рыбы было много и разной: хариус, елец, сорожка, щука, таймень. На уху наловишь – и домой. Дичи много водилось – тайга же. Жадности у нас не было: рюкзаки дичью не набивали. Добудешь трех – четырех рябчиков – и достаточно.

Из геологоразведчиков один я в поселке Юбилейном остался. Многие умерли. В пятидесятые пришли на разведенное нами шахтное поле шахтостроители. Но продолжали историю поселка, начатую нами, уже другие люди.

Как строили Широковскую ГЭС

В.Э. Гергерт^[33]

Как строили Широковскую ГЭС^[34]

В палатках мечтаем... о бараках

С. 62–68

[...] По тому, как крепчал мороз, мы чувствовали, что приближаемся к Уралу. Однако мне казалось, что это не дыхание Урала, а обычные рождественские морозы, какие бывали у нас на родине, в Красном Куте, где они достигали иногда тридцати градусов.

Маленькие оконца в вагоне покрылись толстым слоем льда, стало так темно, что было трудно отличить день от ночи.

Некоторые товарищи, главным образом молодые, начали чихать и кашлять. [...] Стенки вагона были очень тонкими и промерзали, поэтому те, кто постарше, проявили благоразумие и, ложась спать, надевали шапки. Я последовал их примеру, но сделал это, видимо, поздно и заболел, и врач тоже отправила меня в лазарет.

Там было теплее и уютнее, чем в нашем вагоне, но настроение больными овладевало неважное, большинство хандрило. [...]

Кто-то позвал к столу, пить чай, но я продолжал лежать и думать о жене и сыне. Сыну шел пятый год, а я для него не нарядил еще ни одной елочки. И вдруг, лежа на спине с закрытыми глазами, я ясно увидел его личико, большие глаза, восхищенные ярким сиянием елки, как это было в детских яслях на Стромынке в 1939 году. Наш маленький мальчик лишен детского счастья, мать его борется за существование, а я ничем не могу помочь. Мне стало нестерпимо больно оттого, что не могу увидеть сына наяву, погладить его кудрявую головку. Впервые я почувствовал тоску по сыну так сильно, до слез.

Подошла врач, спросила, почему я не встал, чтобы побыть со всеми. Ничего я не смог ответить, горло душили спазмы. Врач пощупала пульс, приложила прохладную ладонь к моему разгоряченному лбу, тихо сказала:

– Спице, спокойной ночи.

Она поняла мое состояние, так как ее тоже давило горе. В Крыму в первый год войны погиб ее муж, от горя она поседела, хотя женщине не было еще и тридцати пяти лет. Я был благодарен ей за то, что она поняла мое состояние и не терзала мне душу вопросами. Вскоре я неожиданно заснул, а когда проснулся, услышал крики:

– Приехали!

Было утро нового дня.

Эшелон наш поставили на запасный путь на железнодорожной станции Половинка.

Старших по вагонам пригласили в теплушку начальника эшелона. Врач разрешила мне пойти туда, но выходить на работу запретила.

Когда все собрались, в вагоне стало тесно и шумно. Начальства еще не было. Все спешили высказать свои первые впечатления.

Среди гула голосов гремел мощный бас Сарии:

– Вот мы и на Урале!

Ему откликнулся Берг:

– Не очень приветливо он нас встретил. Когда дышишь, в носу пощипывает.

Темпераментный южанин Сарии заступился за Урал:

– Ты знаешь, Андрей, я думал, что такой сильный мороз невозможно выдержать. Но здесь он вполне терпимый, нужно только уши хорошо запрятать в шапку, да за носом следить.

– Это потому, что совсем нет ветра, – вклинился в разговор Евгений Штерн, – а вот если бы здесь был наш ростовский ветер, то был бы совсем другой коленкор.

Я добавил:

– Или сырой крымский воздух с ветерком. Так у нас на тактических учениях и при минусе пятнадцати случались массовые обморожения. Мне нигде не приходилось так мерзнуть, как в Крыму. Уж лучше уральский мороз, чем крымская зима с ее сыростью.

Опять послышался голос Сарии:

– И, правда, ребята, обижаться на здешний мороз грех. Я утром прогулялся и почувствовал себя таким бодрым, словно чистого кислорода наглотался. [...]

В теплушку вошел начальник эшелона Георгий Николаевич Баранов с сопровождающими лицами и обратился к нам:

– Здравствуйте, товарищи! С Новым годом вас! С прибытием на место назначения! Мы находимся на станции Половинка Молотовской области. Кто не бывал раньше на Урале, будет иметь удовольствие познакомиться со здешними прелестями: на улице воздух свежий, бодрящий, температура минус сорок пять. Надо предупредить людей, что страшного в этом ничего нет, но держите под постоянным наблюдением ненадежных, вернее, незакаленных, чтобы не было обморожений. Имейте в виду, любое, даже незначительное обморожение будет расцениваться как ЧП для подразделения. Это, так сказать, вводная часть, а теперь по существу. Через семьдесят два часа теплушки должны быть со станции отправлены: они нужны фронту. В нашем распоряжении менее трех дней для того, чтобы соорудить себе жилье и перейти в него. Место для палаток определено. Личный состав распределен по палаткам, старшие назначены и присутствуют здесь. Каждая группа в двадцать человек устанавливает, утепляет и облагораживает свою палатку. Чем лучше они это сделают, тем приятнее будет в ней жить. Нары будут из досок, а полы в проходах из жердей. Палатки и печки-временки можно получить. Сейчас вы узнаете, как разбиты по палаткам, получите инструменты и пойдете на место будущего городка. Начнете разгребать снег, валить деревья, выкорчевывать пни, заготавливать подтоварник и строить себе жилье. В палатки переберетесь третьего января, а четвертого приступите к строительству барачков, в которые

переберетесь в феврале. Вашим руководителем назначен Иван Васильевич Кочетов.

После короткой информации Кочетова разобрали лопаты, топоры, пилы, ломы и зашагали к месту строительства палаточного городка.

Я остался в лазарете. Вечером меня навестил Сарии и поделился впечатлениями о первом дне пребывания на уральской земле. Было очень холодно, но безветренно. [...] За день удалось очистить площадку и выкорчевать часть пеньков. Еще Сарии сказал, что я стану жить в одной палатке с ним.

Второго января мне удалось уговорить врача отпустить меня, но она предупредила, что я еще не совсем здоров и поэтому должен быть осторожен.

Весь день я помогал натягивать двойную палатку. Низ палатки мы обложили хвойной лапкой и засыпали снегом. По предложению Сарии и Термана сразу установили железные печки, чтобы уже с ночи начать обогреть палатки. Все бревна и жерди мы тщательно ошкурили, а полы сделали из окантованных жердей. Внутри палатка приняла вполне приличный вид. Вместо матрацев положили на нары мешки, набитые соломой еще в Татарии.

Третьего января после обеда мы переселились в палатки. Мороз не ослабевал. В проходах топились печки, возле них было жарко, но чуть подальше температура была близка к нулю, а возле стенок и значительно ниже. Мне выделили лучшее место – в середине палатки, и ноги чувствовали тепло. Я протестовал против такой привилегии, но Сарии отчитал меня и получил поддержку остальных рабочих. Я понял, что они это сделали от чистого сердца, и вынужден был согласиться. Сарии и Карл устроились возле двери, а остальные места разыграли с помощью жеребьевки. Баумгартнеру по жребию досталось место рядом со мной, и все одобрили это. Мне было приятно наблюдать внимание, которое проявили товарищи к самому старшему из нас и мастеру высокого класса. Теодор Кондратьевич был именно тем, кого можно было по-настоящему уважать.

Длинные зимние вечера в палатках тянулись томительно. [...] Намаявшись за день на работе, мы ложились на свои нары. С себя снимали только валенки и размещали их вокруг печки так, чтобы они не могли загореться, но немного просушились.

В темноте нечем было заняться. Лежа на своих местах, мы вели бесконечные разговоры. Сперва обсуждались события прошедшего дня, потом доходило до анекдотов и шуток, но они при нашей печальной жизни получались невеселыми. Большое место в разговорах занимало обсуждение последних известий, фронтовых сводок. Когда все темы оказывались исчерпанными, и разговоры постепенно прекращались, оставалось еще немало времени для личных переживаний, мыслей о доме, о близких, о безрадостном своем существовании.

Порою мне казалось, что часы вообще остановились. Сон не приходил... На нарах ворочались товарищи, то один, то другой, и я понимал, что и они не спят и предаются своим мучительным думам.

[...] Мы жили в палатках очень дружно, общая беда сблизила людей. И эти дружеские отношения, эта спаянность смягчали боль от томительного существования. [...]

Наконец, мы приступили к строительству бараков, однако стройка шла очень медленно, не хватало то одного, то другого. Можно было начать это строительство раньше, да и работать быстрее, но начальство лагеря уделяло первостепенное внимание устройству проволочного ограждения и установке вышек для часовых. [...]

Но вот уже заложили фундаменты для печей. Как мы радовались, что в бараках будут настоящие кирпичные печи! Мечтали о том времени, когда наша кошмарная жизнь в палатках при сорокаградусных морозах кончится, мы сможем полностью раздеться на ночь, будут окна со стеклами, появится электрическое освещение... Мы мечтали об этом так, как будто бы нас ожидал впереди дворец. [...]

Мы уже знали, что после того, как бараки будут готовы, и мы перейдем в них, начнется строительство лежневой автомобильной дороги на створ. Наше второе отделение пойдет от станции Половинка до шестого километра, а первое отделение пойдет навстречу нам от станции Широковская до двенадцатого километра. Уже строятся бараки для лагерных пунктов нашего отделения на девятом километре и для первого отделения – на пятнадцатом. Все было рассчитано так, чтобы путь до строительства дороги не превышал трех километров. Работы на лежневке будут вестись одновременно на всем протяжении и должны окончиться до мая, ибо из-за отсутствия дороги на створе создалось очень тяжелое положение с подвозкой продуктов и строительных материалов.

После длительного перерыва мы снова получили возможность слушать радио. [...]

Третьего февраля вместе со всем народом ликовал и наш палаточный городок. Советские войска пленили Паулюса, только что произведенного Гитлером в фельдмаршалы.

Этого нельзя ни забыть, ни оправдать

С. 69–70

[...] Все думали только о том, чтобы принести Родине как можно больше пользы. Об этом же думали мои братья и я.

Брат Вигант в первый день войны обратился в райвоенкомат с просьбой, чтобы его отправили на фронт. Ему отказали под предлогом, что по положению заведующий кантонным (*районным* – *Ред.*) отделом народного образования мобилизации не подлежит, и признать его добровольцем они не могут... Вскоре его с родителями, сестрой, моими женой и сыном выселили в Казахстан.

Младший брат Оскар, когда началась война, как я уже говорил, находился в действующей армии. Под Вильнюсом он получил тяжелое ранение, после лечения в госпитале разыскал родителей и приехал к ним. Побыв немного в семье, стал настаивать в райвоенкомате на своем возвращении на фронт. Но все было глухо.

Виганта мобилизовали в трудовую армию. Он отнесся к этому спокойно, ибо считал, что если кто-то опасается дать ему в руки винтовку, то он исполнит свой долг перед Родиной там, куда его посылают. Назначили Виганта командиром трудовой колонны. Он быстро навел в колонне порядок и, по отзывам начальства, добился хороших результатов. Однако вскоре колонну перевели на другой участок, где она оказалась за колючей проволокой. Настроение трудармейцев упало, но они продолжали работать изо всех сил, понимая, что своим трудом помогают фронту.

Оскара и других бывших фронтовиков-немцев, выписанных из госпиталей и депортированных, вызвали в райвоенкомат и сообщили, что их тоже мобилизуют в трудовую армию. Представители НКВД хотели взять мобилизованных под стражу. Молодые фронтовики возмутились и предъявили райвоенкомату ультиматум:

– Мы поедем только в сопровождении старшего офицера военкомата. Под охраной не нюхавших пороха энкаведешников не поедем. Пусть потом разбирается военный трибунал.

Разум взял верх над силой, мобилизованных отправили в сопровождении военного офицера. В Ульяновске он и передал их капитану НКВД. Им объяснили, что они будут строить железную дорогу, имеющую стратегическое значение, затем распределили по два–три человека по разным лагпунктам, где поместили за колючую проволоку.

Вот так, советские немцы рвались на фронт, а НКВД делало все возможное, чтобы не дать им выполнить свой священный долг перед Родиной. [...]

С. 71–72

Из Татарии я попал на Урал, в Кизеллаг. Здесь ничто не напоминало трудармию, мы оказались в концентрационном лагере строгого режима. Начальник лагеря Афанасьев (настоящая его фамилия Финкельштейн) придумал оскорбительную кличку «мобнемцы» и вкладывал в нее всю свою ненависть и презрение. [...]

В марте мы переселились в бараки. Одновременно с бараками строились складские помещения, закладывалась материальная база строительства Широковской ГЭС.

В Половинке было много заключенных. Оказалось, что мы и заключенные входили в одну организацию, называемую ГУЛАГом. Узнать это было неприятно, но остроту такого открытия мы пережили, ибо уже были знакомы и с колючей проволокой и с вышками охранников. У нас не оставалось сомнений, что мы приравнены к заключенным. Разницы между нами и ими практически не было. Уголовники имели даже преимущество перед нами: каждый из них совершил преступление и был осужден судом на определенный срок, после отбытия которого, мог ехать, куда хотел, вернуться в родные места. А мы не совершали преступления, не подвергались суду, не знали, какой срок предстоит нам находиться в бесправном положении, но зато точно знали, что

когда нас освободят, мы не сможем вернуться в родные края: большинство из нас были из республики Немцев Поволжья, а она не существовала. Мы все стали бездомными и безродными. [...]

Когда мои братья и сестра рассказывали, как тяжело было устроиться семье в Казахстане, у меня волосы на голове становились дыбом.

Моя жена, русская, носила мою фамилию, и ее считали немкой. В совхозе, где она работала, ее оклеветали, обвинив во вредительстве, и судили, правда, не по 58-й статье, а по статье 109, так что она оказалась в тюрьме. Сын остался с моими старыми больными родителями и восемнадцатилетней сестрой, которая не имела ни специальности, ни жизненного опыта, тем не менее, ей пришлось содержать всю семью.

С.78–82

Кончается март. Мы пережили свою первую зиму на Урале. Завершаем строительство барачков и прирельсовых складов. Почти все мобилизованные переселились из палаток в бараки. Нам предстояло строительство лежневой автодороги на створ будущей гидроэлектростанции.

[...] Я попал на самый дальний участок в густой чаще леса. Таких красивых деревьев я раньше не видел. Могучие сосны гордо возносили свои кроны высоко в небо. У мощных елей зеленые ветви начинались у самой земли и распределялись пирамидально вверх по стволу, заканчиваясь острием. Меня, человека степей, завораживала открывшаяся картина. Так вот она какая, тайга... Долго любоваться не пришлось, надо было приниматься за работу – в глубоком снегу расчистить дорогу шириной в пятьдесят метров. Снег был тяжелый, и дело подвигалось медленно. На нашем участке работало около двухсот человек, но чтобы очистить его от снега, нам понадобилось более трех дней.

После расчистки трассы приступили к формированию бригад. Образовали бригады вальщиков деревьев, бригады очистки деревьев от веток и сучьев, бригады, готовившие основной материал для возведения лежневой дороги, бригады раскорчевщиков, плотников – строителей дороги, трелевщиков. Не было не только трелевочных тракторов, но и лошадей. Люди тащили бревна вручную, с помощью веревок, перекинутых через плечо, наподобие того, как бурлаки на Волге в прошлом столетии тянули лямками баржи. [...]

В первые дни, пока земля под толстым слоем снега была талой, раскорчевка пней шла споро, но как только земля, освобожденная от снега, промерзла, начались наши мучения... На помощь раскорчевщикам частенько направляли плотников. [...] Казалось бы, наиболее простой была работа у вальщиков леса, но это не так, именно здесь происходило больше всего несчастных случаев, часто с тяжелым исходом.

А вообще-то все виды работ на строительстве лежневой дороги в непроходимой тайге, в суровых зимних условиях были невыносимо трудными, люди к концу дня выматывались до предела.

[...] Наступление весны связано с обновлением природы, и обычно встречают ее люди с восторгом, но только не мы, ибо нам весна принесла новые немалые трудности. Нам приходилось теперь работать в каше из мокрого снега и талой воды. Особенно доставалось вальщикам, трелевщикам бревен и подтоварника. Несчастные люди тащили бревна через горы снега и пни, оставшиеся от спиленных деревьев, по пояс в снежном месиве. Одежда и обувь промокала насквозь. С обувью у трудармейцев было особенно плохо: лишь единицы имели кирзовые сапоги или плохонькие ботинки, большинство носило чуни, изготовленные из автопокрышек.

[...] Прошло полвека, а я не могу вспоминать то время без содрогания.

Холод, недоедание и каторжная работа вершили свое черное дело. Людей начал преследовать авитаминоз, затем появилась дистрофия и пеллагра. О существовании таких болезней прежде я не имел никакого представления. Выдерживали лишь те, кто обладал особой жаждой жизни, сильные не только физически, но и духовно. Остальные погибали.

У меня были армейские сапоги, полученные в августе 1941 года, чудесапоги из яловой кожи, на спиртовой подошве. В нашем восемнадцатидневном марше в ноябре 1941 года от керченского пролива до Ростова-на-Дону под проливным дождем мои ноги в этих сапогах всегда были сухими. А вот здесь, на трассе, и мои сапоги не выдерживали. От простуды спасала лишь армейская привычка иметь в запасе две – три пары сухих портянок. Как только я чувствовал сырость в сапогах, так тут же менял портянки. [...]

Вскоре трудармейцев начали преследовать массовые заболевания простудного характера и последствия истощения. Наши ряды редели, мы получали пополнения, но и они не могли восполнить потери. Людей, способных вести работы, становилось все меньше.

[...] Больница, медсанчасти лагпунктов были переполнены. [...] Многие больные становились хрониками и представляли для лагеря балласт. Содержать такую армию неработающих и не подающих надежды на то, что когда-нибудь они будут способны к физическому труду, стало невыгодно. Массовая гибель мобнемцев ухудшала показатели статистики по лагерю. Хотя она и была строго засекречена, но, так или иначе, доставляла начальству неприятности. И ГУЛАГ принял решение. По указанию сверху, в Кизеллаге создали врачебные комиссии, которые получили право – неизлечимых хроников, неспособных к физическому труду, демобилизовать, отпустить домой, к родным, чтобы они в более благоприятных условиях могли поправить свое здоровье, а если дело закончится, выражаясь медицинским термином, летальным исходом, то это случится уже не в лагере и в статистику, ухудшающую показатели, не попадет.

Комиссованные хроники считали себя счастливыми, они радовались возможности вырваться из этого ада и поехать к родным, они надеялись, что их хотя бы похоронят по-человечески.

Трагическая обстановка, сложившаяся на трассе в весеннюю распутицу, действовала угнетающе и на тех, кто еще держался, но среди немцев нытиков и паникеров почти не было. Стиснув зубы, они продолжали стоически трудиться

на сооружении лежневки, стремились поскорее закончить этот проклятый объект и попасть в более сносные условия.

На створе Широковской ГЭС тоже было много немцев, их положение было не лучше, если не хуже. Они строили ту же лежневку, идя нам навстречу.

«На трассе дождя не бывает»

С. 89–90

Работа на лежневке закончилась, но страдания наши продолжались.

По лежневой дороге сразу же стали перевозить грузы на створ, где должно было развернуться сооружение гидроузла.

Нас немедленно переключили на строительство железнодорожной ветки Половинка – Широкойстрой. По всей трассе развернулись земляные работы. Летом стало немного легче. Начальник отделения Виктор Ефимович Дорошенко поступил верно, направив основное внимание на те участки, которые будет труднее возводить осенью или будущей весной.

Правда, здесь, на Урале, настоящего тепла еще не было, часто шли холодные дожди и дули сырые пронизывающие ветры. Погожих солнечных дней было гораздо меньше, чем дождливых. Работа на трассе не прекращалась и в дождь. Люди мокли, а над ними красовался огромный издевательский лозунг: «На трассе дождя не бывает!»

[...] Неожиданно пришло распоряжение освободить из трудармии всех болгар и направить их на фронт. Болгары обрадовались и заспешили поскорее уехать. Мы с Сарии взгрустнули по случаю расставания. У меня затеплилась надежда на изменение и нашей участи: может быть, и нам доверят защищать Родину с оружием в руках?..

Короткое уральское лето промчалось незаметно. Мы не успели погреться на солнышке и восстановить силы. Да и чем было их восстановить? Питание скверное: на завтрак немного кашеобразной массы и кружка чая, в обед – суп, его мы называли баландой, потому что это была мутная водичка без каких-либо твердых частиц, на второе – каша с соленой рыбой, изредка рыбу заменяли мизерным кусочком вареной солонины; на ужин снова жиденькая каша и чай.

Самым главным в нашем рационе был хлеб. Действительно, хлеб всему голова. Нам давали на день восемьсот граммов хлеба при условии выполнения нормы. В дождливую погоду случалось не выполнять норму, тогда выдавали штрафной паек – четыреста граммов. Это было страшно.

Многие, правда, использовали подножный корм – грибы, ягоды, – но это нередко приводило к печальным результатам. И даже это не отпугивало голодных людей: при постоянном недоедании человек доходит до того, что не может трезво оценить грозящую ему опасность.

Однажды начальник политотдела Широкойстрой Панфилов поинтересовался, почему мои люди хорошо работают и во время дождя. Я знал, что начальник политотдела доброжелательно относится к немцам, уважал его и, лишь немного поколебавшись, решил раскрыть свой секрет. А заключался он в следующем: в хорошую погоду люди работали интенсивно, перевыполняли дневное задание, но в отчете я показывал не все,

часть оставлял в резерве. Об этом знал только я один, да умные бригадиры догадывались, но не выдавали меня. Резерв я использовал в дождливую погоду, добавляя его к дневной выработке, и поэтому мои бригады не лишались полноценной пайки хлеба. Несколько раз проводили контрольные замеры, но приписок не находили и заначку мою разглядеть не могли.

Рассказал я это Панфилову и замер в ожидании: что-то теперь будет? В его лице гнева не появилось.

– Ну что ж, вы поступаете как рачительный хозяин, однако это не безопасно для вас, – сказал он.

У меня отлегло от души.

Я знал, что Панфилов, так же как Журин, был за то, чтобы по возможности сохранять людей и не гонять их в распутицу на строительство лежневки.

На створе. Становлюсь гидротехником

С. 107–111

[...] На второй день моего пребывания на Широкомстрое я с утра пораньше пошел осмотреть поселок. Он оказался совсем небольшим, значительно меньше, чем зоны, где располагались тысячи заключенных и мобилизованных трудармейцев. Затем собрался идти в техотдел, но решил предварительно заглянуть на место будущей плотины, чтобы одному хорошенько все рассмотреть.

Прежде всего, я разглядел продольную перемышку посередине Косьвы и множество людей, трудившихся за нею. Затем увидел на противоположном, левом берегу отвесную стену мощной скалы, которой уже коснулись человеческие руки. Чуть ниже по реке красовалось интересное сооружение: подвесной пешеходный мостик на канатах. Это изящное творение инженерной мысли и рабочих рук меня изумило, и я долго им любовался. За ним я увидел еще один мост – автомобильный – и снующие с одного берега на другой грузовые машины. [...]

Мне дали отдельный стол, и я начал усердно штудировать генплан гидроузла. Сидел, пытался и, наконец, начал немного разбираться. [...] Впечатление у меня осталось колоссальное, поразил объем работ в котловане, на фундаменте ГЭС. [...]

Жизнь в новых условиях, с ключом в кармане от собственной конуры, где можно вести себя так, как хочется, никого не стесняя, никому не мешая странностями или привычками, – что может быть желаннее! Ты свободен в своих действиях, никого не обременяешь и никому не навязываешь свое настроение. Боже мой, как хорошо! [...]

Но, как это ни странно, уже через две недели мое одиночество перестало облегчать мне жизнь. Я чувствовал в душе пустоту... у меня появилась боязнь пустой комнаты, все чаще стали преследовать мысли о том, что я здесь довольствуюсь покоем, тогда как жена, сын и родители бедствуют и, быть может, погибают. Я думал об этом вечерами и длинными, бессонными ночами.

В декабре я стал привыкать к жизни на створе, круг знакомств значительно расширился. На последнем собрании познакомился с секретарем парторганизации Геймом. Константин Андреевич приветствовал меня и весьма доброжелательно вел со мной разговор. Его почему-то поразило то, что я выпускник МГУ, и он тут же сообщил, что окончил Саратовский государственный университет и был уже доцентом, а теперь вот – «мобнемец». Он был так оптимистичен, так говорил со мной, словно мы не в трудармии, а где-нибудь в вузовской аудитории.

[...] Я решил не замыкаться в своей комнате, больше общаться с людьми, больше времени проводить на плотине. Ежедневно стал задерживаться на вторую смену, а все свободное время изучал рабочие чертежи. Чем больше я в них копался, тем яснее представлял себе сооружение каменно-набросной плотины, во всех мельчайших подробностях.

Этот режим привился, и жизнь становилась более уравновешенной, монотонной. Такая монотонность меня устраивала.

Всегда я был среди людей, но близких друзей не заводил, по-прежнему находился в каком-то отчуждении ото всех. [...]

С.131–134

Я практически все время находился на работе, спал не более пяти-шести часов в сутки. Погарский продолжал по вечерам приходить к нам. Однажды Сергей Иванович, остановившись возле меня, проговорил:

– Смотри, какая ты важная персона: тебя охраняют чекисты. Вон, смотри, гуляют двое телохранителей и наблюдают, так и ждут, когда ты допустишь какую-нибудь промашку, чтобы привлечь к ответственности. Они, наверное, техусловия производства работ усвоили не хуже тебя. – Помолчав, продолжал. – Ты знаешь, что возводить перемычки в условиях суровой зимы дело весьма рискованное, никто до нас не осмеливался это делать. Меня многие, в том числе и чекисты, предупреждали о том большом риске, на который я иду. Но я уверен, что наши перемычки выдержат напор весеннего паводка, и все будет хорошо. А если нет? Тогда все вспомнят, что предупреждали, давали советы не класть голову на плаху, не брать на себя больше положенного, – ничего не забудут. В первую очередь это коснется меня, как автора дерзкой затеи, но и тебе достанется. Ты знаешь, сколько у нас людей, неспособных принимать смелые решения? Очень много. Если риск кончается победой, они первыми кричат ура, но если неудачей, то поднимают крик: «Мы говорили, мы предупреждали!..»

[...] Работали в котловане ГЭС одни мобилизованные немцы. Приходилось удивляться их энергии и энтузиазму: ведь за свой труд они не получали, кроме скудного питания, никакой платы. Я любовался умелыми и красивыми действиями рабочих. Это были отличные мастера, они понимали, что необходимо подготовить сооружение к весеннему паводку, и старались изо всех сил. Здесь я встретил своего коллегу Агте, разговорились. Выглядел он плохо, осунулся, сильно похудел, под глазами темные круги, на лице ни тени

улыбки. Агте жаловался, что дела идут катастрофически плохо, однако вины людей в этом нет, они делают все возможное, а порою невозможное, но подводит отвратительное снабжение. Не хватает цемента, нет нужных профилей арматуры, приходится производить замену, но часто и заменять нечем.

Люди работают самоотверженно. Такого прилежания и дисциплины я еще не видел, – говорил Агте, – хотя работаю на стройках более двадцати лет. Все это ради победы, после которой они надеются на изменение своего положения.

Да, Агте был прав. Люди в работе забывали о тоске по дому, о своем униженном положении. С молоком матери впитали они правило – трудиться честно, вкладывая всю душу. Ведь смысл жизни заключается в работе: будешь хорошо работать – будешь хорошо жить, будет в доме достаток, будут тебя уважать люди. Если ты работаешь плохо, недобросовестно, то ты пустой, никчемный человек. Таковы устои каждой немецкой семьи, такова ее немудреная житейская философия. [...]

Однажды я попал на пересменку, когда одни рабочие уходили домой, а другие шли им на смену. Мимо меня молча проходили, тяжело ступая, вконец уставшие люди. Все они были настолько исхудавшие, что одежда висела на них, как на скелетах, бескровные лица с выступающими скулами были обтянуты прозрачной, как пергамент, кожей.

Я смешался с толпой и направился к себе в зону. Рабочие шагали медленно, с трудом поднимая ноги. Меня терзало двойное чувство: сопереживание, сочувствие к этим измученным людям и гордость за свой народ, умеющий трудиться до последнего вздоха, способный при любых трудностях доводить дело до конца. На такую самоотверженность способны только высоконравственные, любящие свою Родину люди.

Мое прорабство тоже стремительно развивалось, в нем работало уже более тысячи человек. Мне добавили двух прорабов и трех десятников. Стало легче, но я все равно продолжал задерживаться на вторую смену и все чаще бывать в котловане. Когда мне становилось трудно, и появлялись вопросы по чертежам, я по-прежнему обращался к Кириллу Ивановичу Смирнову. Он нравился мне своей доброжелательностью, мягкостью характера, простотой и доступностью. Однажды я узнал о его трагедии и поразился сходством его судьбы с моей. Его жена так же, как и моя, находилась в заключении. Она была видным специалистом в наркомате сельского хозяйства. Однажды прямо на работе ее взяли под стражу. Только через некоторое время Кирилл Иванович узнал, что его жена осуждена по 58-й статье на десять лет. Все десять лет он ждал ее. Голова его стала седой, а что творилось в его сердце, знал только он один. Передо мной у него было преимущество лишь в том, что он русский и две его дочери и теща жили с ним. [...]

В бригадах я оставался до конца второй смены, а вечером в бараке меня ожидало письмо от сестры. Оно было очень краткое и печальное: Адя сообщала о смерти отца. Умер он от голода и прободной язвы. Я впал в тяжелейший стресс, внутреннее напряжение было так велико, что, казалось, жизнь должна оборваться. Я очень любил отца, чувствовал, что и отец любит меня больше

остальных братьев, хотя внешне он никогда это не показывал. Лишь в 1938 году, когда у нас родился сын, а это было в Красном Куте, отец подарил мне самую дорогую для него вещь – карманные часы марки «Мозер», которые сам он получил по наследству.

С. 166–167

[...] И вот пришла долгожданная весть – Победа!

В мозгу крепко отпечаталось это слово, произнесенное мощным голосом любимого всеми Левитана.

К измученным народам пришла долгожданная Победа. Люди ликовали. На Широкомстрое тоже все были охвачены радостью, поздравляли друг друга, обнимались, пели, а кое-кто уже ходил «под мухой». Всю ночь не спалось, душа ликовала! [...]

Мобилизованные немцы и калмыки радовались со всеми и одновременно ожидали, что теперь распустят трудовую армию, и они уедут по домам. Но никакой надежды на изменение нашего положения никто не подавал. И нас охватило отчаяние: посуровели лица, потускнели глаза. Чтобы окончательно не сгинуть, мы с еще большим упорством навалились на работу.

Часть немцев отправили в Нарву, готовили новый этап в Днепропетровск. Взамен уехавшим привезли тысячу заключенных латышей, говорили, что бургомистров, советников и полицаев. Природа не терпит пустоты.

С. 169

[...] Вскоре прошел слух, на этот раз радостный, о том, что калмыков скоро отпустят и разрешат им вернуться в родные края, что калмыцкие степи пустуют, никто туда переселяться не хочет, а огромная территория не должна пустовать...

С. 171–172

На створе становилось совсем неуютно. Многие бараки пустели, все больше мобилизованных немцев отправляли в разные концы страны. Это не сулило близкого соединения с родными, означало лишь перемену места, и все-таки значительная часть немцев хотела бы уехать с Широкомстрога в надежде на лучшую участь.

Я на отъезд не имел никаких шансов, так как вел ответственную работу на сооружении плотины, и она была мне интересна.

[...] Из тавдинского лагеря приходили тревожные известия: жена болела туберкулезом. Переписка наша происходила нерегулярно, действовала жестокая цензура, часть писем, по-видимому, пропадала.

После долгого перерыва я неожиданно получил письмо от жены из Махачкалы. Оказывается, ее освободили по болезни, еще до большой амнистии по случаю окончания войны. Путь в Москву для нее был закрыт, она поехала к подруге детства Ирине в Дагестан. Встретили ее радушно. Отец Ирины был

старый опытный врач, он установил Зое режим и обеспечил лечение, в результате ее состояние улучшилось, и она смогла начать работу. Ей предложили место ассистента на кафедре патфизиологии в Дагестанском медицинском институте. [...]

С. 185–187

Я так был поглощен работой, что совсем забыл о простой человеческой жизни, не писал писем родным и даже не ответил на два письма жены.

Еще в сентябре Зоя писала, какие хорошие перспективы ждут меня в Махачкале, если я смогу туда приехать. Но если мне не разрешат уехать с Широкстроя, то она сама готова приехать ко мне на Урал. Я ответил, что в Махачкалу приехать не смогу, и вообще мне никуда выезжать с Широкстроя не разрешается. Ехать ко мне я ей не советовал, потому что здесь глухие места, в тайге даже медведи гуляют, условия жизни суровые, да и с работой будет трудно, из учебных заведений есть только семилетняя школа. Жена ответила, что ни медведи, ни тайга, ни другие трудности ее не пугают, она и без того пуганая и перепуганная, и что нам пора соединить семью, а если для этого ей необходимо приехать на Широкстрой, то она это сделает без колебаний.

Я обратился к Погарскому с просьбой разрешить моей жене приехать. В то время ни к одному мобилизованному немцу жены не приезжали, это было запрещено. Сергей Иванович пообещал сделать все возможное, чтобы решить положительно мою просьбу. Я понимал, что это не просто, все зависит от оперчекистской части лагеря. Пятого декабря Сергей Иванович сообщил, что я могу оформить вызов и пропуск жене на конец первого квартала 1946 года.

После окончания работ на зубе плотины я оформил документы, необходимые для приезда жены, а сам лег в больницу на операцию по поводу грыжи, которую приобрел на переправе нашей артиллерии из Керчи на косу Чушка, и которая в последнее время стала меня особенно беспокоить. После операции мне разрешили навестить братьев, живущих на поселении в Сталиногорске (теперь Новомосковск), где они работали на угольных шахтах в качестве мобилизованных в трудармию. Я получил справку о том, что являюсь спецпоселенцем города Губаха Пермской области. Никаких других документов мне не дали, а о паспорте мы тогда и мечтать не могли.

Проезд по железной дороге в те времена был весьма сложным, достать билет даже в общий вагон было трудно. Но я заметил, что если обращался за помощью к железнодорожной милиции, то мне сразу устраивали билет на ближайший поезд. От меня старались поскорее избавиться, как от прокаженного. Я стал пользоваться этим и довольно быстро добрался до Москвы, где меня не задержали ни на час и, как мне показалось, следили за мной.

Встреча с братьями была трогательной. Виганта я не видел с 1939 года. Младший брат Оскар, оптимист и душевный по натуре человек, долго обнимал меня и потом вспоминал, как он одиннадцатилетним мальчиком жил у меня в

Марксштадте, учился в школе и брал уроки у известного скрипача Булдыченко, вспоминал о своих проказах.

Снабжение продуктами здесь было значительно лучше, чем у нас на Широкомстрой. [...] Они сделали попытку перевести меня в Сталиногорск, побывали у директора крупного химического комбината и поговорили об оформлении вызова.

Давно я не чувствовал себя так хорошо, как здесь, со своими братьями, тяжелые раздумья на время отпустили, я наслаждался общением с Вигантом и Оскаром. [...]

Вигант вспоминал о своей работе в Казахстане. По приезде туда он, как и все переселенцы, работал на уборке урожая, потом учителем, директором школы, но вскоре его мобилизовали в трудовую армию. Говорил он о том, как сильно подействовало на родителей выселение немцев Поволжья и ликвидация автономной республики. Отца словно подменили, для него происшедшая несправедливость, надругательство над целым народом явилось крушением всех его идеалов, всю жизнь он верил в социализм как образец гуманизма, и вдруг – такой удар.

[...] ...из идеи моего соединения с братьями и переезда в Сталиногорск ничего не вышло. На вызов был дан ответ, что до окончания всех работ по сооружению гидростанции меня отпустить не могут. Позже один из работников отдела кадров рассказал мне, что когда к ним поступил вызов на меня, начальник отдела кадров Филин заявил:

– Какой-то мобнемец поедет в Подмосковье, а я буду торчать в этой дыре? Не бывать тому!

Вот так Филин и подобные ему люди легко и просто распоряжались человеческими судьбами.

С. 188

[...] Вернувшись на Широкомстрой, я твердо решил готовиться к переезду. Подал Погарскому заявление с просьбой о переводе меня в строительную лабораторию инженером-химиком, считая, что это явится первым шагом подготовки к будущей работе на химкомбинате. Сергей Иванович отнесся ко мне с пониманием, заявление подписал. Вышел приказ, но тут вмешался главный инженер Разин и отменил мой перевод в лабораторию. При этом с сарказмом заметил:

– Какой идиотизм – «химик»! – и помягче добавил: – Да ты прирожденный строитель. Пройдет время, и ты будешь благодарить меня за то, что я удержал тебя от опрометчивого шага.

И тут же пошел со мной на сооружение, где сказал:

– Посмотри, какой бардак! Алексей Иванович болен, ему надо менять климат, ты в бегах – и строительство плотины без хозяина. Берись за дело сегодня же и не помышляй ни о какой химии.

Окончательно рухнула надежда вернуться к любимому делу. Несколько утешало лишь то, что у меня был уже немалый опыт организатора производства и авторитет среди строителей.

Итак, прощай, химия, я гидростроитель. Обстоятельства жизни сильнее мечты, грешная земля держит в своих крепких объятиях, и никуда не уйти от судьбы. [...]

С. 190

Обедать домой я обычно не ходил, а однажды – будто чувствовал что – пришел. Стал разогревать еду, приготовленную накануне, как раздался стук в дверь. Я открыл – и увидел женщину, страшно знакомую. Но поверил своим глазам я только тогда, когда она произнесла:

Вилли, это ты? – и обняла меня.

Зоя, это была она, от радости заплакала, а я стоял, как чурбан, не веря своему счастью. [...]

С. 199

Получил я разрешение съездить в Кизел в военкомат, чтобы получить медаль «За победу над Германией», но там, когда увидели подозрительную фамилию, потребовали военный билет. Такого документа у меня не было, и они прекрасно знали почему. Медаль не выдали. Эту несправедливость исправили только в шестидесятые годы. [...]

С. 202

Подходили к концу старания огромного коллектива строителей и монтажников: на ГЭС начались пусковые работы. [...]

Меня назначили ответственным за пусковые работы. Я еще не имел полного представления, что это значит, но интуитивно чувствовал, что теперь связан с ГЭС до пуска последнего агрегата.

Каждый агрегат оставил в памяти заметную отметину. На Широковской агрегатов было два. Первый из них был и первым в моей жизни. А после двух агрегатов на Широковской были двадцать четыре на Камской и десять на Воткинской ГЭС. Можно представить, сколько глубоких отметин оставили они в памяти. [...]

Кама – любовь с первого взгляда

С. 211

Город встретил меня радушно. Был удивительно теплый солнечный день сентября 1948 года. [...]

Из садика Решетникова, с высокого крутого берега, открывался вид на широкую водную гладь. Я был поражен видом могучей красавицы Камы. Это не Косьва! Такую махину не соберешь в лоток! И несет Кама свои воды плавно, величаво, словно уверенно, с достоинством демонстрирует свою силу.

Меня, человека, прожившего несколько лет в лагерях, где я был связан по рукам и ногам и не имел права отлучиться из зоны, а должен был делать только то, что мне поручалось начальством, наступившая свобода и красоты окружающей природы радовали до глубины души. Кама овладела всем моим существом. [...]

С. 212

Гайва застраивалась разрозненными участками, называвшимися зонами. Строилось пока только временное жилье, которое в будущем подлежало сносу. Стройплощадка, куда мы ехали, зона номер три, была расположена в стороне от уже застроенной части поселка. Здесь предстояло создать целый барачный городок. Вести строительство поручалось мне. [...]

С. 214

Итак, я работаю на строительстве Камской ГЭС, хотя, собственно, о строительстве самой гидростанции говорить еще не приходится. Кое-что пока делается лишь на подступах к ней. Не хватает людей, механизмов, транспорта, электроэнергии. [...] Сейчас пока не до котлована ГЭС. Самое главное – создать коллектив. Многотысячный коллектив. А для этого нужно жилье, много жилья. Вот почему руководство Камгэсстроя все внимание и почти все ресурсы направило сейчас на его строительство. [...]

И снова мечты. О праве быть немцем

С. 247

К нам на Камскую ГЭС прибыло несколько берлинских эшелонов. Они доставили сюда молодых солдат, которые, опьянев от победы, находясь в Берлине и его окрестностях, допускали различные вольности. Этому способствовали и милovidные немочки, уделявшие внимание нашим солдатам и особенно офицерам. Дисциплина падала, необходимо было навести в оккупационных войсках порядок. Советский солдат в Европе должен демонстрировать высокую культуру, социалистическую сознательность и дисциплину – так отмечалось в воинских приказах. За малейшие нарушения теперь следовали строжайшие наказания. Чаще всего дело разбиралось в военном трибунале и заканчивалось приговором к длительному сроку лишения свободы. Победитель возвращался на Родину в качестве заключенного.

Лагерь на строительстве Камской ГЭС пополнялся молодыми парнями, прошедшими за годы войны огонь, воду и медные трубы, и теперь работавшими значительно лучше остальных заключенных.

Солдаты держались между собой дружно, а по отношению к остальным заключенным – независимо. [...]

С. 248

В лагерь прибыла комиссия военной прокуратуры для проверки дел осужденных солдат, вскоре их стали пачками освобождать из заключения, подчистую, с реабилитацией. [...]

Это было что-то новое и давало надежду, что и с нами, наконец, разберутся, отменят несправедливое спецпоселение и вернут нам наши права.

Но вот закончилась и эта кампания, а нас не коснулись никакие изменения.

С. 250

[...] ...в августе 1955 года меня вызвали в местное отделение милиции и сказали, что следует подготовить фотографии для паспорта, и назвали день, когда надлежит прийти за ним...

Бесконечно долгими казались дни ожидания, и вот, наконец, я держу в руках паспорт... Это так взволновало меня, что едва смог произнести слова благодарности и поспешил покинуть отделение милиции. Нашел скамейку и долго сидел на ней, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами. Позже знакомый начальник отделения милиции рассказывал, что при получении паспортов у многих немцев на глазах выступали слезы. [...]

С. 254

Подобные унижения испытали тринадцать репрессированных народностей Советского Союза, из них самой многочисленной явились советские немцы. Они претерпели наиболее длительное наказание и до сих пор живут рассеянными по Сибири, Уралу, Казахстану и другим регионам страны, не имея своей государственности. Мне неведома судьба печальнее нашей.

Л.И. Люфт

Хоронили прямо в снег^[35]

Родился 17 июля 1915 года в селе Байдек (ныне Луганское) Бальцерского (Красноармейского) района Саратовской области. Работал трактористом в подсобном хозяйстве фабрики им. Карла Либкнехта. В 1937–38 году учился на комбайнера. С 1939 года работал шофером в автоколонне «Союззаготтранс» в Бальцере. Действительную военную службу не проходил по причине инвалидности – попал в аварию, когда работал трактористом.

12 сентября 1941 года вся семья – мать, жена, две сестры и я – были высланы в Искитимский район Новосибирской области, в подсобное хозяйство «Озерское».

В марте 1942 года всех мужчин мобилизовали в трудовую армию. Две недели ожидали эшелон на железнодорожном вокзале в Новосибирске, отправили нас в Ульяновск. Все трудармейцы, кроме механизаторов, были направлены на строительство железной дороги Казань – Ульяновск. Я в числе других механизаторов работал в совхозе имени Сакко и Ванцетти (в системе НКВД). Жили мы в землянках за колючей проволокой и под охраной.

После уборочной нас вместе с техникой направили в Ульяновск и когда технику отремонтировали, поздней осенью 1942 г. мы отправились на Урал в «Широкстрой» НКВД. Там я работал водителем на строительстве Широковской ГЭС. Кормили нас ужасно – основными продуктами в рационе в первые зимы были мороженые овощи.

Соединилась семья только в 1949 году, причем 70-летняя мать и жена были отправлены на Урал под конвоем. И стали жить как спецпоселенцы. Моя 75-летняя мать, Амалия Максимовна, тоже была обязана ходить в Широковскую комендатуру отмечаться.

Примерно в те же годы началось строительство ГЭС на Волге. Рабочих, имеющих опыт строительства, начали отправлять в Балаково, но из тысяч немцев на новую стройку был отправлен только один человек – бывший летчик гражданской войны. Таким образом, указ «о вечном поселении» выполнялся строго.

Навсегда остался в памяти страшный факт:

По мере завершения строительства Широковской ГЭС на стройке был организован так называемый Лесной участок, работали на котором сотни трудармейцев, в основном немцев. Задачей участка была вырубка леса в зоне затопления водохранилища. Сильные морозы, тяжелая работа без всякой механизации и отвратительно плохое питание привели к массовой гибели людей, хоронили которых прямо в снег, ведь копать могилы было некогда. А весной по половодью водохранилище начали заполнять и всё «зимнее» кладбище ушло под воду.

Краснокамские трудармейцы

П.П. Петерс

«Покажем, на что мы способны...»^[36]

В становлении и развитии нашего города Краснокамска участвовали представители многих народностей, в том числе российские немцы.

Первые из них появились в нашем городе еще с Бумстроя. В Краснокамском музее имеется копия одного документа – это протокол № 145 заседания Президиума Пермского окружного исполнительного комитета от 13 декабря 1928 года, на котором был заслушан доклад инженера Дмитрия Николаевича Гардинга о проекте Камского целлюлозно-бумажного комбината.

Изыскательные работы для строительства КЦБК начались уже в 1925 году, и вел эту работу бывший управляющий картонной фабрикой Оханского уезда Гардинг Д.Н., позднее директор Окуловской бумажной фабрики.

Ежегодно во время отпуска Дмитрий Николаевич занимался обследованием берегов Камы в окрестностях Перми в поисках площадки для постройки бумажного комбината.

Весной 1929 года выбор был сделан и впоследствии одобрен правительственной комиссией. В письме к жене Д.Н. Гардинг писал: «Места здесь для всяких построек очень хороши, и я уже совершенно размечтался о том, где и как все будет расположено, и какое это будет интересное дело».

Зимой 1930 года в самый разгар подготовки к началу освоения намеченной площадки на Каме Гардинг был уволен со строительства комбината. Этот страшный удар он перенес стойко. Бывшие сослуживцы писали ему в поддержку: «Наше мнение таково, что только благодаря Вашим заботам и энергии, труду и инициативе, комбинат строится здесь». Гардинг отвечал: «Я прошу передать сотрудникам по Бумстрою глубокую благодарность за их сочувствие. По ночам представляю себе фабричные корпуса, ТЭЦ, лесную биржу, очень хочется руками пощупать первый рулон бумаги». Его мечта не осуществилась. Гардинг, как и многие другие, попал под пресс сталинских репрессий и исчез в одном из лагерей ГУЛАГа.

Со строительством Камского бумажного комбината связано имя Павла Павловича Мельцера, родившегося в Варшаве. Мельцер на бумажном производстве с 1920 года, с 1933-го он становится главным инженером Бумстроя, где под его руководством шел процесс становления мощного предприятия.

Его жена вспоминает: «Он всегда очень быстро находил дефекты в оборудовании и также их устранял. Я помню, что его называли «механический бог». Павла Павловича очень ценил нарком Семен Семенович Лобов.

В 1937 году Мельцер был репрессирован в числе других 14 специалистов Камского целлюлозно-бумажного комбината, а в 1941 году как «враг народа» он был расстрелян.

Основной приток людей немецкой национальности в наш край, в том числе и в город Краснокамск, произошел в тридцатые годы в связи с политикой раскулачивания, репрессий и ликвидацией в августе 1941 года автономной республики немцев Поволжья. [...]

Переселение и адаптация немцев в новых местах проживания проходили в тяжелых условиях. [...]

В конце 1942 года в Краснокамск Молотовской области прибыло около четырех тысяч девушек и женщин, в большинстве своем они прибыли из Казахстана, куда еще в 1941 году попали из Поволжья, Украины, Крыма, Кавказа и т.д. В Краснокамске они работали в конторе Центроспецстроя, на нефтезаводе, Камском бумкомбинате, Молотовнефтьстрое, в конторе бурения и т.д. [...]

Из отчета НКВД за октябрь 1943 года: «Спецодеждой большинство немок в нефтяной промышленности города Краснокамска не обеспечено. В зимний и весенний периоды ежедневно из-за отсутствия обуви не работали 150–200 человек. В настоящее время 500–600 человек из-за отсутствия обуви работают босыми». Таких примеров можно привести множество.

Виталий Яковлевич Чернышев после окончания Новочеркасского индустриального института приехал в Краснокамск, работал инженером-электриком на электростанции, потом был переведен в электромонтажный цех. Наряду с другими работниками, под руководством Чернышева работали 26 молодых девушек-немок. (В настоящее время Чернышев живет на Украине). Вот что он вспоминает: «Жили немки на, так называемом, «Деловом дворе» на берегу Камы, в землянках и бараках на расстоянии нескольких километров от деревянного домика, в котором размещался электромонтажный цех. Нефть на Краснокамском нефтепромысле в основном добывалась с помощью станков-качалок, приводимых в движение электроэнергией. К электродвигателям станков-качалок, к насосам нефтяных коллекторов, куда поступала нефть от качалок, подходили электролинии 380/220 вольт от распределительных щитов, около которых стояли трансформаторы 6000/400 вольт. Необходимо было поддерживать в работоспособном состоянии все действующие электролинии, а также строить новые к скважинам, сдаваемым в эксплуатацию буровикам. Помню Розу Шваб и Агнессу Рейнер как наиболее быстро «взбегающих» по столбу на высоту 6–12 метров от земли. Помню Олю Бендер (сейчас Кисс), Валю Эпп (Фукс), Иду Фридрих, Валю Мартин (Тарасову), Инну и Эльзу Курц, Катю Зелих.

Всего у нас в цехе работало, если не изменяет память, порядка 20 девушек-немок. Не переоценить роль девушек немецкой национальности в обеспечении электроснабжения добычи нефти на промыслах «Краснокамскнефть». Мы, все инженеры и бригадиры, относились к ним как к основным работникам. Это касалось начисления зарплаты по нарядам и присвоения разрядов по мере освоения ими различных работ. Добывались выдачи им «рабочих карточек» в соответствии с выполняемой работой. Короче, было к ним человеческое отношение. Я не помню, чтобы кто-то из нас, работающих, упрекнул их в принадлежности к немецкой национальности. Они

трудились, вкладывая все силы в победу над врагом. Не избежали несчастных случаев. Эльза Курц (она дежурила на электрощите) при отключении рубильника получила сильные ожоги от загоревшейся одежды и скончалась. Работать на восстановлении электроснабжения после аварий приходилось в любую погоду. Часто и ночью, ведь аварии почти всегда происходят в дождь, снег, мороз, да еще с сильным ветром. Вот и представьте себе, сколько можно на верху столба в таких условиях работать, а работали!»^[37]

Имя Фриды Карловны Граф хорошо известно многим жителям города Краснокамска. Уроженка Москвы, педагог по образованию, Фрида Карловна в 1941 году была выслана из Москвы в Акмолинскую область, а осенью 1942 года была мобилизована в трудармию и направлена в город Краснокамск. Как человек с высшим образованием и обладающий организаторскими способностями, она в годы войны была назначена начальником одной из колонн, куда входило около 1000 человек. Предоставим слово самой Фриде Карловне:

«Акмолинским райвоенкоматом был сформирован отряд из 69 женщин и девушек, который должен был следовать до станции Оверята. Станцию Оверята мы на географической карте не нашли и сели в поезд, не зная, куда нас повезут. Восьмидневное путешествие нас, людей одинаковой национальности и различных по профессии, очень сблизило. Надо было утешать плачущих матерей, оставивших в Казахстане маленьких детей у чужих людей, следить за тем, чтобы молодежь берегла свои скудные продовольственные запасы, организовать на остановках охрану багажа, соблюдать гигиену и вообще не падать духом, что в нашем положении было нелегко.

Наконец, нас привезли поздно вечером в город Краснокамск. Высадив из поезда, нас привезли в барак с голыми нарами, который находился у самой станции. Наш сопровождающий был не очень разговорчивым человеком. Он сказал: «Располагайтесь, завтра пойдете в баню, а послезавтра вас поведут на работу». И ушел.

Мы стояли, смотрели на голые нары, на тускло горевшую на потолке 25-ваттную лампочку, не зная, с чего начать. Было сыро и холодно. Надо было разгрузаться. Хотелось согреться и уснуть. Постелили на двоих одно пальто и, прижавшись друг к другу, вторым укрылись. Бегали мыши, кусали клопы, но усталость и голод взяли свое... Мы уснули. На следующее утро не хотелось вставать. Пришла молодая женщина и повела нас в баню. Некоторым девушкам стало плохо в бане, потому что они были голодные. Придя обратно в барак, мы устроили «пир». Каждый выложил из своего мешка, что осталось: сало, крупу, вермишель, муку и т.п. Стрелочница где-то достала нам электроплитку и ведро, и мы сварили обед на всю «армию». После обеда устроили собрание, на котором приняли решение: будем работать так, как наши бойцы воюют на фронте, покажем, на что мы способны.

На следующий день повели нас на работу. С молодыми девушками, среди них были сестры Бир – Роза и Люда, Сак Миля, которые и в данное время живут в Краснокамске, я попала на пилораму. Когда мы пришли туда, нас встретил главный инженер «Краснокамскнефть» Пружанский. Он показал нам,

как работает Абай (так он называл старого татарина) у пилорамы и сказал, обращаясь ко мне: «Посмотрите, как работает старик, быть может, вы его через неделю или две замените». Я ответила: «Несмотря на то, что я такую пилораму вижу впервые в жизни, товарища Абая заменю не через неделю или две, а сегодня же, но только не в таком помещении, где не только вагонетки, но и сами пилы не могут нормально работать, потому что рабочее место не пригодно для работы, так как все засыпано опилом. Дайте нам один час, и мы уберем все так, чтобы получились настоящие доски для строительства, а не горбыль. По-моему, горбыль получается не потому, что Абай плохо видит или плохо регулирует вагонетки, а потому что в таком состоянии их регулировать нельзя». Тов. Пружанский меня очень внимательно выслушал и дал нам час на уборку помещения. Ввиду того, что носилок, лопат и метел было мало, а рабочих рук достаточно, тов. Пружанский пригласил меня на улицу поговорить, пока девушки убирали помещение.

К концу рабочего дня мы уже перевыполнили задание. Наше желание доказать, как мы умеем работать, было выполнено. Мы сразу стали известны на всем промысле.

Через три дня к нам пришел товарищ Сандалов – начальник пилорамы, которая стояла внизу у самой воды на правом берегу Камы около деревни Конец-Бор. Нас уже переселили в другой барак в поселке Запальта, так как ежедневно прибывали новые трудармейки, и барак около железнодорожной станции служил пересыльным пунктом. Через неделю мы начали двухсменную работу (по 12 часов в сутки) на «сандаловской» пилораме.

Работа была очень трудная, так как приходилось лес не только подвозить к пилораме, но выкалывать замерзшие бревна изо льда в Каме, а морозы доходили до 42–45 градусов. Несмотря на все трудности, работа продолжалась круглосуточно. Строителям нужен был новый материал для постройки барakov. Наша одежда не выдерживала такого мороза, обувь давно уже была заменена лаптями, но и они тонули в ледяной воде Камы. Болеть нам не полагалось, но все же многие не выдерживали. Девушки очень обрадовались, когда нас премировали через три месяца 30 парами валенок и 30 комплектами ватных костюмов. Для меня как туберкулезника, перенесшего еще в Москве две операции на легких, работа на пилораме закончилась в больнице». ¹³⁸¹

Не будет полной истории трудармейцев в городе Краснокамске, если не коснуться истории так называемого Делового двора. Об истории Делового двора вспоминает Фрида Карловна Граф, которая после выхода из больницы стала начальником одной из колонн: «Деловой двор был огромным сараем, где находились импортные машины добычи нефти. Нам говорили, что скоро после ремонта этого помещения нас перевезут из барakov и землянок, находившихся в районе Гознака, в новый дом под названием «Деловой двор». До чего же велико было наше разочарование, когда нас на грузовике привезли на это новоселье. Войдя в огромные помещения, мы почувствовали сильный холод и сквозняк, увидели через просветы между досками реку Каму и падающие с неба снежинки. И это после «ремонта жилья для людей». Деловой двор состоял из трех барakov, построенных в виде буквы «П». В каждом барাকে построили на

скорую руку трехэтажные нары, настолько близко друг от друга, что, если на них садилась женщина высокого роста, она была вынуждена наклонять голову, чтобы ею не доставать верхние нары. В каждом бараке горела чугунная печь, которая топилась неочищенным природным газом. Около печи было тепло, а в конце барака – иней, и гулял ветер. Так мы провели зиму в своем Деловом дворе, все дела которого состояли в том, что люди здесь жили, ходили на работу, страдали и умирали. Некоторые молодые девушки продавали свои продовольственные карточки, получая за них шоколад и печенье, а потом не могли идти на работу, потому что были голодные. Приходилось им выдавать только дневную норму и строго следить за тем, чтобы они не продавали одежду и обувь – валенки или лапти. Когда они показывали мне утром свои рваные лапти, которые надевались на «бурки», сшитые самими трудармейцами, мне приходилось им с улыбкой на устах и со слезами на глазах выдавать новые и все же отправлять на работу.

Так и прожили всю зиму. Когда же снег, которым была покрыта наша ровная, как столешница, крыша, начал таять, чернея как уголь (крыша была покрыта шлаком), вода протекала через нары, пачкая все постели и одежду. Вызвали спецкомиссию, которая признала наши бараки непригодными для жилья, нас вывезли в клуб нефтяников, который находился около гаража, а бригада из 10 мужчин (тоже трудармейцы) починили наш Деловой двор так, чтобы летом и зимой возможно было в нем жить. Есть еще несколько свидетелей того времени, которые с ужасом вспоминают нашу «жизнь», если можно ее так назвать. Трудно было поверить, что 960 девушек и женщин жили в таких условиях. Помню, как я сидела вся черная и мокрая у телефона и кричала в трубку: «Приезжайте скорей, если я встану, то погибнут все списки, то есть весь архив». Опять приезжали и ремонтировали, а нас поместили в какую-то школу, где хотя бы было сухо. Когда знаменитый Деловой двор совсем был разрушен и общественностью города признан не годным для жилья, нас разместили в бараке в поселке Матросова, который казался тогда дворцом по сравнению с Деловым двором. Вот так и закончилась эпопея нашего знаменитого Делового двора». ^[39]

Где бы ни работали люди немецкой национальности, как бы они ни проводили свое свободное время, какие бы лишения они ни терпели, несчастье своей Родины они воспринимали как свое собственное горе, понимали, что война есть война, и все несправедливости списывали на ее счет.

Об этом говорит и история создания в нашем городе Краснокамске в конце Великой Отечественной войны профессионального хора из трудармеек. Вспоминает об этом ветеран педагогического труда Лебедева Эрика Абрамовна, родные сестры которой были участниками этого хора:

«Есть известная всем немецкая песня «О песне». Не зная автора, позабыв большинство куплетов, но все знают рефрен: «Но когда я начинал петь, все-все сразу стало добрым и хорошим»^[40]. «Да, и в трудные голодные годы, – вспоминает одна пожилая женщина, – мы много пели». «Ведь мне было всего 16 лет, когда меня привезли в Краснокамск. Я была, как певчая птичка, в

любую минуту отдыха я пела» – эти слова принадлежат бывшей трудармейке Берте Герман.

Что же пели наши женщины и девушки, пожилые и совсем молоденькие? Разные песни. Пожилые вспоминали молитвенные песнопения, чтобы их не забыть, записывали в тетради, – да-да, в обычные тетради бумкомбината, которые все-таки в городе бумажников можно было достать. Были среди трудармеек такие, которые помнили старинные нотно-цифровые записи и исписали массу тетрадей, переложили мелодии на четыре голоса и старались потихоньку разучивать эти песни, которые помогали усталым и измученным людям, разлученным с детьми и мужьями, сохранять надежду и веру. А молодежь пела то, что пела тогда вся страна, песни 30-х годов и военные: «Катюша», «Три танкиста», «Огонек», «Синий платочек». Запоминали все песни из кинофильмов военного времени, хоть и в кино не часто ходили, но пела ведь вся страна.

В это время в городе, где теперь высится здание узла связи, стояло унылое одноэтажное здание городского драмтеатра. Когда Ленинградский оперный театр имени С.М. Кирова был эвакуирован в Пермь, Пермский оперный временно работал в деревянном здании Краснокамского драмтеатра. И потянулись наши милые женщины к искусству.

Трудно себе представить: голодные, усталые, в ватниках, в брезентовых ботинках на деревянной подошве, сидят, замирают от чудных звуков музыки Верди, Чайковского, Глинки.

Юстина Яковлевна Генинг вспоминала такой эпизод: «В четвертом акте оперы Верди «Риголетто» есть чудный квартет, и одна неопытная слушательница говорит шепотом: «Они все спутали, каждый поет свое, не слушает другого». А соседка отвечает: «Как в жизни, каждый поет о своем». «О чем ты плачешь? – шепчет одна, а та отвечает: «И я о своем горе плачу». А у Екатерины Ширлинг, которая страдала от жестокой ревматической атаки, сделался сердечный приступ, и пришлось обратиться к скорой помощи, ноги у Кати так распухли, что она не могла надеть свои ботинки. И все-таки при каждой возможности ходили снова в театр, ибо музыка дарила им радость и покой».

И бывает же так, что постоянных зрителей замечают в театре. Так заметила хормейстер театра Галина Леонидовна Якубович девушек, влюбленных в театр, и удивилась, что многие мелодии у них уже «на слуху», да и голоса хорошие. Так и возник в конце войны хор. Это был замечательный хор любителей песни, сначала занимались в Запальтовском клубе, потом его отдали под жилье, и хор стал работать в клубе на Новом поселке и даже в здании управления «Краснокамскнефть».

Начальником у нефтяников был некто Полабышев. Он нашел деньги для оплаты руководителя хора, а потом даже и на одежду хоровиков. Правда, эти платья были куплены уже после войны. А разве тогда было легко? Ведь людям хотелось домой, соединиться с семьями, но появился новый строгий Указ о немцах, все выезды были запрещены, а тут такое благодеяние: каждой хористке сшили по два платья, одно белое (из простого белого полотна) и второе темно-

зеленое с белым воротничком – это уже из шерсти. Платья были сшиты по моде, туфли по бирочкам дали. Расцвели-похорошели наши девушки. Хор был многоголосый. Пели патриотические песни о Родине, Сталине, военные: «В лесу прифронтовом», «Под звездами Балканскими», «Случайный вальс», «Соловьи», «Смуглянку» и другие. Но особое место занимал классический репертуар: «Хор русалок» из оперы «Русалка» Даргомыжского; дуэт «Уж вечер» из оперы «Пиковая дама» Чайковского; квартет из первого акта оперы «Евгений Онегин» «Слыхали ль вы» и «Они поют»; русские романсы – «Соловьям залетным», «Не шуми ты, рожь» и др. Лучшим был дуэт Лины Дубс и Екатерины Ширлинг, которые выступали даже на каком-то сводном концерте на сцене Пермского театра оперы и балета. Выступали они на всех торжественных мероприятиях и всегда их выступления вознаграждались аплодисментами. Однажды их даже на пароходе повезли в Юго-Камск. Это было большое достижение, ведь их никуда не выпускали, в Пермь по особым пропускам комендантуры ездили, а тут – в другой район, да по Каме!! Впечатлений было много, всю дорогу пели. На пристани Юго-Камска их встретили и повезли в клуб завода им. Ланге. Концерт прошел с большим успехом. Пели много на бис.

Хор просуществовал года три, потом уехала в Пермь руководитель Галина Леонидовна, уехали некоторые солистки, но память о хоре навсегда осталась в сердцах людей».

Кончилась Великая Отечественная война, все бывшие трудармейцы и узники ГУЛАГа надеялись, что страна в конечном итоге отметит их заслуги перед Родиной. Но этого не произошло, фактически никто из них не был в ходе войны и сразу же после войны награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Награждать немцев, да и другие репрессированные народы такой медалью в то время не полагалось. [...]

Ветеран нашего города Надежда Геннадьевна Шилова в статье «Была война, а жизнь продолжалась», опубликованной в газете «Краснокамская звезда» 14 апреля 1994 года, писала: «Жили в нашем городе и высланные с Поволжья, Украины и других мест «русские» немцы. Что говорить, у многих краснокамцев в те годы отношение к этим несчастным было неприязненное. Как они это пережили! В 205-квартирном доме все подвалы занимали семьи переселенцев. Какая там была чистота! Они были очень ущемлены в своих правах.

Многие красивые молодые девушки-немки выходили замуж за русских парней совсем не по любви, а лишь бы сменить фамилию на русскую. Случалось, что и ребята-немцы женились на русских девчатах и брали фамилии жен. Да, много наделала бед эта жестокая война».

Через несколько дней после этой публикации на страницах «Краснокамской звезды» появился отклик такого содержания: «Дорогая редакция! Я немка, но даже дети не знают об этом. Хочу передать через газету низкий поклон Н.Г. Шиловой о правдивом описании тех тяжелых лет. Н.Ф.»

Это всего лишь один из многих эпизодов трагедии целого народа. [...]

В большинстве своем российские немцы добросовестно работали в разных отраслях народного хозяйства. Это руководители предприятий: П.Г. Веккер, бывший директор фабрики детских игрушек; В.А. Миллер, директор молокозавода; В.Л. Рот, бывший директор горпищекомбината; Э.Э. Бауэр, бывший директор совхоза «Северокамский»; строители Фохт и Мессершмидт; бумажники Гоффарты, Кнителы, Диер, Браунагели; машинисты тепловоза братья Янцены; учителя – братья Гешеле, Э.Г. Онгемах, Ф.К. Граф, супруги Генинг, А.Я. Ремпель, А.И. Вангир, В.В. Келлер, И.А. Петровская, Э.Ф. Бауэр, Э.А. Лебедева, М.И. Вольтер; медицинские работники Г.В. Энц, Г.А. Церр, Е.П. Рениченко, С.Ф. Кудрявцева и др. Все они оставили заметный след в развитии нашего города. Многие из них уехали в Германию, другие умерли. [...]

П.П. Петерс¹

Я родом из Заградовки

Занимаясь изучением истории российских немцев в России и в Прикамье, меня заинтересовала родословная моих предков-меннонитов (меннониты – последователи новой протестантской религии), которые прибыли в Россию в 50-е гг. XIX века. Родом они из Нидерландов, но так как меннонитов стали преследовать, они перебрались в Пруссию, а оттуда – в Россию. Со стороны отца – Петерс и Пеннер, со стороны матери – Классен и Герцен. Они вначале поселились в колониях Гальбштадт (Молочанск) и Гладенфельд. Семьи у меннонитов были большие, до десяти человек и даже больше, так что земли для всех прибывших не хватало. Поэтому царское правительство, чтобы не допустить волнений среди немцев, заставило руководство колоний покупать для своих безземельных крестьян земли в других районах страны. Так в 1871 г. у князя Кочубея было куплено имение «Заградовка», на землях которого поселились 484 безземельных хозяйств из Гальбштадтской и Гладенфельдской волостей. Они основали здесь 17 селений, составляющих Тиге-Орловскую волость Херсонского уезда. В это имение и приехали со своими детьми мои прадеды, как со стороны отца, так и матери. Деревня Николайфельд, в которой родилась моя мать, возникла в 1872 г., а деревня Розенорт, в которой родился мой отец, возникла в 1873 г. В этой деревне жили все мои родные, в том числе и я. Хозяйство в меннонитских колониях носило общинный характер. Крупные сельскохозяйственные работы – жатва, молотба, постройка домов и хозяйственных пристроев и т.д. – проводились сообща всеми членами меннонитских общин, поэтому деревни выглядели одинаково. Смежные дворовые участки. Посередине деревни проходила широкая, несколько километров, улица. По одну ее сторону в некотором углублении возводились сельскохозяйственные дворы, которые были огорожены каменной стеной или живой изгородью. Улица по обе стороны была засажена аллеей деревьев, а сад, цветник и ряд деревьев перед каждым домом защищали от уличной пыли. За двором тянулись поля, в конце которых был разведен искусственный лес. Хозяйственные постройки шли в один ряд под одной крышей и соединялись

между собой. Дом, в большинстве случаев каменный, из разноцветного кирпича, с высокой черепичной крышей и зелеными ставнями, фронтоном на улицу.

Сельскохозяйственные работы меннониты проводили исключительно лошадьми, коров держали только голландской породы. При обработке земли придерживались передовых методов агрономии. Как правило, благодаря своему трудолюбию и общинному ведению хозяйства, добивались высоких урожаев, примерно, на 40 процентов выше, чем в округе.

Меннониты вели тихий, скромный образ жизни. Музыка, танцы и вино считались у них предосудительными. Мест продажи вина у себя они не терпели. Труд, труд физический, земледельческий – единственное занятие меннонитов, сделался одним из догматов их учения. Религиозный девиз «молитесь и работайте» заставлял меннонитов вести замкнутый образ жизни, поэтому их отношение к окружающему вне общины населению чисто деловое, никогда не переходящее в дружбу. В 1874 г. царское самодержавие ввело всеобщую воинскую повинность, что шло вразрез с их канонами веры, тогда меннониты стали выезжать в Америку, продавая иногда за бесценок свои подворные участки. Массовый выезд культурных земледельцев-меннонитов из России вызвал недовольствие у населения и в прессе. Правительство пошло на уступки. Меннонитам разрешили отбывание воинской повинности вблизи мест их жительства, заменяли ее на служение в госпиталях, тюрьмах, пожарной команде, лесной страже или на железной дороге. В случае войны они могли продолжать мирные занятия, не привлекались к театру военных действий. Соглашаясь на эти условия, меннониты высказали пожелание нести службу преимущественно в лесной страже и в мастерских. Правительство согласилось на это, предоставив меннонитам право отбывать воинскую повинность в лесных командах Министерства Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях. Они должны были возводить особые казармы и содержать отбывающих повинность за счет общин всех меннонитов России. Налог на содержание этих команд все увеличивался, 18 мая 1906 г. был установлен в размере: с каждой наличной души мужского пола – 62 коп. С каждой десятины надельной или приобретенной земли – 12 копеек, с каждых 100 руб. стоимости имения – 10 копеек, с каждой десятины крепостной земли – по 8 коп. В результате Столыпинской аграрной реформы многие российские немцы стали переезжать на восток, на Южный Урал, Сибирь, в районы города Омска. Среди них были и выходцы из Заградовки.

Победу Октябрьской революции в 1917 г. большинство меннонитов встретили враждебно. В своем постановлении они писали: «...Монархия является противоестественным и вредным государственным строем. Социалистические же программы не могут быть осуществлены, пока не воцарится на земле царство Божие. Работать только восемь часов – это влечет за собой грехи, это ведет к обнищанию и одичанию... Социалисты слишком мало считаются с действительностью. Поэтому следует поддерживать срединные партии».

В 1918–1919 гг. на Украине разбойничала банда Махно. Сотни убитых взрослых и детей – вот что оставлял после себя Махно. Целые села подвергались сожжению. В конце ноября – начале декабря 1919 г. махновцы ворвались в Заградовку. Они убили 243 человека. Эти люди значатся в списках, составленных по церковным книгам, когда отпевали покойников. Мудрый священник везде указал причину смерти: зарублен, расстрелян, сожжен и т.д. Какое счастье, что в деревню, где жили мои родители, махновцы не заходили, а то, вероятно, меня бы не было.

Тяжелым для моих предков был 1922 год. Из-за неурожая в Поволжье свирепствовал страшный голод, он задел и Украину. Так, в Заградовке были низкие урожаи. С востока шли и шли сотни обездоленных и голодных людей, которые просили милостыню, мародерствовали, грабили, убивали. Мои родные выжили, хотя трупов от голода на Украине тогда было очень много. После Гражданской войны многие меннониты выезжали за пределы Советской республики, преимущественно в Канаду и США. Переход советского правительства от политики «военного коммунизма» к НЭПу был воспринят меннонитами и другими религиозными общинами как отказ от борьбы за диктатуру пролетариата, отступление от побед революции. Размер посевных площадей тогда увеличился более, чем в пять раз. Когда политика НЭПа начала сворачиваться, меннониты вновь стали уезжать на Запад. В 1925 году в Канаду эмигрировали более десяти тысяч меннонитов. С 1926 г. эмиграционная лихорадка утихает, но в 1929 г. в связи с коллективизацией разгорелась с новой силой. Особенно жестоко в меннонитских поселениях шла политика ликвидации кулачества как класса. Многие из Заградовки пытались уехать, но теперь это удалось уже немногим. Раскулачиванию подвергались самые трудолюбивые крестьяне. Многие так и не доехали до мест своей высылки, умирали в дороге от голода и истязаний.

Зимой 1932–1933 гг. в стране был искусственно организован голод, который привел к гибели миллионов людей. И в Заградовке умерло несколько сот человек. Среди них была сестренка Анна, которой не было и года. В середине 30-х вновь начали подниматься наши деревни, повсеместно возникали колхозы. Казалось, жизнь налаживается, а работать мои предки умели. Но грянул 1937 год. Ночью подъезжали к домам «черные вороны», и люди исчезали навсегда. Так, в деревне Александрфельде с населением около 350 человек за одну ночь было арестовано 62 мужчин и три женщины, то есть каждый пятый человек. Мои дяди – Абрам и Петр – сгинули в ГУЛАГе...

Когда началась война, мне было пять лет. Заградовка попала под оккупацию. В шесть лет я с двоюродными братьями пошел в первый класс. Как немцы по происхождению мы учились в немецкой школе, где в какой-то степени нам пришлось испытать «прелести» палочной муштры. За любую провинность наказывали розгами. Осенью 1943 г. после разгрома фашистов под Сталинградом и Курском людей немецкой национальности (всего под оккупацией было примерно 350 тысяч российских немцев) стали отправлять в Польшу и Германию. Так закончилась славная история Заградовки: остались одни воспоминания. В Польше мне удалось закончить второй класс немецкой

школы, а в начале 1945 г. нас отправили в Германию. Мы жили в сельской местности, по одну сторону – в 20 километрах от Берлина, а по другую – в 20 километрах от Потсдама. Так что стали свидетелями завершающих боев Красной Армии за Берлин. Недалеко от нашего места проживания произошло историческое соединение 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов: я видел, как танковые колонны двигались в сторону Берлина, был свидетелем авиационных налетов на Берлин и Потсдам, во время бомбежки мы отсиживались в бомбоубежище, было очень страшно. Вспоминая то время, хочу отметить, что благодаря геббельсовской пропаганде, большинство «чистокровных» немцев были охвачены неопишуемой паникой. Они боялись, что советские войска будут жестоко расправляться со всеми, невзирая на пол и возраст. Думали, что наши войска будут с ними обращаться точно так же, как фашисты обращались с нашими людьми. Помню, ко мне подошла моя сверстница, ей, как и мне, исполнилось девять лет, и спросила: «Что ты будешь делать, когда придут русские?» Я ответил, что ничего не буду делать. Она сказала: «А я перережу себе вены, чтобы не попасть в руки русских». Из разных мест можно было слышать, как некоторые семьи кончали жизнь самоубийством. Лично я не слышал и не встречался с фактами, чтобы наши солдаты зверствовали в Германии.

Чтобы прокормить семью, а нас было детей, четверо, мама работала у кулака. Осталась на германском погосте моя младшая сестренка Катенька. Она тяжело заболела, а лечить ее было нечем.

После окончания войны, советские немцы, освобожденные Красной Армией, вернулись на Родину, но не в те места, где они раньше жили, а в восточные районы страны. Некоторые российские немцы оказались в Западной Германии, это почти вся моя родня по отцовской линии. Они, в конечном счете, потом уехали в Канаду. Вот так война разбросала по всему свету родных и близких людей родом из Заградовки.

Осенью 1945 г. мы оказались в городе Краснокамске, став «спецпереселенцами». Без разрешения военной комендатуры никто из нас не имел права съездить в Пермь. Ученики средней школы № 1, в которой я учился, однажды поехали на уборку картофеля в Хохловку, а мы с двоюродным братом обратились в комендатуру: «Имеем ли мы право тоже поехать?»

Трудным было послевоенное время. Нам было обидно, что слово «немец» отождествляли со словом «фашист». Однако, в большинстве своем соседи по дому, одноклассники и, конечно, учителя делали все возможное, чтобы облегчить нашу жизнь. Сердечное им всем спасибо!

Нас у матери теперь было трое. Перед тем, как идти в школу, часто приходилось, чтобы не умереть с голоду, стоять с протянутой рукой у магазина. Удалось выжить благодаря помощи простых людей. Жили мы в подвале, мать работала в артели инвалидов «1-е Мая» – клеила кульки и конверты на дому, мы ей в этом помогали. Соседи по дому, которые и сами нуждались, помогали нам всем, чем могли. Такое не забывается! Сейчас из некогда большой семьи в живых остался только я. Старшая сестра Анна похоронена на Украине, младшая сестренка Екатерина – в Германии, сестра Агнесса – на границе

Казахстана с Китаем, братишка Иван, который находился в доме инвалидов, расположенном в Белогорском монастыре, там и похоронен. Родители похоронены в Краснокамске.

То, что в таких условиях мне удалось получить не только среднее, но и высшее образование, заслуга не только моя, а в первую очередь, учителей средней школы № 1 и школы рабочей молодежи нефтяников. Особенно благодарен своей любимой учительнице, классному руководителю – Галине Никоновне Абашевой. Немало сил она потратила, чтобы научить меня русскому языку. Еще с большой признательностью вспоминаю директора школы рабочей молодежи нефтяников Веру Николаевну Кондакову. Именно с ее помощью я окончил среднюю школу, а потом и Пермский госуниверситет. К сожалению, в настоящее время потеряны такие качества, как доброта, чуткость, взаимовыручка, присущие нашему поколению. Современники стали злее, недоверчивее друг к другу.

Окончив исторический факультет университета, я в течение 33 лет работал учителем истории, из них 18 лет – в сельской школе, 4 года – в школе рабочей молодежи и одиннадцать лет – в медицинском училище. Всегда старался видеть и сеять в душах своих учеников «разумное, доброе, вечное», уважать их мнение. Это так необходимо в неустойчивое, беспокойное нынешнее время. Работая в Черновской средней школе, нашел свою судьбу. Уже 36 лет рука об руку иду по дороге жизни с женой Раисой Михайловной. Мы воспитали четверых детей. Старший сын, Александр, занимается малым бизнесом, дочь Лариса руководит модельным агентством «Лолита», сын Алексей – дирижер оркестра народных инструментов, все впереди у младшей дочери Анны. У нас семеро внуков. Так что жизнь прожита не зря! Она продолжается в делах наших детей и внуков.

Сейчас я на пенсии, но продолжаю заниматься общественной работой. Тринадцать лет являюсь председателем общества немцев «Возрождение» в Краснокамске. В обществе в основном люди преклонного возраста, обиженные судьбой во время сталинизма. Поскольку у них не было возможности учиться, многие из них малограмотные. Сколько пришлось написать писем, сделать запросов в регионы бывшего Советского Союза для получения справок по реабилитации, чтобы потом на основании этих документов люди могли бы получить статус жертв политических репрессий и удостоверения для прав на определенные льготы. Годы бегут, иногда хочется все бросить и отдохнуть, но один из близких людей, уехавший несколько лет назад в Германию, написал мне такое письмо: «Желаем крепкого здоровья, большого семейного счастья и дальнейших успехов в твоей нелегкой и неблагодарной, крайне необходимой деятельности в обществе «Возрождение» на благо многострадального, невинно наказанного народа. Если тебе сегодня кажется, что это огромный труд – неблагодарный, то вспомни, сколько старым, больным, потерявшим веру в справедливость людям, ты уже помог, и в чем-то поможешь в настоящее время. Зная твой характер, я верю, что и дальше, если только твое здоровье позволит, ты не остановишься на достигнутом, продолжишь помогать престарелым, неграмотным соотечественникам. Кстати, я свой членский билет и сегодня с

гордостью храню. Я лично от всего сердца желаю тебе хорошего здоровья и дальнейших успехов».

Сегодня в нашу жизнь вторгается насилие, поэтому мы должны вспомнить те человеческие отношения между людьми, которые были у нас в годы войны и в послевоенное время. Доброту надо проповедовать, так как без нее, без уважения к другой личности, к другой точке зрения, будущее России не построить. Пока я в состоянии, буду по мере возможности помогать престарелым людям. Доброта должна править миром, иначе наступит конец цивилизации.

Сегодня почти никого нет в живых из тех, кто родился и жил в Заградовке, а те, кто остался, живут в разных местах земного шара. И хотя наша малая родина стала жертвой лихого времени, и хотя уничтожено то, что было создано трудолюбием многих поколений, в памяти живет и расцветает наша прекрасная Заградовка. И в мыслях мы идем по красивым улицам, ясная луна освещает нам путь, а ночные фиалки наполняют воздух чудным ароматом. Мы проходим – дом за домом, подходим к аллее шелковиц, за которой начинается кладбище. Там, ряд за рядом, спят наши предки, они ждут дня Великого пришествия, встречи с нами. А пока пусть спят спокойно!

Э.А. Лебедева^[41]

Автобиография

Я, Лебедева (Ширлинг) Эрика Абрамовна, родилась 24 декабря 1926 г. на хуторе Дик Усовского сельсовета Любинского района Омской области. Хутор состоял из двух крестьянских хозяйств двух однофамильцев, но не родственников – Дик Николай и Дик Яков (мой дед по матери). Они получили во время столыпинской реформы наделы и стали там сеять пшеницу, благо рядом большой сибирский город Омск, куда можно было сбыть урожай.

Мой отец Ширлинг Абрам родился в Крыму, в деревне Даниловка близ Джанкоя. Дед по отцу был безземельным крестьянином, так как все земли принадлежали помещице, именем ее детей были названы деревни: Даниловка, Антоновка, Анновка и т.д.

В немецких деревнях Крыма были школы. Отца как очень способного ученика помещица отправила учиться в Петербург с условием, что он вернется обратно в Крым для работы в гимназии.

Во время летних каникул отец поехал в Сибирь, где его брат получил надел, и там познакомился с мамой. Окончив высшие педагогические курсы в Петербурге, отец привез невесту в Крым. Он работал в гимназии. Потом началась Первая мировая война, и дед забрал свою единственную дочь с внуками и привез в Сибирь, так как отца мобилизовали в армию. После демобилизации отец приехал к жене и детям и остался с ними в Сибири. Пока дед мог, он помогал семье своей дочери, но потом он перенес тяжелый паралич, а у бабушки был рак. Поэтому детство прошло в большой нужде, так как за столом – 12 ртов. Всегда держали коров, свиней, огород, с детства привыкли много работать, а мама не знала покоя ни днем, ни ночью...

Мы учились в Маргенауской школе коммунистической молодежи Исилькульского района Омской области. Ученики очень уважали отца за знания, он был прекрасным музыкантом, хорошо играл на скрипке, фортепиано, успел научить музыке старших детей. У нас даже был свой семейный оркестр, а хор – вся деревня.

Пришло время репрессий. Сначала арестовали отца, потом мать, мужа старшей сестры, брата. Как мы выжили, трудно описать. Скажу только: два блага было – добрые люди и закон о праве получения образования.

Несмотря на нищету и голод, особенно в военные годы, я продолжала учиться. Когда началась Великая Отечественная война, старших сестер и брата забрали в трудармию, а в 1944 году мобилизовали и меня. Работала на Петропавловском кирпичном заводе. От голода, грязи и тяжелой работы я долго болела, потом меня пожалели и отпустили. Я поступила учиться в Петропавловский учительский институт на историко-литературный факультет, хотя закончила только 9 классов школы, но в институте был недобор, поэтому меня приняли. У нас были отличные преподаватели, многие из блокадного Ленинграда, да и местные – казахи, туркмены были очень интеллигентные люди. В институте была богатая библиотека, здесь я научилась «рыться в книгах». На экзаменах мне порой задавали вопрос: «Откуда вы это вычитали? Я в лекциях этого не говорил».

В 1946 году успешно окончив институт, должна была поехать по направлению в Кокчетав. Написала туда письмо, и мне ответили, что примут меня инспектором облоно. Я испугалась, мне было 19 лет, одежда моя – шитая-перешитая, пальто из солдатской шинели, ни обуви, ни постели. И я поехала к сестрам в Краснокамск, которые были здесь в трудармии. Жили они в бараке в переполненной комнате. Я обратилась в Молотовский пединститут, и меня приняли на третий курс исторического факультета, дали общежитие. Учиться можно и в нищенской одежде. Даже помогли: дали талоны на чулки, на синюю бязь, из которой сшили мне костюм, а зимой получила талон на цигейковый полушубок. Все это выкупалось за счет хлеба, то есть я продавала свой паек на рынке и выкупала вещи. Неоднократно у меня бывали голодные обмороки. В субботу, если были деньги, приезжала к сестрам, они кормили меня картошкой, хотя тоже жили впроголодь. И все-таки мне было 19 лет, пора любви. В общежитии познакомилась с Вениамином Викторовичем Лебедевым, он учился тогда в аспирантуре. Мы зарегистрировались 9 октября 1946 года. И прожили мы вместе почти 45 лет. У нас два сына, одна дочь. Все достойные люди, получили высшее образование: инженер, геолог, врач. Шесть внуков.

В 1947 году мы поехали на работу в село Частые по направлению облоно. Муж работал директором школы, я – преподавателем русского языка и литературы, были также часы и по истории. Когда уехали все эвакуированные учителя, меня попросили вести немецкий язык. Это то же самое, если русскому человеку, окончившему начальную школу, вести русский язык с 5 по 10 класс. Мне приходилось много заниматься, читать, вспомнить язык. Ведь я тоже жила среди русских, давно была разлучена с родными, и родной немецкий язык утратила. Побывала на курсах, стала много читать, изучать немецких писателей

в оригинале. В принципе, мировую литературу я изучала на историческом факультете. Меня поставили сразу руководителем секции учителей немецкого языка. А преподавали во всех школах мужчины – фронтовики, которые дошли до Берлина, и я считала, что теперь они знают язык лучше меня.

Мы добросовестно ежемесячно собирались, учили грамматику, переводили тексты. Многие потом поступили заочно в институты. С увлечением я занималась в самодеятельности. Наш частинский хор конкурировал с осинским. Мне предлагали поступать в Пермское музыкальное училище на дирижерско-хоровое отделение.

В Частых мы прожили 5 лет, затем переехали в Оханский район в село Дуброво. Там проработали 13 лет. И опять вела в школе хор. Очень хотелось, чтобы музыкальное образование получила дочка, и мы приехали в Краснокамск в 1965 году.

Могу сказать, что за период моей работы организатором внеклассной работы, а затем и завучем Краснокамской школы № 2 были сняты с учета все «трудные» дети. Я буквально дралась за судьбу каждого ребенка. Много работала с семьями. До сих пор эти «трудные» в своих жизненных ситуациях часто советуются со мной.

Затем меня перевели методистом горно, пять лет была председателем горкома профсоюза учителей.

Э.А. Лебедева

«И тщательно храни душу свою»^[42]

Что сохранила душа моя? Светлую память о моих родителях. И конечно, они были самыми лучшими на свете! Мама вечно в хлопотах по хозяйству. Еще бы! Ведь в семье было восемь детей, да еще с ней жили ее престарелые родители. Итого за столом всегда двенадцать едоков. Отец всегда занят в школе, он был завучем единственной в Омской области немецкой ШКМ – школы коммунистической молодежи. И крепко надо работать сельскому учителю, чтобы прокормить такую семью и пытаться дать всем детям, своим и чужим достойное образование. Папа готовился к урокам за своим столом, а мы все в столовой, за длинным столом выполняли домашнее задание. У каждого свои обязанности по дому, по хозяйству: уборка квартиры, наносить воды, дров, помочь накормить скотину, – все это делалось скоро, без лишнего шума, каждый день. Зимой, когда берегли керосин, подолгу сидели и пели песни, а летом перед сном на улице, вернее во дворе для всех хватало лавочки, и пел наш семейный хор, все село замолкало, многие заходили к нам, присоединялись к нашему пению. И в школе всегда был большой хор, а в 1937 году за первое место в смотре художественной самодеятельности школа получила пианино «Красный Октябрь» и патефон с набором пластинок. Как мы были рады. Появились музыкальные фильмы, отец моментально, не дожидаясь когда где-то появятся ноты, сам обрабатывал мелодию на четырехголосный хор и включал в репертуар.

В ненастный осенний день, а именно 28 октября 1938, это был выходной, я бегала с подружками, и мне сказали: «Иди домой, во дворе стоит «черный ворон». Я не поняла, что это значит, но мать подружки настояла, чтобы я пошла домой. Пришла, у дверей стоит милиционер: «Ты куда, девочка?» Отвечаю: «Домой». Позвали маму. Она, заплаканная, попросила впустить меня. Этот ужас и сейчас у меня перед глазами! В доме все перевернуто вверх дном: книги, школьные сумки, многочисленные кровати (они у нас стояли, как в общежитии), из комода ящики все вынуты. Я спросила: «Что они ищут?» На меня цыкнули. Помню, мне было жаль двух открыток, которые нашли у меня. На одной был изображен строй каких-то гусар, а мимо них пробегает заяц, и они, гусары, косятся на косого. Смешная такая открытка. На другой был самолет, рама какая-то, говорят, это был «Фарман», где я ее взяла, не знаю, но мне тоже было смешно смотреть на эту раму-решетку, так как в 1938 году я видела уже другие самолеты, настоящие, они летали тогда вдоль транссибирской железной дороги.

Вот так увели отца, семья осталась без кормильца, сразу из учительского дома нас стали выгонять, да заступился прокурор, оставил нас до 1 мая, так как многие из нас были еще несовершеннолетние. Очень плакала моя учительница, я тогда училась в 4-м классе. Она работала первый год после училища, отец ей много помогал, еще она боялась, что я сорву концерт в начальной школе – не стану петь песню о Сталине. Но мама ей сказала: «Успокойтесь, Анна Васильевна, Эрика будет петь, как всегда пела». И я пела, как молитву, как заклинание. Мне казалось, чем лучше я спою, тем лучше будет папе. Увы, это не помогло. Не знали мы тогда, и не подозревала моя бедная мама, что скоро приедут и за ней... А потом – и старшего брата увезли на грузовой. Из четверых вернулась только мама, через десять лет Карлага. Еще во время следствия она ослепла. У нее была глаукома, которую тогда еще не умели лечить, тем более в тюрьме, где ее долго держали в одиночной камере при ярком свете лампочки днем и ночью. Она ослепла, а ей не верили. Дали сначала расстрел, но потом его заменили на десять лет строгого режима. И вот через десять лет моя сестра поехала в Караганду и привезла маму к себе. Начальник лагеря недоумевал: «За что сидела эта женщина?» Десять лет она провела в лазарете, где давали очень скудный паек. Всегда спокойная, тихая, всех утешала, ее называли «мамочка наша», подкармливали. Мама прожила с нами еще почти 30 лет. Слепая водилась с внуками, очень старалась не быть в тягость, никогда не жаловалась. Иногда вспоминала людей, с которыми свела ее там судьба: это были поэты, писатели, артисты, жены и родственники революционеров. Умерла она в 1970 году. Похоронена в Перми.

А где могилы отца, брата, мужа моей сестры? Мы не знаем. Об отце кое-что знаем от доброжелателя, который предпочел остаться неизвестным. Вот кратко его сообщение. Когда отца втолкнули в камеру с уголовниками, он первую ночь провел под нарами. Утром запел: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно». Его вытащили, пригляделись: «Пой еще». Короче, через неделю он организовал хор в камере. Отец был изумительным рассказчиком, и в школе всегда заслушивались на его уроках, он был очень начитанным

человеком. А уголовникам больше всего нравился Гоголь «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Их рецензия была: «Во, как по пустякам доносы строчат».

Умер папа в июне 1942 года, когда ему сообщили, что мама тоже арестована, у него случился смертельный сердечный приступ.

А как жили мы их дети? Одна сестра умерла еще в 1938 году от туберкулеза. Старший брат расстрелян в 1942 году. Две сестры были в трудармии в Краснокамске. Теперь они живут в Германии. Старшая сестра, которая заменила нам, как могла, родителей, умерла, не дожив до 70 лет.

Наш отец строго выполнял правила советского учителя: детей крестить нельзя! Не будем его упрекать, такое было время. Мы, четверо оставшихся в живых сестер, теперь все окрестились, хоть и в разных церквях, но по-христиански «во имя отца и сына и святого духа».

«И не ожесточим сердца свои, простим тех – виновных, ибо «они не ведают, что творят».

Э.Г. Бернгардт

Этот фильм снимали в Чу^[43]

Родился я на Дону – Ростовская область, Пролетарский район, село Бекетное. Большое село, практически – одни немцы. Выселили нас 17 сентября 41-го. Поголовно. В один день – все село! День теплый такой был, хороший...

Эшелон разделили на две части: половина отправилась в Сибирь, другая – в Казахстан. Нас привезли на станцию Чу Джамбульской области. Там развезли по населенным пунктам. Наша семья попала в русский колхоз в 70 километрах от станции. Некоторые оказались в Молекумском районе, в селениях, где уже жили немцы, выселенные в 30-х годах во время раскулачивания. Начали работать. Я учился в школе, в 8-м классе, и работал в колхозе. Утром шел в школу, после обеда запрягал своего бычка и вез фураж на ферму. Там делал уроки, ночевал, утром опять запрягал – и назад. Так и учился.

В трудармию меня взяли 7 января 43-го. Были каникулы. Я получил груз и зашел к бухгалтеру подписать накладные. А там сидит сопляк из военкомата: «Ты чего тут ходишь? – «Как что? Работаю! Вот, к бухгалтеру пришел...» – «Бросай все, иди домой, собирайся, и чтобы через три часа здесь был!» Почему? Зачем? Мне потом бухгалтер сказал, что нас забирают на работу. Мать быстренько хлебушка дала, сала немного, рису кубышку, каши, чего-то еще... Вот так я попал в трудармию, мне было 15 лет... 7-го взяли, 13-го отправили из Чу, а 19 января высадили на станции Макат Гурьевской дороги (где находилось подразделение «Казахстаннефти» – Ред.). Утром распределили по участкам. Жили в землянках по 150–200 человек. Двухъярусные нары, блохи, вши... Клопов (смеется) там не было... Зато блох! Блох и вшей горстями гребли. Когда стало солнце припекать, бывало, во время работы снимешь курточку или телогрейку, у кого что есть, расстелешь, и вши вылазят из швов. Соскабливаешь их на лопату совковую и на костерчик – хорошо так трещат.

На нашем участке были, в основном, подростки от 15 до 18 лет. Копали траншеи для прокладки нефтепровода. На других участках работали и 30–40-летние, но очень мало. А так все молодежь и пожилые, старше 50-ти, ведь в трудармию брали до 55 лет. Мужики обычно были в хозбригадах: портные, сапожники, повара... А мы – на земляных работах. Зима, воды нет... За всю зиму мы ни разу не помылись, забыли, что такое баня. Даже умыться – проблема! Только утром, когда лед растает, умоешься – и все.

На работу ходили пешком. Сначала около километра, потом, по мере продвижения трассы, – километра три. Инструмент не разрешали оставлять на объектах, приходилось тащить на себе. Весь инструмент! А это ломик, кайло, две лопаты: штыковая и совковая. Норма была 10 метров траншеи глубиной 180 и шириной 80 сантиметров. Почва тяжелая – спрессованная глина с песком. Да еще зима... Копали вручную – ломик, кирка, лопата. А сила-то у нас, какая? Дневную норму делали за неделю.

Давали хлеба 800 грамм и баланду. Утром – баланда и вечером – баланда. Хорошо, когда баланда была с отрубями, она – погуще. Но когда с крупой... Там и крупы-то нет: крупинка за крупинкой «гоняется», и все. Одна вода, никаких вторых блюд... Какой там чай, когда воды иной раз не было, чтобы баланду сварить! Воду возили на верблюдах километров за 20, из Маката.

Зимой лед долбили, оттаивали. Там озер масса, но весной воду уже брать нельзя: она соленая... Пришла весна, появились суслики. Стали их ловить, жарить. Шкурку снимешь, выпотрошишь на лопату – и на костерчик из колючек. Нажаришь и ешь без хлеба... Но я всего одного суслика съел. Зато ежиков – трех. Еж, чтобы ты знал, вкуснее суслика. За сусликов стали преследовать, чтобы не ловили – чума может быть. Наказывали за это, но я в тот раз не попался. Меня наказали за другое. После сусликов пить очень хотелось, а воды-то пригодной нет. Вот и попьют водички то этой, то другой – и дизентерия! Лечить нечем, лекарств нет. Пойло какое-то давали, из трав или чего-то еще.

Тифом начали болеть, но тифозных хоть отправляли в больницу, а с дизентерией, с поносами – нет! Поставили сначала одну, потом вторую, потом третью большую палатку, чтобы укрыть больных от ветра. Огородили колючей проволокой – короче, загон сделали. На тележку ставили бачки с баландой и закатывали туда, а они (*больные – Ред.*) сами разливали... У каждого своя посуда была – у кого кружка, у кого котелок. У меня, к примеру, был котелок солдатский. В столовой посуды не было, там даже столов не было, чтобы сидя поесть. Была только раздача. Да и чего там садиться-то? В котелок нальют – стоя выпил и пошел...

Так вот, кто сам себе черпает, а кто не может – товарищ ему зачерпнет, он и выпьет. Покормят, тележку крюком вытаскивают, бачки моют, а посуду, которая у каждого своя, ее-то помыть нечем! Там же воды не было нигде. А жара, а мух – ты бы видел! И эта грязная посуда... Вот и мерли, как мухи. [...]

Когда сажают в карцер, лишают половины пайки. Сутки меня продержали там и утром говорят: «На работу!» Я говорю: «Отдайте хлеб!» – «Не получишь». – «Хлеб не получу – на работу не пойду!» Заупирался, меня

назад в эту яму и продержали до обеда. После обеда лесенку спустили: «Вылезай!» И всех, кто там сидел, человек 7, в тот день отправили курай (перекати-поле) собирать. А вечером опять только полпайки дали: «Ты же наказан!» И заперли меня опять в душегубку. Затолкали туда человек 30, закрыли и ушли до утра. Стучи – не стучи, никто не подходит.

Лежать было нельзя, места хватало только присесть. Но главное не это: там нечем было дышать. Под дверями – узенькая щелка, так мы по очереди возле нее... [...] К утру двое умерли – задохнулись...

[...] Уговорил товарища годом постарше, тоже из нашего села, Федю Клестера. За нами не следили. Курай собирали по оврагам, куда его скатывало ветром. Вот оврагами и можно было уйти... А жрать-то нечего. Я рискнул, пошел в свою землянку, у меня там были валенки – изношенные, но голенища добрые. Отнес в хозбригаду, дали за них полкаравая хлеба. Федя куртку какую-то променял. В котелки воды налили и пошли... Так оврагом и ушли.

[...] Первую ночь переночевали в казахском могильнике. Утром хлебушка поели, водички попили и пошли по степям... Два раза в поезда садились, чтобы домой уехать. Нас ссаживали, милиция ловила. [...]

Набрели на казахский колхоз. Председателем там казашка была – мужиков-то на фронт позабирали. «Кто такие?» Назвались чужими фамилиями. Сказали, что мы беженцы-эстонцы. Она нас пристроила, стали работать. Ей понравилось, как мы работаем, что мы послушные. И нам хорошо – сытые, поправились. Одежку нам дали. Мне-то совсем нечего было одеть. Вместо штанов – просто мешок. Разрезаешь его вдоль посередке, но не до конца, разрезы сшиваешь, по краю пускаешь веревку вместо ремня и получаешь штаны. Да и рубашка худая была. Нам ведь ни спецовок, ни другой одежды не выдавали.

Больше месяца проработали мы у них. Однажды в обед (как раз просо убирали) отдыхаем в тени у кибитки. Вдруг будят. Милиционер! «Кто? Откуда?» Стали лгать. Он говорит: «Не врите! Знаем мы вас! Вас тут много бегают... Я вас в милицию заберу». Председательша попыталась его уговорить, но добилась лишь отсрочки на время уборки. И через неделю мы вынуждены были явиться «с повинной» в милицию. Милиционер нас там постращал-постращал, но назад не отправил. Попали мы на стройучасток. Тот же нефтепровод, только не прокладка труб, а строительство домов. Там уже было получше: все-таки кормили, было общежитие, а не землянки, спецовку выдавали. А в январе нас – 300 человек – отправили под Пермь, в Краснокамск, на лесозаготовки для нужд «родного» Наркомата нефтяной промышленности...

Однажды, в феврале 45-го, привезли на участок кино. Перед фильмом киножурнал – военная кинохроника. Показывают, как немцы забирали молодежь, загоняли в вагоны для отправки в Германию. А я возьми да и скажи: «Этот фильм, наверное, снимали в Чу...» Потому что видел, как забирали наших женщин.

Когда мужчин брали в трудармию, женщин еще не трогали. Их забрали за неделю до нас, подростков. Как раз каникулы начинались, и нас троих послали от колхоза в Чу. Я был на станции, когда их забирали... Женщин – в эшелон,

они не идут. Вырывают из рук детей. Дети орут, матери на себе волосы рвут, а их прикладами заталкивают в вагоны... Женщин брали в трудармию до 45-летнего возраста, если у них не было детей младше 3-х лет. А если три года или чуть постарше, то забирали. Детей, если были родственники, то у них оставляли, а если нет – в детдом.

[...] Вот я и сказал: «Это, наверное, в Чу снимали». На второй день вечером прихожу с работы – милиционер. Пригласил в кабинет начальника: «Вчера кино смотрел?» – «Смотрел!» – «Ты такое говорил?!» Значит, кто-то ему «стукнул»! Рядом сидели все наши и один старичок вольный – пилоправ, станки для пил делал. Так на кого думать? Тогда-то я вообще ни на кого не подумал, это уж потом стал обдумывать...

Ну и забрали меня. Увезли в поселок, потом в райотдел. Там меня в каталажке продержали ночь, а на утро отправили в конюшню за лошадьми ухаживать, чистить их, кормить. И меня кормят тут, в милиции – утром, в обед и вечером. Я думаю: «Вот бы так до конца жизни». Не то, что в лесу.

Пайка-то у нас там 500 грамм была, да баланда утром и вечером. Иной раз дополнительную давали – за норму. Но пайка без приварка – это 500 грамм... А ребята были здоровые. Один из товарищей моих, Федя Фишер, такой верзила! Ему уже 19 лет было, а мне тогда – еще только 17. Он с работы из леса не вернулся, отстал в темноте. Зимой ведь рано темнеет... Утром пошли искать, а от него – «рожки да ножки»! Волков там много было...

А меня тут держат, только никуда не выпускают. Я и спал в этой конюшне. Топчан был на два матраса – на одном спал, другим укрывался. Умыться было чем – лошадей поил, и печка была – овес жарил. Отбыл я там свои полгода и вернулся на лесоучасток...

У нас у всех была мечта: только бы война кончилась – и мы свободны. С матерью (отец к тому времени уже погиб в трудармии) мы списались, что вернемся домой... Не пустили. Застопорили до 56-го года.

В 47-м я работал рядом с военнопленными и часто был за переводчика. Меня предупреждали: «Ты слишком много с ними болтаешь. О чем говоришь?» Я получил от них втихаря 41 фотографию с адресами. В 52-м году жена их сожгла тайком от меня. Сказала, что спрятала, а сама уничтожила. 52-й год тоже страшный был, почти как 37-й. Я так жалею эти фотографии...

Уже здесь, в Перми, разыскал потом целый список лагерей, которые были у нас. По архивным данным нашли кладбище. Наняли специалистов, которые с приборами помогли найти могилы. Там пастбища сейчас. Все определили: могила номер один, два, три... В этой могиле лежит такой-то, в той – такой-то. Все пофамильно. В позапрошлом году приезжала одна студентка из Германии, собирала материал для дипломной работы. У нее дядя был в плену в Краснокамске. Я ей все передал, думал, какой-то интерес будет, однако все глухо. Но я эти материалы все равно храню...

Наши-то люди боялись с ними (военнопленными – Ред.) разговаривать. Говорят и оглядываются, а я – без оглядки. Многие из этих военнопленных работали по цехам. У нас, в мартеновском, они были сталеварами, подручными на печах, на сдаче продукции. [...] Пайка у них была, кажется, 750–850 грамм.

Но утром они хлеб получали, днем им привозили на работу обед, а после работы был еще ужин. А у нас (*трудоармейцев – Ред.*) утром баланда, вечером баланда, хлеб – и все!

[...] Здесь было отделение Краснокамского лагеря военнопленных № 207. Их привезли тогда 700 человек. Бараки хорошие сделаны, жилье огорожено, на территории чистота – они сами даже цветы сажали. Многих потом расконвоировали, они свободно ходили на работу. Работали по 8 часов. После войны, конечно.

Бернгардт: А у вас, дизентерийных малолеток, какой рабочий день был?

Веймар: Рабочий день был 12 часов.

Бернгардт: А какое было состояние психики, какие чувства преобладали? Возраст-то детский был, шутейный.

Веймар: Какие там шутки? Утром в 5 часов подъем. Перекличка – выстроят, пересчитают. В 6 перекличка закончена, в половине седьмого идешь в столовую за баландой. В 8 надо быть на объекте, а до него еще 3–4 километра пешком с инструментом на плечах. Целый день там, вечером, в 8 часов, обратно, под конвоем из бывших раненых фронтовиков.

Бернгардт: А чем мысли были заняты?

Веймар: Тем, чтобы скорее день прошел, да хлебушко бы свой проглотить. Первое время еще подшучивали немножко, а потом уж не до того было. Родных вспоминали, когда совсем тяжело...

Бернгардт: А плакали? Истерики бывали?

Веймар: Я никогда не плакал, и истерик у меня не было, а вообще-то они бывали. Особенно у женщин, молодых девчонок. Они ведь тоже 16-летние были, их на объекты не посылали, они на месте работали. Но работы и им хватало, работали грузчиками.

А я не плакал, просто стоял на своем. Но один раз был такой случай – на лесоповале, в 44-м году. Меня повар обидел в столовой, Вася Кретнин – хромой, с фронта пришел. Хотел он меня обмануть на хлебе. Утром давали по 300 граммов. В столовую приходишь – там уже развешен хлеб и стоит баланда в жестяных чашках. Так вот, он мне эту баланду сунул, я тут же, не отходя от окошечка, ее выпил и жду хлеба. «Чего ждешь?» – «Хлеб!» – «Я ж тебе отдал!» Я говорю: «Вася, ты мне не отдавал хлеб!» – «Нет, отдал!» Вот тут у меня, можно сказать, случилась истерика... А когда успокоился, вышел я, взял какой-то дрын и опять – в столовую. Он стоит на раздаче, я этим дрыном ка-а-ак пихну его. Тот упал. Клава, помощница, в крик: «Ой-ой-ой!» И в это время подъехала заведующая Роза Михайловна: «За что ты его?» Я сказал. Она к нему: «Ты отдавал хлеб?» – «Отдавал». Я говорю: «Вася, я тебя, если не сейчас, то в другой раз (тут я уже не ревел, а просто разозлился) все равно по башке трахну!» А она: «Ладно, успокойся». Взяла и отдала мне хлеб... Это был единственный подобный случай.

Бернгардт: Я спрашивал И. Лиссея: «При такой смертности, наверное, было сильное желание выжить?» – «Никакого, – говорит, – хотелось есть, и больше ничего!»

Веймар: Вот-вот, хотелось есть! А у меня еще все время была обида...

Я ведь любил учиться, учился легко, хорошо, а меня от школы оторвали. Это для меня было обиднее всего.

Г. Рябова

Родина моя, где тебя искать?^[44]

Софья Филипповна Кудрявцева родом из Поволжья, автономной республики немцев. В 1941 году ее вместе с другими выслали в Казахстан, где она с трудом нашла свою семью. А затем в октябре 1942 года, когда началась мобилизация в трудармию, она попала на Урал. Ей было в то время 20 лет, и она поделила судьбу многих немецких женщин, которых, буквально оторвав от семьи, «направляли» на Урал, в Сибирь, на Север и т.д.

В конце 1942 года в Краснокамск Молотовской области прибыло около трех тысяч девушек и женщин, высланных в 1941 году из Поволжья, Украины, Крыма, Кавказа. «В Краснокамске, – говорит Софья Филипповна, – мы строили многие объекты. Одним же из основных был нефтеперегонный завод». Потом закончив специальные курсы, она работала медсестрой в медсанчасти нефтяников, детской больнице, поликлинике.

Прожив долгое время на Урале, она никогда, даже в новое время, не думала о возможности уехать в Германию. Муж Софьи Филипповны, русский по национальности, не хотел об этом слышать. Но родиной своей она по-прежнему считает Поволжье. В душе ее всегда, даже в самое «глухое» время, теплилась надежда на возвращение туда, а главное – на возрождение этого края.

Потрясает ее рассказ о том, как довелось ей в 1973 году приехать в родные места. Процветающее и ухоженное когда-то село ужасало своей заброшенностью и запустением. Многие села были вообще просто стерты с лица земли. Основательные, построенные для долгой и счастливой жизни дома были разобраны на бревна, а большой маслосыропзавод, где Софья Филипповна работала когда-то в юности, являл собою разрушенный и залитый водой остров. Массовое переселение немцев из Поволжья нанесло огромный экономический урон этому краю.

Крым – родина *Петра Петровича Вильмса*, семья которого была раскулачена в 1930 году и выслана в Свердловскую область. В 1933 году отец от голода умер, тяжело заболела мать, а детей отправили в детский дом. Будущая жена Петра Петровича также воспитывалась в детском доме. Для того времени это было горькой обыденностью: дети, лишённые родительского тепла и ласки. В 1942 году П.П. Вильмс был мобилизован в трудармию и попал в «Молотовнефтьстрой». Он занимался нефтеразведкой. За свою долгую трудовую жизнь пришлось ему побывать и в Хохловке, и в Нытве, и ряде других мест Пермской области. Он награжден орденом Трудовой Славы третьей степени. В Крыму он так больше никогда и не был и, в отличие от других моих собеседников, родных мест почти не помнит: ведь увезли его оттуда ребенком. В разговоре с Петром Петровичем мы коснулись еще одной

для многих болезненной проблемы: он, к сожалению, не владеет родным языком. Да и как бы он мог узнать его: оторванный от родных и воспитанный в детском доме. Только теперь получил он возможность хотя бы отчасти приобщиться к немецкой культуре.

Эмиль Фридебертович Бауэр родился в Крыму, в 1941 году закончил первый курс пединститута, был вместе со своей будущей женой направлен на работу. Поженились они 12 августа, а 17-го вместе с матерью и маленьким племянником были высланы на Кавказ. Отца Эмиля Фридебертовича расстреляли еще в 1938 году, а брат был арестован и впоследствии погиб в Гулаге. Брали тогда прямо с улицы: доказательством вины служила немецкая фамилия в паспорте. Так и оказались молодожены в эшелоне, идущем на Кавказ. Там пробыли недолго: приближался фронт. И вот вновь они в эшелоне, и с 17 октября по 21 декабря 1941 года «путешествовали» по стране: везли их в Казахстан.

Конечным пунктом для семьи Бауэр стал маленький поселок в трехстах километрах от железной дороги и в пятидесяти – от границы с Китаем. Оказавшись там с больной матерью, маленьким племянником, с ничтожными пожитками, Эмиль Фридебертович до сих пор с благодарностью вспоминает приютивших их казахов, которые сами жили чуть лучше.

Прожил там Эмиль Фридебертович до апреля 1942 года, затем был мобилизован в трудармию. Попал на Челябинский металлургстрой: здесь были и шахты, и рудники, и лесоповал. По словам Бауэра, это был страшный лагерь со всеми его атрибутами: колючей проволокой, собаками, патрульными. На работу водили под охраной, кормили же ужасающе плохо. Заключение строили домны, ТЭЦ, трудились на лесоразработках... А 6 ноября 1946 года, Эмиль Фридебертович хорошо помнит этот день, комендант выдал ему разрешение ехать домой. Он встретился с женой, которая тоже побывала в трудармии – работала на нефтепромыслах Башкирии, но в связи с плохим состоянием здоровья была отпущена к родным в Казахстан.

С 1975 года Бауэр живут в Краснокамске. За плечами долгая и, несмотря ни на что, красивая жизнь: он проработал в школе 31 год, его жена Берта Самойловна, тоже педагог со стажем 29 лет. Они воспитали троих собственных детей и троих приемных – взяли на воспитание племянников, родители которых погибли в годы репрессий. Двое из них сейчас живут в Германии.

Недавно при оформлении удостоверения ветерана труда сотрудников отдела социальной защиты населения удивил общий трудовой стаж Эмиля Фридебертовича – 72 (!) года: один год в трудармии считается за три. Но и без этого стаж внушительный – 44 года. Единственное, о чем он с горечью говорит, так это о том, что трудармейцы вместе с другими готовили победу, работали самоотверженно. Понимали, что идет война, и все невзгоды относили за ее счет. «Но будь к нам хоть чуточку другое отношение, мы бы горы свернули», – говорит Э.Ф. Бауэр.

Верхнекамье – моя биография

Н. Массольд

За что наказанный народ?^[45]

[...] Нерешение вопросов полной реабилитации немцев вызвало, особенно в 90-е гг., интенсивную иммиграцию в Германию, что наносит не только моральный, но и экономический ущерб России. А герои наших интервью продолжают жить на Верхнекамской земле, за исключением Рудольфа Андреевича Шлегеля, который в настоящее время проживает в Берлине. Он автор книги «Жизнь, душа и сердце», изданной американскими родственниками в США. В этих строках все: и горе, и радость, и жизнь, и слезы, и любовь.

Из воспоминаний *Рудольфа Андреевича Шлегеля*^[46]:

– Прибыли мы на Урал, в Соликамск в феврале 1942 г. в товарных вагонах. Морозы стояли суровые (за 40°), даже в марте отмораживали носы, сначала жили в брезентовых палатках, спали не раздеваясь. Потом нас поселили в огромных грязных бараках вместе с уголовными заключенными. Вокруг колючая проволока, охрана, собаки. За что? За что?... за то, что мы имели несчастье родиться немцами в СССР и говорить на одном языке с фашистами. Охранники с собаками каждый день водили нас на работу. На воротах порохового завода «Урал» висел плакат: «А ты убил немца?». Завод давал продукцию, снаряды и порох. Нас проверяли каждые полчаса. После войны в 1946 г. был отправлен строить Березники.

Наша действительность такова, что мы вынуждены постоянно оглядываться назад, и узнавая, удивляться своему прошлому, прожитым страной десятилетиям, как будто прошумела очистительная гроза, спала пелена, и все заблестело яркими красками. Сегодня многое открылось, и многие биографии человеческих судеб и событий очищаются от умолчаний, запретов, обретают полный вид, драматическое звучание. Как бы это ни было тяжело, в этом нужно разбираться, иначе нам не понять, не увидеть корней нынешних национальных конфликтов и проблем.

Пережитое не забывается, наоборот, с новой силой просится осмыслить его.

В те годы «лишнее слово», необдуманный поступок, национальность могли обернуться против человека.

Ярко раскрывают жизненный путь Рудольфа Андреевича его стихи. Представляем одно из них:

Прощай, Великая Отчизна,
Родня, коллеги и друзья.
В конце счастливой, трудной жизни
В далекий путь собрался я.

В России я родился и трудился.
Любил, и верил, и страдал,
Терпел, надеялся, учился
И счастье трудное искал.

Бывало, страна нас обижала
Несправедливостью своей.
Ссылала, часто унижала –
Так длилось много долгих лет.

И все ж судьба меня хранила,
Сполна был счастьем награжден.
А сердце преданно любило,
Любовью сам не обойден.

Прощайте все, кто мил и дорог.
Спаси, Всевышний, от тоски.
Я покидаю с грустью город,
С названьем милым – Березники.

Жалеть и плакать нет резона,
Прошедшей жизни не вернуть,
Без слез простимся у вагона,
И с Богом – в дальний путь.

Березники, 1999

Из воспоминаний *Ивана Адольфовича Гауса*²:

До войны мы жили на Северном Кавказе, в г. Невинномысске, отсюда отец и старший брат ушли на фронт, и здесь с нами судьба сыграла злую шутку лишь потому, что мы были немцами, семью разлучили. Мать и трех дочерей выслали в Сибирь, а меня отправили на Урал, на лесоповал. С 1942 г. я работал вместе с другими ссыльными на Яйвинском лесоучастке (Усольлаг). Таких «врагов народа», как я, в Яйве было больше 600 человек. Что нам только не приходилось пережить: тяжелые работы на лесоучастке, очень плохое питание, суровые зимы. Из 600 человек впоследствии удалось выжить только 20, а до сегодняшнего времени дожили только три человека, двое живут сейчас в Березниках. Я с ними созваниваюсь, – продолжает Иван Адольфович, лицо его при этом светлеет. – Мы часто общаемся, ведь нам есть, что вспомнить. Мы – те немногие счастливики, которым удалось выжить и дожить до сегодняшних дней.

До 1957 г. Иван Адольфович находился на спецпоселении, вскоре он приезжает в Усолье и работает строителем, сначала плотником, затем бригадиром, потом мастером. С гордостью бывший строитель говорит о тех стройках, в которых принимал участие. Это вся центральная часть нашего

города, да и «бывший строитель» – понятие не совсем подходящее к этому доброму и обязательному человеку. Он и сейчас откликается на просьбы, дает ценные советы, оказывает необходимую помощь. За свой труд Иван Адольфович награжден медалями и почетными грамотами. Он входит в состав комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Часто выезжает в район, общается с реабилитированными, помогает всем, чем можно, к каждой просьбе он относится с вниманием, так как не понаслышке знает о нелегкой судьбе тех, кого сейчас мы называем репрессированными.

Из воспоминаний *Гермины Васильевны Бассауэр*, 1923 г.р., жительница села Романово Усольского района^[47]:

– Моя семья жила в селе Пазель, сейчас это Подлесовский район Саратовской области. Отправили нас сначала в Казахстан, а в 1942 г. в трудармию под Ныроб – Чердынский район Молотовской (Пермской) области заготавливать лес. Мы плавали на «глухарях» (специальный плот для сплава ценных пород деревьев) к месту назначения до Соликамска или Керчево, а обратно к Ныробу около 100 километров шли пешком по тайге. Снизу плота в обвязке был обычный лес, а внутри – ценный. Получалась целая башня. Чтобы ее притопить, сверху укладывали березу, она тяжелая. На рейде в Керчево или в Соликамске «глухарей» заключенные вылавливали тросами. Не дай Бог, соскользнет трос с бревна, без головы можно было остаться. Когда нас выслали, мне было 19, а сестре – 16 лет. В войну было очень трудно: и холодно, и голодно. В 1946 г. нас перевели в поселок Палашер Усольского района, там я вышла замуж.

Самовольные отлучки из трудпоселка считались дезертирством, но нам повезло, у нас было хорошее начальство, к нам относились хорошо, потому что мы работали хорошо (всегда перевыполняли план). Среди работников НКВД люди были разные. Мы были далеко от центра, проверки были не частые, и начальство относилось к нам не столь жестко, как в других поселениях. В Палашере в то время проживало 17 национальностей, высланных со всего Советского Союза. Поэтому мы, немцы, по тем суровым временам не считали себя очень обделенными. Другим было еще хуже, мы то свыклись с суровыми природными условиями, а в соседних поселках вымирали целыми партиями: узбеки, калмыки, крымские татары и другие южные национальности. Подтверждением тому служат два больших кладбища спецпереселенцев на территории с. Романово и с. Вогулки Усольского района.

Вспоминает *Мария Филипповна Гаан*, 1925 г.р., с. Романово, Усольского района^[48]:

– Выслали нас из Саратовской области в 1941 г. в Казахстан. Привезли на пустое место. Потом разместили в поселке по 2–3 человека к местным жителям. Наша семья из шести человек была разбросана в 5 местах. Потом мама нашла землянку, мы обмазали стены глиной и стали там жить. Мы четверо спали на печи, а мама – на сундуке, отца и брата забрали в трудармию, где они были, мы не знали. Далее нас ожидала та же участь.

– *Как к вам относилось в Казахстане местное население?*

– Боялись нам помогать, и вообще нам там было очень плохо, выслали нас с теми вещами, что можно было взять в руки. Когда закончились деньги, ни соли, ни спичек у нас не стало, мы ходили по дворам и просили уголек, чтобы растопить печь и погреться, но редко, кто давал – боялись. Выслали же нас, наверное, за то, что мы жили в Поволжье очень богато, урожай выдался большой, не знали, куда девать зерно, много было скота, хороший большой ухоженный дом. Все это осталось там. А в Казахстане нам приходилось и голодно, и холодно.

В трудармию мы попали в 1942 г. Рядом с Березниками, был лагерь заключенных, нас поселили в большой барак вместе с заключенными (уголовниками). Ночью наши женщины дежурили по очереди, не пускали заключенных к нам, потом нам построили два барака и отделили от заключенных. Было очень сыро и холодно, с потолка капало, стены мокрые. Спали мы все вместе, прижавшись друг к другу, так было теплее.

Заключенные копали торф, а мы его вывозили на поля. Сани были такие, как для лошадей. Двое впрягались спереди, а третья толкает сзади. Чтобы обратно не идти «порожняком», нам грузили шпалы для железной дороги (плачет), мы «лошадьми» работали, летом босиком ладно, а зимой приходилось очень трудно, давали лапти, валенки не давали, еще были «байбаки», они до сих пор у меня хранятся. Видите, какие у меня ноги (показывает распухшие ноги), сейчас мне ходить очень тяжело – ноги болят.

– *Какое было питание?*

– Баланда. Ложку не надо было, иногда кусок от селедки плавал или зернышки пшеницы, а вот если на рейс больше сделаешь, то хлебушка давали побольше, когда и кусочек сала. Мы были в бараке вместе с пожилыми, они не могли так работать, как мы, кормили их поэтому еще хуже, но когда выпадало нам побольше, мы обязательно с ними делились.

В 1946 г. вывезли нас на поселение в поселок Палашер на лесоповал, там мы валили лес вручную: были пилы лучковые да топоры. Там в 1947 г. я вышла замуж за Горн Андрея Андреевича. Муж у меня был хороший, работал безупречно, имеет много грамот, награжден орденом Трудового Красного Знамени, а представили его сначала к ордену Ленина, но почему-то не дали. Детей вырастили пятерых. Растили очень трудно: не было пеленок, молока, манки, – а все-таки всех подняли, все стали хорошими людьми. Андрей Андреевич умер в возрасте 87 лет, мы с ним прожили очень дружно в любви и согласии, чего я желала бы и сегодняшней молодежи. Нам было очень трудно, но люди тогда были намного добрее друг к другу, чем сейчас, наверное, потому мы и выжили.

Мария Филипповна, на семейных фотографиях очень много кроватей, и все они очень опрятны. Правда ли, что лицо немки даже на поселениях определялось по печке и кровати?

Да, конечно, мы старались сохранить свои традиции, печку белили каждую неделю, матрацы и подушки были из сена и соломы, а потом из ваты, но мы их украшали различными вышивками и кружевами, поэтому получалось опрятно и красиво. Да и вообще мы берегли свою родную культуру, прежде

всего, язык и традиции, у меня до сих пор хранится библия на немецком языке, которая досталась мне от прапрабабки. Мне привозят немецкие журналы и газеты из Соликамского центра немцев «Возрождение». Я этому очень рада. Недавно в одной из газет я увидела статью о своей родине в Поволжье, где я родилась – Конта Шиллинг – и мне все вспомнилось вновь. Я очень вам благодарна и признательна, что вы занялись нашей проблемой, ведете поиск.

Спасибо еще за то, что не без вашего участия комитет социальной защиты оказал мне материальную помощь (в которой я очень нуждалась) на ремонт квартиры.

В ходе нашей поисковой работы мы познакомились еще с одним бывшим трудармейцем – *Эдвином Александровичем Грибом*. Имя его на слуху у всех жителей Боровска и Соликамска, Березников, да и в Перми его знают. Он – председатель Соликамского центра Возрождения немецкой культуры. Вот его рассказ^[49]:

– 5 сентября 1941 г. меня призвали в Красную Армию, а 24 сентября был уже здесь на Урале. Откуда нам было знать, что мы станем так называемой трудовой армией. В сентябре-октябре нас еще учили военному делу, а с ноября мы уже только работали и работали каторжно. У меня, как у помкомвзвода, было в подчинении 50 малолеток от 15 до 17 лет. В 1942 г. в трудармии появились дополнительные строгости: охрана нас перестала выпускать из зоны. Хуже всего приходилось людям постарше или тем, кто уже успел повоевать: их почему-то лишали наград, заставляли копать землю, строить и безупречно подчиняться всем приказам. Мы не могли понять причин этих строгостей, в чем мы провинились, за что? С 1943 г. я был назначен специалистом по технике безопасности на кирпичном заводе Соликамскстроя НКВД. Директором завода был Дмитрий Павлович Щеткин. Раньше он был заместителем начальника ОГПУ Казахстана, и в Соликамск его выслали как заключенного. Когда срок его истек, он был назначен директором кирпичного завода, образование у него было начальное, но он был очень талантливым организатором и руководителем, люди его любили. Когда его назначили директором, он старался выявлять среди немцев грамотных людей и помогал им.

В 1944 г. судьба меня связала с лесозаготовительным комбинатом. Война миновала, а строгость в отношении советских немцев не проходила. С 1947 г. мы стали все спецпереселенцами – это означало, что мы никогда не сможем вернуться на прежнее место жительства и должны жить в одном городе без права выезда, и отмечаться ежемесячно в спецкомендатуре. Если нарушишь условия – получишь 15 лет, а семью сошлют в Сибирь. Это незримое клеймо я ощущал на себе до самой смерти Сталина. Уже потом снова окончил вечернюю школу на одни пятерки и поступил в Северо-западный институт в Ленинграде.

Вся жизнь Эдвина Александровича связана с Верхнекамьем. С 1960 г. он возглавлял отдел капитального строительства, а последний десяток лет занимал пост заместителя директора лесозаготовительного комбината по капитальному строительству. Являлся депутатом горсовета, председателем постоянной комиссии по строительству. К нему так привыкли, что, кажется, и внешность его с годами не меняется. У него уже дети имеют свои семьи (к сожалению, сын

трагически погиб). Подтянутый, спокойный, внимательный, он всегда приходит к людям на помощь.

Благодаря знакомству с этим удивительным человеком нам удалось раскрыть неизвестные страницы бывшего кирпичного завода, находящегося в Усольском районе, селе Пыскор. Бывший кирпичный завод подчинялся Соликамскстрою.

Мы стали искать очевидцев тех событий, и оказалось, что Массольд Филипп Яковлевич (мой дедушка) тоже работал там. Начальник нашего краеведческого лагеря Зеленина Валентина Абрамовна рассказала в своих воспоминаниях о том, как там изготовляли кирпич, который шел, прежде всего, на строительство заводов и жилых зданий. Валентина Абрамовна – дочь бывшего трудармейца Энц Абрама Исааковича. Именно эти воспоминания и побудили нас начать поиск неизвестных нам страниц истории села Пыскор, и в частности кирпичного завода, так как на нем работали трудармейцы, а впоследствии спецпереселенцы. Кирпичный завод сыграл немаловажную роль в строительстве г. Березники и заводских объектов.

Судьба многих немцев, высланных в Верхнекамье в 30–40–50-е гг., связана с этим заводом. Двадцать из них остались здесь навсегда, Урал стал для них второй родиной. До недавнего времени об этом даже не принято было вспоминать, не то, что говорить. Люди старались забыть те годы, как страшный сон. Да и сейчас они говорят о прошлом с осторожностью (многих уже нет в живых), страх присутствует до сих пор. И вот мы – внуки тех, кто пережил весь этот кошмар, пытаемся достучаться до правды. К счастью, нам удалось восстановить частично, по воспоминаниям жителей с. Пыскор, казалось бы, утерянную навсегда историю кирпичного завода. Этим до нас не занимался никто. Собрано очень много материала, который будет передан в Усольский муниципальный краеведческий музей.

Воспоминания о *Массольд Филиппе Яковлевиче*^[50]:

Родился Филипп Яковлевич 15 ноября 1921 г. на Украине, на хуторе Малый Вердер Черниговской области. Он окончил семь классов и пошел работать в колхоз учетчиком тракторной бригады. Когда началась война, молодежь просили помогать в погрузке вагонов для эвакуации жителей: детей, стариков, раненых. А потом забрали всех жителей немецкой национальности с вещами, которые они могли взять в руки, и тоже стали отправлять в тыл. Филиппу тогда не было еще и двадцати, он попал в Боровск Соликамского района на строительство порохового завода «Урал». Производство было засекречено, на заводе их держали под конвоем с собаками. Когда завод был построен, его отправили работать на лесозаготовки. С Филиппом был в Боровске Иван Яковлевич Лебольд и Евгений Антонович Вагнер, ставший впоследствии ректором Пермского медицинского института, почетным гражданином Перми, Березников, Пермской области.

После войны Массольд и Лебольд были направлены в с. Пыскор на кирпичный завод. Здесь они тоже находились под надзором, каждый месяц отмечались в комендатуре. И.Я. Лебольд, когда был реабилитирован, решил уехать с семьей в Германию. Перед отъездом он пришел к Филиппу

Яковлевичу попрощаться. Они со слезами вспоминали трудные военные годы, о том, как делили последний кусок хлеба, как выживали в те суровые зимы, претерпевая холод, голод, унижения. Лебольд и Вагнер тогда работали в лазарете, там каждый день умирали трудармейцы. По приезде в Пыскор дедушка и Лебольд работали на кирпичном заводе. На заводе во время войны работали трудармейцы, а после войны спецпереселенцы: немцы, власовцы и калмыки.

Кормили трудармейцев в основном баландой, распределение хлеба шло таким образом: за невыполнение нормы – 300 г, за выполнение – 500 г, а за перевыполнение – 700 г. Стояли бочки с настоем хвои, который обязательно надо было пить. Умирали в основном от истощения и холода.

Работали в две смены: первая – с 7 часов утра до 19.00, вторая – с 20.00 до 7 часов. План практически перевыполняли всегда. Несчастные случаи на производстве были частыми. Когда в 1947 г. вышел Указ о спецпоселении, многим просто некуда было уезжать, они остались в с. Пыскоре и начали работать как вольнонаемные и даже некоторые занимали руководящие посты. Например, в 1949 г. директором был Беккер (немец), главный мастер Круч Давид, бухгалтер тоже немец. На заводе остался работать Энци Абрам Исаакович, в Пыскоре он жил до 1964 г., уехал в Молдавию, а потом в Канаду.

Многие немцы женились на русских. Смешанные браки были разрешены, но официально до 1957 г. не регистрировались, не разрешалось брать фамилию мужа (немца), девушки, решившие связать свою судьбу с немцами, подвергались осуждению: их «поведение» разбиралось на комсомольских собраниях и всевозможных комиссиях. Поэтому даже в создании семей немцам чинились различные препоны, и нужно было иметь немало мужества русским девушкам, вступающим в смешанный брак.

Эдвин Александрович Гриб говорит: «Если бы не русские девушки, женщины, которые впоследствии стали подругами нашей трудной жизни, нас бы осталось еще меньше. Мы преклоняемся перед величию души русской женщины. Только русские женщины, наверное, могут быть декабристками». В этих браках рождались дети и, как правило, они стали хорошими добрыми людьми: учителями, врачами, военными, строителями, инженерами, учеными, музыкантами.

Отличительной чертой немцев во все исторические времена было трудолюбие, об этом свидетельствуют страницы книг Почета местных предприятий, ордена и медали бывших трудармейцев (в том числе и наших героев). За скупыми словами исследуемых нами кратких биографий сложные, драматические судьбы, полные испытаний, надежд, разочарований и побед. И в заключение хотелось бы привести стихи поэта Виктора Бокова, которые в полной мере отражают судьбы этих людей:

Жизнь угощала меня шоколадом и шомполами,
Медом и горечью, порядочными людьми и сволочью,
Истиной и заблуждением,
И проволочным заграждением!

Это меня тюремный Кощей
Держал на порции хлеба и щей.
Выстоял,
Выдержал,
Переварил,
Через такие горы перевалил,
Каких не знала еще география.
Урал – Верхнекамье –
Вот моя биография.

Т.П. Богер

Лагерный пункт в Усть-Язьве^[51]

Родился [я] 5 октября 1916 года в селе Воронцовка Ейского района Краснодарского края.

По окончании школы в 1935 году поступил в Энгельский техникум советской торговли, однако, проучившись две четверти, был исключен из техникума. Поводом для этого послужило письмо председателя колхоза, направленное в техникум, в котором последний просил исключить Богера Т.П. из техникума, поскольку этот Богер – сын кулака, который имеет 200 десятин земли, лошадей до 20 штук, молотилку и прочий инвентарь.

Вот так я был первый раз репрессирован.

В 1936 году, когда Сталин объявил, что «сын за отца не отвечает», я получил вызов из техникума с предложением продолжить учебу, чем я и воспользовался. Окончил техникум с отличием.

14 августа 1937 года был арестован мой отец, как и многие мужчины нашего села.

Мой старший брат Петр 1915 года рождения учился на 3-м курсе Ейского механического техникума. 31 декабря 1937 года он приехал домой к маме, чтобы вместе встретить Новый год. И тут снова облава. Забрали по списку НКВД всех мужчин села от 18 лет и старше. И надо же было такому случиться: мой дядя, который был в списке на арест, как раз собрался свою беременную жену везти в больницу рожать. Слуги НКВД растерялись, что делать – спрашивают – нет ли кого из знакомых, кто мог бы отвезти тетю в роддом? Бабушка и лягнула, что приехал племянник-студент. Проверили список – Петр в списке не значился – и поручили ему отвезти тетю в больницу. А утром 1 января 1938 года брата арестовали, дописав карандашом его имя в список.

На мои неоднократные запросы о судьбе родителя, его братьев и моего брата был всегда один ответ: «Осужден тройкой на 10 лет и лишен права переписки, отправлен в дальние лагеря». Фактически же все они были расстреляны, а посмертно реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Из всех арестованных села Воронцовка живым возвратился только один – это мой дядя, брат матери. Он отсидел 10 лет на Соловках. За что был осужден,

так и не сказал – дал подписку о неразглашении – тайну наказания унес с собой в могилу.

Война застала меня на советско-германской границе. Я служил на Западной Украине в городе Красноармейске (бывшая Радзевилровка). В первый день войны наша часть подверглась бомбардировке, нас срочно собрали и стали отводить на восток. Передвигались в основном ночами. Привалы делали часто на кладбищах у церквей – в первые дни войны фашисты по храмам не стреляли. В деревне Почаево у нас ночью был привал, на кладбище у церкви (костела). В 4 часа утра мы собрались в путь, во время завтрака раздался колокольный звон и тут же налетели немецкие «мессершмиты» и стали нас обстреливать и бомбить. И так мы передвигались под обстрелами до станции Белая Церковь (под Киевом), где при посадке на платформы нас последний раз обстрелял «мессер». А фашистов за время своего участия в войне мы так ни разу не видели.

В Неклиновке (под Таганрогом), куда мы прибыли для переформирования, нас, немцев, демобилизовали и отправили на спецпоселение в Быстро-Истокский район Алтайского края.

Семья – мать, сестра, младший брат, дедушка 96-ти лет и бабушка были высланы на спецпоселение в Кемеровскую область.

26 января 1942 года я был мобилизован в трудовую армию. Из города Бийска, где формировался эшелон с трудармейцами, нас направили в Соликамск на работу в «Усольлаг». Из Соликамска нас конвоировали в лагерный пункт Усть-Язьва, 110 км шли пешком под конвоем. Усть-Язьва встретила лагерь, обнесенным колючей проволокой. Бараки были оборудованы 3-х ярусными нарами с ужасным количеством клопов. 1 марта 1942 года с нами провели беседу, разбили повзводно и под конвоем повели в лес на заготовку древесины. В качестве обуви нам выдали чуни и калоши из автомобильных шин.

При выполнении нормы выработки трудармейцы получали паек: 600–700 гр. хлеба и 2-х разовое питание. Из леса старались не выпускать, пока не была выполнена норма. Тем, кто не мог выполнить норму, давали хлеба по 300 гр.

Трудармейцы в основном были жителями южных районов страны и многие, особенно в первую зиму, не смогли выдержать суровый климат Северного Урала. Смертность была очень высокая.

В апреле 1942 года, видимо по указанию высшего лагерного начальства, из лагерного пункта Усть-Язьва была откомандирована в «Ныроблаг» большая группа трудармейцев – порядка 700 человек. Ответственным за переброску заключенных был назначен главный инженер лагпункта Мочалов. Так вот эта нелюдь додумалась отправить полуголодных, плохо одетых людей в железной барже, в наглухо задраенных трюмах, по только что вскрывшейся Вишере. Когда баржу довели буксиром до Ныроба, в живых из заключенных никого не осталось, все замерзли. Мочалова в наказание отправили на фронт, говорят, что служил в особом отделе и вроде даже орден получил. И было нас из Воронцовки 7 человек, вместе мы служили в одной роте, вместе бежали от

западной границы, вместе попали в трудармию, а вот на ту баржу попали только 4 человека. Я до сих пор помню их всех поименно. Такая вот была в моей жизни «баржа смерти».

В 1946 году нас перевели на положение спецпоселенцев как лиц немецкой национальности и подчинили спецкомендатуре. Каждую неделю всей семьей мы должны были отмечаться у коменданта. Отлучаться от места поселения дальше, чем на 5 км не разрешалось, нарушение каралось карцером или даже судом.

В послевоенные годы на Усть-Язьву начали приезжать семьи бывших трудармейцев. Моя же семья, учитывая, что и сестра и младший брат были инвалидами детства, приехать ко мне не могла. Работал я в то время благодаря полученному образованию главным бухгалтером сплавного рейда и был одним из немногих спецпоселенцев, кто имел на руках паспорт и пропуск для поездок по Пермской области. И решился я на авантюру. Надо сказать, что комендантами в нашем поселке были разные люди, встречались нормальные, а были и такие идиоты, что запрещали даже гулять по поселку. Так вот, находясь в хороших отношениях с одним из комендантов, уговорил его дать мне пропуск для поездки к матери, в Кемеровскую область. Написал он мне бумагу, но предупредил, мол если тебя поймают, то на меня не ссылайся. И пустился я в эту опасную дорогу. Добрался до матери без проблем, погостил у них, а вот на обратном пути прихватил меня на вокзале в Новосибирске патруль НКВД. Стою я перед дежурным, а он сидит и ноет, тянет из меня подачку. Пришлось сунуть ему новенькую пятидесятку (как раз шла денежная реформа) и сразу получил я «зеленый свет», но почувствовал себя в безопасности, только приехав в Пермь.

По указу ПВС СССР от 26.11.1948 г. я был «оставлен на спецпоселении навечно в местах обязательного поселения без права возврата к месту прежнего жительства» (цитата приведена из справки о реабилитации). Затем, 11 января 1956 года, был снят с учета спецпоселения на основании Указа ПВС СССР от 13.12.1955 г.

Когда в 1964–66 годах из поселка выехали многие, да почти все, выжившие трудармейцы, переписывался с земляками, ездил к ним в гости на Кубань, тогда и узнал, что директива «...без права возврата к месту прежнего жительства» действовала еще очень долго, а может, действует и сейчас. Ни один из моих земляков в родную Воронцовку так и не вернулся, а двое трудармейцев, уроженцы Поволжья, были выдворены из родного села в 10-ти дневный срок, хотя там и жили их родные сестры, вышедшие замуж за русских.

Э.Э. Кох, М.Г. Фрик, П.Г. Фрик

Жизнь по чужому сценарию¹

В октябре 2002 г. мы встретились с Эллой Эмильевной Кох. Беседа состоялась очень интересная и трогательная. Она рассказала нам о себе, о препятствиях, стоявших у нее на жизненном пути, о поворотах судьбы,

которые сопровождали ее всю жизнь. Не менее интересной оказалась беседа с ее дочерью и сыном.

Рассказ Эллы Эмильевны Кох:

– Я родилась в 1918 году в немецкой колонии Елениндорф (г. Ханлар, Азербайджан) в семье крестьян, относящихся к пятому поколению немцев из Вюртемберга (Германия). Екатерина II «агитировала» немецких безземельных крестьян-бедняков приехать в Россию и, получив землю, где они хотят, заниматься сельским хозяйством (виноградарством, земледелием). Крестьяне поверили и поехали в Россию в фургонах (на лошадях), дорога была очень трудной, и по пути многие умерли. Некоторые немцы остались в Саратовской и Волгоградской областях, другие – в Крыму и Северном Кавказе.

Мои предки пошли в горы Закавказья, в Азербайджан. Здесь им выделили землю как переселенцам. По рассказам родителей, местное население в первые годы оказывало переселенцам сопротивление, но постепенно они привыкли к приезжим трудолюбивым немцам, подружались с ними, и в конце XIX – начале XX веков немцы стали жить хорошо. Многие из них стажировались в Германии в качестве врачей, виноделов, агрономов, потом возвращались обратно в немецкие колонии России.

Вначале крестьяне, приехавшие в Россию, в Азербайджане жили в землянках, потом стали строить дома из глины, затем – из кирпичей и, наконец, вырос город – Елениндорф с прямыми улицами, центр немецкой культурной сельской колонии. Здесь были клубы, кинотеатр, больница, роддом, церковь, и даже духовой оркестр, летний парк и многое другое. В начальную и реальную школы приезжали учиться дети из соседних городов и из Грузии.

У нас был большой дом, построенный из каменных глыб, – три комнаты. Мы каждый год свой дом подкрашивали. Люди, которые там бывают, говорят, что сейчас все запущено. В пристройке находилась большая печка, мама сама пекла хлеб, всегда была своя мука. Мы выращивали пшеницу, виноград, груши, перед домом росли ореховое дерево, инжир. Всегда держали лошадь, две коровы, теленка, свиней, поэтому сами делали колбасу.

Во дворе жил столяр, который делал мебель, и у нас была очень хорошая ореховая мебель: стол, стулья и др. Был настоящий водопровод, и для поливки провели воду, сделали пруд, и купались там, так как речка была далеко.

Меня, сестру и брата учили играть на пианино марки «Рониш», учительница ходила к нам домой. Летом родители нам не давали отдыхать: мы постоянно вязали крючком, вышивали.

В 1925 году я поступила учиться в Ханларскую школу, окончила ее в 1936 году и сразу же поступила в Бакинский университет, который окончила перед войной в 1941 году по специальности – биохимия.

В октябре 1941 г. нашу семью – родителей, троих детей, бабушку и тетю – выселили в Казахстан.

Подогнали грузовые автомашины, разрешили взять с собой столько, сколько могли унести (продукты, одежду, обувь, постельные принадлежности, домашнюю утварь) и повезли до станции Ганжа (Кировабад). Разместили нас в товарные вагоны и отправили в Баку. Оттуда повезли на баржах в Красноводск.

Мы находились на палубе, даже пели песни, нас было очень много, и нам всем обещали, что мы скоро вернемся. Забыла, как долго плыли через Каспий, помню только, что были большие волны (шторм). В Красноводске ночевали на берегу Каспийского моря, а утром в телячьих вагонах, битком набитых людьми (стариками, детьми всех возрастов, в том числе грудными), нас повезли в Казахстан, Акмолинскую область – ехали целый месяц (ноябрь).

В дороге давали черный хлеб (кирпич) по 400 г на человека, похлебку из зеленой капусты, сваренную с головой селедки – один раз в сутки. На остановках мы брали кипяток, и пили чай со своей едой, которую взяли еще из дома. Приехали на место уже зимой. Было очень холодно. Вагон отапливался одной печкой (из железных листов маленький ящик с трубой). Тут же в вагоне сушились детские пеленки. А в туалет мы бегали в поле – степь бескрайняя, негде было спрятаться – девочки бегали подальше от вагона. Довезли нас до станции Колутон, всех разместили по саням и развезли в аулы. Наша семья была оставлена в Колутоне. Местные жители – казахи, у которых мы жили в ауле Энбек, совершенно не знали русского языка. Но приняли нас по-доброму, отделив половину юрты.

Начался новый учебный год, я работала в школе. В январе 1943 г. в Колутоне была учительская конференция. Я возвращалась на санях домой, вдруг услышала среди снегов папин голос: «Эля! Иди к нам!» Оказалось, что он вез трех девушек на сборный пункт в Акмолинск (Акмола), и меня повез туда же вместе с ними... С собой у меня ничего не было, кроме продуктов, которые папа взял для меня из дома (хлеб мама забыла положить). Несколько дней мы ночевали в школе; потом нас посадили в товарные вагоны и везли в неизвестном направлении целый месяц. Было голодно и холодно, на остановках бегали за кипятком – сущий ад!

Наконец-то привезли в город Молотов, пересадили в другие товарные вагоны и повезли в Соликамск. Из Соликамска отправили в сторону села Березовая Старица (Чердынский район, левобережье реки Вишеры, севернее поселка Губдор).

Поселили в освобожденной от заключенных зоне, в бывшие зековские бараки, на двухэтажные нары. У меня был второй «этаж», наверху, куда было трудно карабкаться после тяжелой работы в лесу, особенно, когда надорвала и повредила позвоночник.

В первые лагерные месяцы меня поставили на очистку туалетов, оставшихся после заключенных, дали кайло в руки, и надо было долбить лед, потом этот «навоз» вывозили на поля для удобрений.

Скоро нас перевели на лесоповал, норма – один кубометр на человека. Десятник-надзиратель повез нас в лес, а мы были одеты, кто как: на прохудившиеся валенки, взятые еще из дому, надели лапти; дали нам бушлаты и ватные штаны, у меня была меховая шапка-ушанка, которую я сшила себе в Казахстане, и пошли мы первый раз по сугробам в тайгу, долго-долго шли. Выдали пилы с двумя ручками и топор. Пилить мы не умели, со временем сами научились. Нам никто не подсказал, что сначала надо сделать зарубку на дереве, а потом по ней пилить, чтобы дерево упало в другую сторону. Через

несколько дней я получила травму правого глаза (не успела отпрыгнуть, ударило елкой), глаз заплыл, лицо долго было опухшим, меня не освободили от работы, а отправили в столовую (мыть посуду). В больницу я не поехала, чтобы не потеряться от своих. Когда «поправилась», меня снова определили на лесоповал.

Весной 20 человек – девушек и женщин, в том числе меня, отправили на сельхозработы. Агрономы – заключенные-мужчины, дали нам работу в теплицах, они помогли нам выжить, после лесоповала эта работа была не тяжелая. Меня поставили нарядчицей. Жили в тех же бараках в Березовой Старице. Посылали нас и на другие работы. Осенью мы снова были на лесоповале. Спеленный лес затем спускали в реку Вишеру.

В 1944 году прибыла медицинская комиссия, узнала, что я окончила университет, имею специальность биохимика, и меня назначили лаборантом в поликлинику Усольлага. Сначала отправили в Мошевскую поликлинику для стажировки на один месяц, а затем я стала работать лаборантом в Соликамской поликлинике УВД.

Жила с одной трудармейкой в бараке, дали комнатку-лабораторию, в которой постепенно появились все необходимые приборы (микроскоп и др.) для выполнения анализов. Потом мне дали в помощь одну лаборантку, а потом вторую, и лаборатория стала из двух комнат. До конца войны я работала в Соликамской поликлинике. Жила в 7 км от Соликамска, в Колпе, в избушке вдвоем с пожилой поселенкой. Паспорта не имела.

Сестра моя, Кох Рената, находилась тоже в трудармии, в семи километрах от меня, она работала на Соликамском бумкомбинате, в поселке Боровск. Бытовые условия у нее были лучше, чем у меня. И я стала просить, чтобы меня как мобилизованную перевели к ней на бумкомбинат, заверяла начальство, что буду работать добросовестно. Моя просьба была удовлетворена.

В сентябре 1947 года я обратилась к начальнику управления МВД капитану Левинсону о вызове сестры Ильзы из Казахстана в Соликамск. Когда получила разрешение, сестра приехала к нам.

В августе 1949 г. написала заявление начальнику управления Усольлага МВД полковнику Семенову, чтобы разрешили приехать в Соликамск моему брату, Коху Вернеру Эмильевичу, который находился в это время в Московской области. Объясняла, что наши родители-старички находятся сейчас у меня и выехать им, как поселенцам, отсюда нельзя, поэтому желательно, чтобы и брат переехал сюда.

После окончания войны я пошла к главному начальнику Усольлага, и он направил меня оформлять документы для получения паспорта. Вольнонаемные сотрудники в поликлинике нашли для меня комнату в частном доме в г. Соликамске, я стала получать зарплату, работала в поликлинике до 1960 г. Отмечалась каждый месяц в комендатуре до 1956 г., без разрешения никуда нельзя было выезжать.

В 1946 году вышла замуж за трудармейца – архитектора Фрика Готлоба Готлобовича, работника ОКСа г. Соликамска, у нас родились дети, и появилась своя квартира – финский домик.

В 1960 году мы переехали в г. Пермь, получили хорошую благоустроенную квартиру в новом пятиэтажном кирпичном доме. К нам приехали мои родители, у меня была работа врача-лаборанта в поликлинике УВД, где я работала до 1986 года (медицинский стаж у меня – с 1943 года).

Реабилитацию получила в 1993 году.

Мне повезло в личной жизни, мой муж был очень хороший человек. У меня двое прекрасных детей: сын и дочь – и трое внуков.

Когда мы были молодыми, то надеялись, что война кончится, и мы вернемся на родину – в Закавказье. К сожалению, судьба распорядилась жестоко по отношению к немцам – нам не разрешили выезд на родину. Зла у меня на судьбу нет, несмотря на все страшные эксперименты государства с советскими немцами, жизнь шла своим чередом. Кто виноват в этом? Сталин, которого нет?

С позиции нынешнего времени, нам «повезло», что мы оказались на Урале. Что произошло в СССР в конце XX века? Что сейчас происходит на Кавказе и в Казахстане? Большинство немцев выехали из этих мест в Германию.

Мы, старшее поколение, не забыли немецкий язык и культуру, а вот внуки уже обрусели и не хотят знать языка своих предков. Дети и внуки в Германию не рвутся, я туда тоже не поеду, потому что там всё и все чужие.

Я не знаю, в кого я верю, но сама пришла к выводу, что нужно во что-то верить, возможно, где-то есть какая-то неземная сила, невидимая нам, которая нас охраняет. В Перми есть немецкая церковь, и я туда ходила, пока приезжал немецкий пастор из Германии, и я с ним могла разговаривать на родном языке. Теперь у нас новый пастор, получивший образование в духовной семинарии Санкт-Петербурга. Он плохо говорит по-немецки, я его совсем не понимаю и не могу его слушать.

Рассказывает Маргарита Готлобовна Фрик (дочь):

– Я родилась в июле 1950 г. в г. Соликамске Пермской области в немецкой семье спецпоселенцев. В отличие от других российских немцев у нас была полная семья: дедушка, бабушка, мама, папа. Наш финский домик был в очень хорошем состоянии, и в те годы считалось, что он лучше, чем деревянный дом. Мои родители были относительно хорошо устроены (оба специалисты с высшим образованием), им было разрешено вызывать родственников. Поэтому с нами жили и мамин брат, и мамина сестра. В нашем доме бывало довольно много русской и немецкой интеллигенции. Дома говорили на немецком языке. Отец говорил, что «русский дети выучат, а дома будем говорить на немецком языке». В детский садик мы не ходили. Бабушка с дедушкой говорили с нами на немецком языке.

Русский алфавит мы знали до школы, хотя в те годы считалось вредным учить детей писать и читать. Читали Маршака, Барто и Маяковского, я знала наизусть все книжки. Игрушки были обыкновенные, но поскольку папа часто бывал в командировках в Петербурге, то привозил больших пупсов. Дядя работал фотокорреспондентом, и в газете «Соликамский рабочий» однажды

опубликовали фотографию, на которой была я с моим братом – «Ты слушай, я читаю». Сейчас она висит у мамы в комнате на стене, увеличенная.

В нашем огороде были стеклянные парники, росли диковинные растения, вплоть до физалисов и клубники, в отличие от огородов местных жителей, где были только лук и картофель. У нас с братом Петей был свой участок, который считался нашей цветочной грядкой, на ней мы пололи, поливали, сеяли. Это не было для нас в тягость. Всегда в хозяйстве держали свинью. В детстве коза была, а также жила с нами кошка 16 лет. Родители сами делали колбасу, коптили сало. Папа и мама были очень мудрыми, на нас никогда не повышали голос, никогда не наказывали. У них были очень хорошие и красивые отношения. Характеры – мой и брата – похож на отцовский.

Наша начальная школа г. Соликамска – деревянное здание, но очень уютное. В те годы в Соликамске было много репрессированной интеллигенции, людей необыкновенных. Видимо, и директор нашей начальной школы в чем-то была удивительным человеком. У нас было самое натуральное трудовое воспитание: мы работали на огороде при школе. Все Первомайские демонстрации проводились, как праздники: все к ним готовилось, украшения делали сами, – малышня участвовала во всех городских событиях, поэтому начальную школу очень хорошо помню. Наша учительница – простая женщина, которую никогда не забуду. В нашей школе был ученический совет школы, этого потом в 22-й школе г. Перми не было.

Мои сверстники особого внимания на мое происхождение не обращали, но за фамилию нам в детстве доставалось, например, мне было очень обидно, когда меня обозвали «фрицем». Тогда директор школы провела собрание в классе. Пожалуй, это был единственный случай в моей жизни, когда меня обижали за национальность. Жизнь в Соликамске я вспоминаю с большим удовольствием...

Любимый праздник – Новый год и день рождения детей. У нас дома существует такая особенность: всегда за завтраком подаются ножи каждому человеку, даже если нечего резать, а также хлеб кладется на салфетку. С братом у нас всегда были и сейчас остаются хорошие отношения, если необходимо, оказываем помощь друг другу, праздники отмечаем вместе.

День Победы не очень любили праздновать, так как причинами наших репрессий являлась война. Однако бабушка очень плохо отнеслась к тому, что Сталина вынесли из мавзолея: «Сталин, конечно, свинья, но он же выиграл войну! Как можно было так к нему отнестись?».

В нашей семье никакая религия не проповедовалась, но бабушка и дедушка, видимо, были глубоко религиозны, были лютеранами и никаких насмешек не терпели, не принимали секты и всякие религиозные общины. Родители были атеистами, мама сознательно отвергла религию.

До 1956 года немцы считались навечно выселенными без права переезда, но когда эти ограничения сняли, родители стремились уехать. Они имели в виду несколько вариантов: во-первых, хотели ехать в места южные – к более привычной деятельности (сады и земледелие); во-вторых, в те места, где близко жили родственники, и, третий момент, папа выбирал университетский город,

где мы – дети, могли бы учиться. В конце 50-х, чтобы выбрать место, он даже ездил на юг, где концентрировались немцы: Нальчик, Усть-Каменогорск, Душанбе. Потом предложили отцу перевестись в Пермь, и в 1960 году решили временно пожить в Перми.

Родителей как специалистов выделили из «трудовой армии», но оставили в той же системе НКВД (позднее УВД): мама работала в Усольлаговской поликлинике, папа как инженер-строитель – руководителем маленькой проектной организации в филиале института ГИПРОспецлес, который выполнял проекты для пенитенциарной системы: тюрьмы, лагеря, жилье для начальства, клубы и др.

Мой папа погиб трагически и нелепо. У него был коллега, который, оказавшись в центральном Московском проектно-институте, совершил служебный проступок, и ему дали 25 лет лагерей, после реабилитации он тоже жил в Перми. Папа поехал к нему, чтобы поговорить о работе. В это время было очень жарко, и папа решил найти место, где семья будет отдыхать и купаться. За две недели до этого мы всей семьей приехали из Адлера. Где-то на КАМГЭСе отец решил искупаться, а тогда пляж был еще не обустроен, и он попал в яму, у него случились судороги, и он погиб. После этого мама стала много работать, чтобы каждое лето мы могли отдыхать на юге, она делала все, чтобы мы росли здоровыми. Так волей судьбы семья осталась в Перми.

Начиная с середины 4-го класса, я училась в 22-й школе, которая до этого была обычной и только первый год как стала с углубленным изучением французского языка. Всегда училась хорошо, без проблем, была до седьмого класса круглой отличницей. То, что было привлекательным в соликамской школе, в пермской – уже не было. В 22-й школе было все строго, сурово, а в той – как дома. Пошли в 22-ю школу, потому что жили рядом, а папа сказал, что зачем дети будут учить немецкий, который выучат дома, лучше пусть учат другой язык. Школу я закончила хорошо, но без медали.

То было время электрификации и химизации, химия была окружена «ореолом романтики», а в школе был замечательный учитель – Петрова Лидия Николаевна, прекрасно оформленный кабинет, проводились экскурсии на заводы. Я очень сильно колебалась между медициной и химией. Пошла в школу юных химиков при университете, у истоков ее стояли те люди, которые сейчас руководят лицеем, одна из них – Белых Зинаида Дмитриевна. Я окончила Пермский государственный университет с красным дипломом. Занималась в музыкальной школе по специальности фортепьяно, а в университете три года занималась на факультете общественных профессий (ФОП) на концертмейстерском отделении.

Мама всегда говорила: «Я выросла в крестьянской семье, но в культурной крестьянской семье». В детстве маму учили вышивать, вязать, плести кружева. Мы с братом тоже занимаемся рукоделием, и брат вышивал крестиком не хуже меня, а главное, больше, чем я. Сейчас мое увлечение – сад.

Тетя Ильза в 1956 году уехала из Соликамска в Караганду, а сейчас живет в Германии. В основном все наши родственники жили в Казахстане, поэтому постоянно велась переписка с ними. Мама в 1991 году была у тети Ильзы в

Германии, я еще там не была, но надеюсь побывать. Дядя Вернер в начале 50-х годов три раза безуспешно поступал в институт, потом уехал в Дудинку, а после выхода на пенсию в Тамбовскую область, город Мичуринск. Он закончил трудовую деятельность директором типографии. Наши родственники, проживающие в Германии, к нам не приезжают, нет возможности.

У меня есть дочь, которая учится в 11-м классе школы № 22. Она проучилась четыре года в музыкальной школе, окончила пермскую детскую художественную школу.

Дома мы с мамой часто говорим на немецком языке, а дочь немецкий знает плохо. Я же знаю немецкий, французский и английский языки.

В заключение хочу сказать, что по сравнению с другими репрессированными народами немцы оказались в наихудшем положении, потому что другим народам было куда возвращаться, а немцам – некуда. Поэтому после крушения Советского Союза многие из них захотели вернуться на историческую родину (Германию). А в России, в том числе и в Пермской области стали создавать свои немецкие общества, клубы и др.

Я уезжать на постоянное место жительства в Германию не хочу.

Рассказывает Петр Готлобович Фрик (сын):

– Родился я в 1952 году в семье спецпоселенцев. В детстве мне приходилось сталкиваться с жестокостью людей, но мы не чувствовали себя ущемленными. Дедушка и бабушка – оба трудоголики быстро организовали крепкое домашнее хозяйство, огород, завели козу и поросят, у нас, детей, тоже было много забот.

В Соликамске жил различный народ (переселенцы, заключенные, раскулаченные, немцы и др.). Все думали, что если ты немец – то ты не такой, как другие. Огород наш в Соликамске отличался от русских огородов, уже в те годы у нас разрасталась клубника, ремень, были парники (с огурцами и помидорами), много ягодных кустарников и яблони, а в те времена у местных жителей был только картофель и овощи.

В Соликамске я закончил первый класс, со второго класса стал учиться в 22-й школе г. Перми. Не помню, чтобы были проблемы в школе из-за моей национальности, ущербным я себя не чувствовал.

В семье мы разговаривали только на немецком языке. Отец занимался с нами по немецкому букварю, бабушка разговаривала на немецком языке, грамматику не учили. Мама отлично знает немецкий язык, впоследствии знание языка пригодилось мне в командировках в Германии и Франции.

Авторитет нашего отца в семье был непререкаемым, мы его даже побаивались. Он, как и мать, был родом с Кавказа (Грузия), выселен оттуда в 1941 году на Северный Урал, в г. Соликамск. Был архитектором и работал в ОКСе системы НКВД.

Нашим воспитанием занимались бабушка и дедушка, так как родители были постоянно на работе. Особо нас не наказывали.

Окончив школу, я поступил в Пермский университет на физико-математический факультет. Выбор моей профессии был predetermined в школе. У меня были отличные учителя по физике и математике. Я постоянно

участвовал в олимпиадах по физике, математике, химии и др. предметам. В СССР в то время наблюдался интенсивный рост науки. Дети тогда были очень любознательными, посещали кружки фото, радио и др., где получали практические навыки по техническим дисциплинам. Нынешние студенты не имеют таких навыков, так как компьютеры заменили все.

Мама нам предоставила полную свободу выбора профессии, а в те годы у меня на первом месте всегда была работа (как и у моих родителей). Мой отец погиб трагически, когда мне было 10 лет. Дед и бабушка жили на пенсию. Маме приходилось много работать.

После окончания института при распределении представители заводов не брали выпускников с иностранными фамилиями, поэтому в 1975 я был направлен в Пермский филиал Академии наук, где и работаю до настоящего времени.

В нынешней Германии к приезжим немцам из России отношение осторожное. Молодежь сбивается в стаи, даже матерятся по-русски с акцентом. У меня русская жена – Ирина, которая преподает информатику и статистику в коммерческом колледже, два сына: Денис – 25 лет и Даниил – 20 лет. Денис окончил физфак ПГУ, но работает не по специальности. Даниил учится на экономическом факультете в университете. Сыновья немецкий язык не знают.

В 1994 году я находился в Германии в командировке вместе с семьей; сыновья были с нами и во Франции, там они учились целый год в школе, но вернулись в Россию, за границей остаться у них не было желания.

У нас есть собака боксер, шестилетний Степан – всеобщий любимец. Семья наша – спортивная: в походы ходим, особенно любим горные лыжи. В моем детстве школьники активнее посещали Дома пионеров, занимались конструированием, делали своими руками радиоприемники. Я очень любил фотографировать, как папа, он меня учил фотоделу, у меня был фотоаппарат «Смена», затем «Фэд-2».

Моя мама, Элла Эмильевна, собрала в Соликамск всю нашу семью: бабушку, дедушку, брата Вернера и сестру Ильзу. Моему дяде Вернеру не повезло: он дважды поступал в медицинский институт, и оба раза его не взяли (очевидно, из-за фамилии). Он уехал на север в Дудинку, а выйдя на пенсию, стал жить в Мичуринске Тамбовской области.

Тетя Ильза вышла замуж, жила в Караганде, а в 1987 году уехала в Германию, на родину предков. Тетя Ильза в Германии нашла историю предков, в которой я представляю 8-е поколение немцев по линии семьи мамы (Кох). Мама ездила в гости к тете Ильзе в 1991 году.

С горечью говорю, что у бабушки и дедушки все было отнято советской властью за 24 часа. Но ненависти нет. До сих пор меня удивляет отец, которому пришлось вступить в партию, иначе ему не разрешили бы работать по специальности.

Живы остались – и это уже счастье!^[52]

Там, где я родился, жили и русские, и киргизы, и татары – полный интернационал. Но школа все-таки была немецкая, русский язык изучали в ней как иностранный. Я учился хорошо, но с учебой пришлось расстаться, когда нас – мать, меня и еще троих братьев (один из которых был женат, но жили они вместе с нами) – выслали перед войной в Красноярский край, в Краснотуринский район. Отец – он был партийным работником – к тому времени уже умер. Это было незадолго до 41-го.

В 12 лет я начал работать, школа осталась забытой. Но главным тогда для нас было одно – все мы остались живы, и это уже счастье! А вот семье дяди не повезло: голод унес в могилу его самого, тетю, десятеро детей. И лишь одному двоюродному брату из всей этой большой семьи удалось выжить...

После войны по вызову моего брата, работавшего в трудармии в Куйбышевской области, я приехал к нему. А потом сестра, проживавшая уже в Ныробе, позвала меня с матерью к себе, на Урал. Так мы оказались здесь. Жили за двенадцать километров от Ныроба, тут были поселенцы только люди немецкой национальности. Вспомнить из той поры хорошего нечего. Такие, как мы, паспортов не имели до 1956 г., а значит, и выехать никуда не могли. Да что выехать: в Ныроб и тот не пускали, комендант здешний был очень строгий.

И все же, несмотря ни на какие запреты, я бегал на свидания к своей будущей жене. Нина Анатольевна и стала моей одной-единственной на всю жизнь, родила двух прекрасных сыновей... Олег, старший, сейчас главный архитектор в городе Саратове. А Игорь, закончив Пермское ВАТУ, был направлен в Афганистан, где служил в составе вертолетной эскадрильи. Теперь тоже живет в Саратове, два года назад вышел на пенсию.

Сыновья, еще в школьные годы, очень страдали от насмешек и оскорблений сверстников... Да что говорить: нам с женой до сих пор злые языки скажут иногда вслед что-нибудь этакое язвительное! А сыновьям, конечно, проще было дать фамилию родителей жены, мальчишкам куда спокойнее жилось.

Мы ездили с Ниной Анатольевной на мою родину, когда Олег и Игорь уже жили на Волге. Старым там и «не пахло»: все давно разорено, и даже отыскать могилу отца составило больших трудов... Несмотря на то, как с нами, немцами, обошлись, на Советскую власть я в не обиде. Единственное, чего она не додала нам, когда признала свою ошибку, – не вернула в отчие места. Почему-то у крымских татар есть такая возможность, возвращаются на свою родину чеченцы... Почему было и нам ни сказать: «Вот вам, ребята, ключи – езжайте на родину!».

Как это было^[53]

Я родился 17 сентября 1927 года в селе Московка, Вольнянский район, Запорожская область. В нашей семье было семеро детей. Четыре сестры, два брата, я родился последним. В 1941 году нас выселили в Новосибирскую область, туда поехали родители и мы с сестрой, а остальных сестер и братьев мобилизовали в трудармию – все оказались в разных местах. В Новосибирской области до 4-го класса я работал в колхозе. В 1942 году и меня пятнадцатилетнего мобилизовали в трудармию.

Привезли нас, большинство таких же по возрасту, как я, в Яйву, Александровский район Пермской области. Всю зиму 42-го проработал на лесоучастке, был сучкорубом, жили мы в бараке прямо в лесу. Потом несколько человек, в том числе меня отправили в Александровск на кирпичный завод. Здесь до 1947 года мы работали без выходных по 12 часов. Работу выполнял самую разную, жили тоже в бараке (около ста человек), который был загорожен. Работали на заводе и вольнонаемные. А нас, трудармейцев, на работу и с работы водили под конвоем. Давали в день 600 г хлеба и три раза в день кормили. Отношение к нам было нормальное. От голода не умирали. Все свои лишения воспринимали с пониманием – идет война. Помню, на кирпичном заводе была мастер, тетя Нюра, очень душевная женщина. Она всегда старалась, по возможности, чтобы у нас был дополнительный паек.

Не забыть 9 мая 1945 года. Утром проснулись, вошел комендант и сказал: «Сегодня на работу не пойдете». Мы прошли демонстрацией по поселку, а когда вернулись, комендант говорит: «Берите, что можете, и ломайте забор». Еще не было нашей реабилитации, но вот так символически мы почувствовали себя свободными людьми.

В 1947 году со мной случилось ЧП. Вдвоем с одним тоже трудармейцем решили взять в овощехранилище немного картошки (очень хотели есть), и нас поймали. Сразу по статье 162-й отправили в пересыльный пункт, который находился в Перми, в Ераничах. Здесь пробыл два месяца, а потом по этапу отправили в Кизел, на шахту № 6. Дважды в месяц надо было отмечаться в комендатуре. Теперь уже получал хлеба 1 кг 200 г., трехразовое питание... и так до 1957 года. В шахте работал и проходчиком, и в забое на погрузке угля, затем электрослесарем.

Когда нас снимали с учета, комендант спросил: «Кто желает поехать в Пермь?» Несколько человек, в том числе я согласились, нас устроили в хозяйственную часть МВД и сказали: «Сделаете работу и езжайте, куда хотите». Фундамент у сегодняшнего стадиона «Динамо» – это наша работа. Здесь, на стройке познакомился с русской девушкой – Алевтиной. Мы поженились, у нас трое детей – два сына и дочь, есть уже четыре внука, два правнука.

Жизнь прожил не очень сладкую, но нормальную, на шахте относились хорошо. На заводе им. М.И. Калинина, где много лет проработал, не раз становился победителем социалистического соревнования.

Очень бы хотелось побывать там, где я родился, на Украине. В Германию никогда не хотел поехать, а вот одна сестра уехала. Но я так считаю: «Старое дерево к новой земле не прирастает».

Л.Г. Ширинкина

Моя учительница^[54]

Ольга Федоровна, как она представилась нам, ученикам, в школе, разыскала мой адрес в Перми и отправила мне первое письмо из Германии 1 апреля 1992 г. С тех пор мы переписываемся, правда, иногда письма не доходят как до меня, так и до нее.

В 1950–1954 гг. она учила меня немецкому языку в Дмитриевской семилетней школе. Прекрасно владея русским языком, который изучала в детстве со своим дедом по книге «Хижина дяди Тома», она 99 процентов времени на занятиях говорила с нами по-немецки. Уроки вела на высочайшем методическом уровне (по методике преподавания ценные советы также дал ей дед, проработавший педагогом 38 лет). Большое внимание уделяла пополнению нашего словарного запаса, шлифовала произношение, требовала неукоснительного знания грамматики, учила культуре письменной и разговорной речи. Эффективно использовала каждую из 45 минут урока. Замечу, что полученных знаний по немецкому языку за три года в семилетней школе, мне оказалось вполне достаточно, чтобы окончить десятилетнюю школу, потом университет и сдать кандидатский минимум в аспирантуре. За это я благодарна своей учительнице. Помню, как замечательно Ольга Федоровна пела. Однажды в районном смотре художественной самодеятельности она заняла первое место и была направлена на областной смотр.

В последнее время, как стали теряться письма, Ольга Федоровна нередко мне звонит из Германии. Сейчас ей 84 года. У нее ясный ум. Она помогает своим внукам по математике, физике, английскому языку. Чувствует себя нужной людям. Я рада, что все в ее жизни теперь благополучно. Только из переписки узнала, какие удары судьбы пришлось ей пережить.

Безрадостным было детство моей учительницы. Когда ей было девять лет, умерла мать. Отец остался с четырьмя детьми и через год женился. По необоснованному обвинению в 1935 г. его посадили в тюрьму, где он и умер в 1941 г. Ольгу и ее сестер вырастили и воспитали две любвеобильные женщины – Мейте, вторая жена отца, и ее мать. Трудной, полной материальных лишений была юность. Несмотря на это, в педучилище она отлично училась и мечтала со временем поступить на заочное отделение физико-математического факультета института. Но судьба распорядилась иначе. По национальному признаку в 22-х летнем возрасте она была репрессирована, и последующие тринадцать лет перенесла невероятные физические и психические тяготы. Сумела выжить благодаря исключительному трудолюбию и, как неоднократно подчеркивает в своих письмах, искренней вере в Бога. Сейчас Ольга Федоровна активистка общины, изучает с детьми Библию.

В своих ответных письмах я благодарю мою учительницу за знания, желаю ей доброго здоровья, успехов в жизни ее детей и внуков.

Из биографии Горн Ольги Фридриховны

Родилась 27 августа 1921 г. в селе Гогендорф Лизандергейского района АССР Немцев Поволжья. В 1930 г. пошла в школу (сразу во второй класс) и окончила ее в 1936 г. Поступила в педучилище, после его окончания работала более двух лет учительницей в школе села Лениндорф на Кавказе, куда переехала семья.

Началась война, с группой учеников ее командировали в совхоз за 70 километров, собирать в полях навоз, который шел на топливо. Осталась в этом колхозе работать дояркой. Когда она узнала, что немцев будут отправлять в трудармию, вернулась в свою семью, сосланную тогда в Казахстан.

Вместе с сестрой Эммой 23 января 1943 г. Ольга Фридриховна была мобилизована в трудармию. Оказалась в Березниках Пермской области. Сначала работала бригадиром на песочном карьере, в бригаде было 25 женщин – все из Лениндорфа. Весной Кама затопила карьер, бригаду расформировали, Ольга с Эммой попали на лесопильный завод, а затем обеих сестер отправили в деревню Мартыновцы Ильинского района. Здесь с 1944 г. по август 1947 г. она работала трактористкой.

В 1947 г. вышел Указ, разрешающий бывшим учителям работать по специальности. Ольга Фридриховна писала письма И.В. Сталину, в НКВД с просьбой разрешить ей работать в школе, но положительного ответа так и не дождалась. Долго противился директор совхоза удовлетворить ее просьбу. Наконец, 1 сентября 1949 г. она начала преподавать немецкий язык в школе села Кривец, а с 1950 по 1954 гг. – в селе Дмитриевское Ильинского района. Вышла замуж за марийца и 15 августа 1954 г. в сопровождении сотрудника спецкомендатуры поехала к мужу в Благовещенск (Башкирия), где также преподавала немецкий язык в школе.

Ольга Фридриховна заочно окончила Московский институт иностранных языков. С учета как спецпоселенку ее сняли 6 января 1956 г.

Она заболела плевритом, и семья вынуждена была поменять климат и в 1957 г. переехала в город Токмак (Киргизия). С 30 ноября 1990 г. Ольга Фридриховна живет с мужем Аркадием в Германии.

У О.Ф. Атнашевой (Горн) пятеро детей и девятнадцать внуков. Старший сын Владимир (1954 г.р.), отец троих детей, живет с семьей в Киргизии. Четверо детей Ольги Фридриховны живут в Германии.

О.Ф. Атнашева (Горн)

Бог помиловал ^[55]

2004, декабрь

[...] В начале 1943 г. повезли нас в отделение совхоза «Слудка», в деревню Мартыновцы. Первый день картошку сажали, во второй день дали мне пару лошадей (я их так боялась) и борону, надо было с восхода до захода три

гектара земли вдоль и поперек бороновать. Когда вечером рабочие собрались на квартире, меня не было... Нашли меня на том поле без сознания, пока везли домой, я очнулась, но язык отнялся. Утром меня отвезли в больницу, где я пролежала несколько дней. Жена нашего начальника, бывшая медсестра, решила посмотреть, в каких условиях живут рабочие, и застала меня дома. Ее тоже звали Ольга, мы разговорились, жалко ей стало меня, и, по ее ходатайству, меня поставили звеньевой. Было лето! Как на курорте! Я что-нибудь Ольге сошью без машинки, она мне за это полбулки хлеба даст – так время шло. [...] Потом определили меня уборщицей: контору и общежитие убирать.

Осенью 1943 г. открылись курсы трактористов, и я попросилась у механика быть вольным слушателем – не теряла надежду после войны поступить учиться на физико-математический факультет, ведь я была влюблена в математику. Потом посещавшие курсы сдавали экзамен, и я сдала его лучше всех, зимой участвовала в ремонте пяти тракторов. Когда весной стали укомплектовывать тракторную бригаду, не хватило прицепщика, и механик меня уговорил работать им, я согласилась, так как трактористам давали по 700 г хлеба, пол-литра молока и в обед кормили. Я работала с молодой женщиной, постоянно ее просила разрешить мне сесть за руль. Через несколько дней, ручкой ударило ее в легкие, и она оказалась в больнице. Заменить ее было некем, и тогда я стала водить трактор. Так 4 года и 4 месяца проработала на тракторе, ни разу механика не вызывала, все неисправности устраняла сама.

В декабре 1946 г. нас с Эммой и еще с несколькими рабочими отправили в Березники на лесоповал...

[...] Летом 1947 г. работали на сенокосе за Камой. Одна шпора у большого заднего колеса трактора болталась, и когда я стала заводить трактор, ручка ударила мне в лоб, меня отшвырнуло на полтора метра, из раны на лбу шла кровь, я была без сознания. Прицепщик в фуражке принес воды, стал бить по щекам. Когда я пришла в сознание, он понес меня до дороги, остановил первую попавшуюся машину. В медпункте рану перевязали, недели через две она зажила. После этого врачи запретили работать на тракторе, и меня определили в столовую. Стала варить обеды на сорок человек и на монголке отвозила рабочим. [...]

Когда мама с Аней к нам приехали, мы выписали первотелку, так что у нас было свое молоко, начали лучше питаться: молоко, сметана, масло, яйца, мясо куриное, купили и поросенка.

2.03.1999.

[...] За тебя очень рада, что ты [Ширинкина Любовь Григорьевна] избрала эту благословенную профессию – оформление характера человека, и что заслужила награду. Меня же лишила награды моя национальность. Но я благодарю Бога, что не допустил ее, ведь человек очень склонен при возвышении возгордиться, так что от этого греха Бог меня избавил. Гордым Бог противится, смиренным дает благодать! Все же приятно узнать, что бывшие ученики вспоминают меня добром, конечно, не все. Ведь и лошадь спотыкается, хотя и на четырех ногах. [...] Недавно порядок навела в своем

письменном столе и выкинула все записи, когда кому писала, так как в среднем за год писала 350 писем, но, начиная с 1998 г., сократила до трехсот, в основном, пишу к великим праздникам: Рождество Христово, Новый год, Пасха и день рождения. Когда у тебя, твоего мужа и дочери день рождения?

29.11.1999.

[...] Моя душа, конечно, очень пострадала в педучилище, где все твердили, что нет Бога, но молитвы родителей и бабушки не остались безответными. Много моя душа пострадала и во время войны, но многомилостивый и долготерпеливый Бог не дал мне погибнуть!

Когда работала на тракторе, было четыре случая, когда мне грозила тюрьма. Первый, в тот раз я сама отремонтировала блок, то есть мотор, и что-то неправильно сделала. Когда я его завела, поршень выбил кусок кожуха, который пролетел между нашим механиком и главным механиком г. Березники. Если бы кого-то из них задело, мне бы – тюрьма. Бог помиловал, вообще эту операцию обязан делать механик.

Второй случай, когда я пахала в гору, механик стал придирается, что я мелко пашу. Я оправдывалась, что трактор не тянет. Когда механик отцепил один лемех, трактор покатился прямо на него (тормоза не было), а он растерялся и вместо того, чтобы отбежать в сторону, бледный стоял на месте. Я же нажала на педаль, включила команду «вперед» и отъехала. Конечно, если бы не моя смекалка и не помощь Бога, который верно направил мои мысли, я бы его задавила. Больше механик никогда ко мне не придирался.

Однажды, когда я пахала за Камой, между лесом и рекой, под утро уснула. И снится церковь, поп стоит в дверях, просыпаюсь, а трактор лежит на диффере, заднее колесо буксует, выбрасывая песок в воздух, а мотор ревет, прицепщица спит. Я ее разбудила, кое-как выехали. До этого один тракторист также уснул, заехал в Каму – и с концом! Опять Бог помиловал.

Самый страшный случай был, когда меня послали – помочь какой-то мелкой организации... Начальник этой организации умолил ночью вспахать поле. Света не было, вдруг слышу, что инструментальный ящик, который был под сиденьем, зазвенел. Я сразу на педаль нажала, смотрю – прицепщицы, их трактористки, нет. Вышла из своего трактора, и чудо! Лежит она перед плугом и спит. Еще бы секунда, я бы ее плугом разрезала и запахала. Меня тогда долго трясло. Вот где страх-то был! Но Бог не хотел, чтобы я в тюрьме погибла, поберег меня, слава Ему!

Да, много пережито, и я часто говорю: «Что наше детство, юность и вся жизнь прошла в лишениях и бедствиях. Пережила три голода: родилась в 1921 г., затем были 1932–1933 гг., а потом война, когда месяцами хлеб не видели, не то, что мясо, масло, колбасу и т.д. Здесь, в Германии, нашим внукам слишком хорошо: по 8–10 пар обуви, а сколько одежды? Когда же я училась в педучилище, у меня были одни старые ботинки, а потом появились брезентовые туфли, в которых начала работать, но к этому времени они уже были дырявыми. Зато я научилась всегда быть всем довольной и благодарной Богу. Детей своих растили тоже не в роскоши, и они все – трудолюбивые и

порядочные. С Божией помощью я им смогла указать путь к настоящему счастью. Сейчас и внук приходит к Богу, слава Богу!

Рассказывают дети трудармейцев

И.А. Каюрина (Лихтенберг)

Остались навечно в Гайнах^[56]

Родилась я 16 марта 1941 года в Саратовской области десятым младшим ребенком в благополучной семье. Потом началась Великая Отечественная война, и немцев выселили из Поволжья. Когда был издан указ о выселении немцев из родных мест только потому, что они немцы, то по рассказам мамы (Лихтенберг Амалии Ивановны), их объял неопишуемый ужас. Стоял рев детей, скот ждал обихода, а я была грудным ребенком, требующим постоянного внимания. В хаосе мыслей, страхе за жизнь детей, мама нельзя было расслабляться, надо было успеть взять в дорогу только самое необходимое. И никто не думал, что это на долгие годы: расставание с мужем, похороны детей, унижения от своего собственного государства, запрет на возвращение в родные места.

Мужчин и женщин депортировали в разные районы, таким образом, разъединяли семьи. Если был грудной ребенок, то всех детей оставляли матери, в противном случае, дети разлучались с родителями и передавались в семьи, где были малыши. За жизнь приемного ребенка женщины несли особую ответственность, им грозила даже тюрьма в случае гибели детей.

По рассказам мамы, на сборы было дано лишь 24 часа. С собой можно было взять столько, сколько могли нести в руках. Мужчин забрали в трудармию, и мой папа, Лихтенберг Александр Кондратьевич, прошел Ивдельлаг, затем – Ныроблаг, и в 1947 году переведен на положение спецпоселенца навечно без права на прежнее место жительства. Так он оказался в селе Гайны Пермской области.

Тяжелые условия в трудармии обрекали немцев на вымирание. Папа прошел лагеря, работал на лесоповалах Урала и Сибири, в результате получил туберкулез легких и прожил всего 44 года. А диагноз мамы я с ужасом прочитала в заключении о ее смерти. Вспоминаю свое бессилие, когда не могла помочь ей лекарствами, потому что их просто не было, и даже белый хлеб мы не могли тогда купить.

Маму с детьми, своими и приемными, депортировали в Сибирь. Зимой в страшнейшие легендарные сибирские морозы она работала на лесоповале наравне с мужчинами, не имея теплой одежды, а летом – на сельхозработах. Вещи, которые она взяла с собой, скоро закончились, так как она меняла их на продукты. Мои братья и сестры умирали от голода и болезней. Выселяли летом, как говорили, на незначительное время, а пришлось пережить в Сибири много зим. В республике на Волге почти все говорили только на немецком, и теперь ей пришлось испытать очень много унижений, оскорблений, причины которых она не понимала из-за незнания русского языка.

В конце войны у нее забрали приемных детей, и их судьба нам неизвестна, из своих детей в живых осталась только я.

Жили мы очень тяжело. Мама не могла даже отдать меня учиться в школу. Помню, как мы с ней собирали на полях мороженую картошку, до сих пор помню вкус жмыха, который она приносила. Мама сама построила землянку, а помощником была у нее я, хотя мне было всего семь лет.

Радость пришла к нам, когда в 1949 году государство разрешило воссоединение семей, то есть жены могли приехать к мужьям. Мы с мамой отправились на Урал. Помню, как долго мы ехали, зимний холод пронизывал до костей, станции были переполнены людьми и составами, какой страх мы испытывали пробираясь под вагонами, ведь в любую минуту поезд мог тронуться. Мы с мамой очень боялись потерять друг друга, и этот страх остался на всю жизнь. До сих пор меня иногда мучают кошмары, что я осталась одна в незнакомом месте.

Наконец, мы добрались до станции Менделеево. Был жуткий мороз. Помню толпу людей, которых вызывали по фамилии к определенным грузовым машинам, отправлявшимся в разные северные районы. Каждый пытался залезть в машину вперед других, чтобы занять место ближе к кабине. В тот момент я не понимала споры и переживания отъезжающих. Причины их мы поняли, когда тронулись в путь. На плохой дороге машины сильно трясло, ледяной ветер пронизывал насквозь, от толчков на ухабах люди вылетали из машин, хотя крепко держались друг за друга, стоял страшный крик. Сейчас трудно представить, как можно ехать в открытой машине в наши январские морозы, да еще в той одежде, которая была на нас. Это путь: Менделеево – Кудымкар – Гайны – был настоящим кошмаром. Но самые ужасные женские и детские крики я услышала, когда мы добрались до села Гайны, где нас ждали отцы и мужья наших мам. Вместо слез радости был крик боли и обиды. Дело в том, что после высылки мужчинам объявили, будто они никогда не вернуться в свои семьи. И многие, потеряв надежду увидеть когда-либо своих жен и детей, обзаводились новыми семьями. Ведь прошло уже четыре года после окончания войны.

Местные женщины, родившие детей от трудармейцев и считавшие себя их женами, оскорбляли приехавших: «Фрицы, фашисты!» Нам, детям, было трудно разобраться в этой сумятице. Мой отец ждал нас все эти годы и не завел новой семьи, но наша радость была недолгой, через месяц после нашего приезда он умер от болезней, полученных в ссылке.

После похорон папы началась для нас страшная жизнь. О папе я узнавала по рассказам мамы и отзывам соседей. Они говорили, что отец был очень добрым, умным, трудолюбивым и честным человеком, которого все уважали.

Мама, замечательная и добрая женщина, не побоялась снова взять двух сирот, которые стали моими сводными братом и сестрой. Их мать умерла, когда они добирались с Алтайского края на Урал к своему отцу. Теперь наша семья увеличилась – нас стало пять человек, а в 1951 году родилась еще сестренка Эльза, дочь мамы и отчима. Жили мы все очень дружно. Приемные дети звали мою маму мамой, а я их отца – папой.

Несмотря на то, что в те годы детям немцев доступ в ВУЗы был ограничен, а в некоторые и запрещен, мы все получили высшее образование, благодаря тому, что родители научили нас трудолюбию и терпению.

Той зимой, когда мы приехали в Гайны, я, наконец, пошла в первый класс Гайнской средней школы, которую закончила в 1959 году. В этой же школе начала свою педагогическую деятельность. Затем, окончив Пермский педагогический институт, с мужем уехала в Лысьву, где живу и работаю учителем до сих пор.

Мама рассказывала, что в нашей родной деревне у них с отцом было неплохое хозяйство. Я хотела узнать, что имели мои родители до выселения, но на мой запрос пришел ответ, что в Саратовской области деревни Вольтер нет, и никогда не было. Однако, у меня есть документы с адресами этих мест. На память о моих родителях только и остались документы, свидетельствующие о том, что они были репрессированы, потом реабилитированы, да надгробная плита на их могиле, которую я установила со своими детьми в далеких Гайнах, где они так и остались навечно, как было указано в документах.

В памяти мама с постоянной печалью на лице, она часто плакала, тосковала по своей малой родине, мечтала побывать там, хоть краешком глаза повидать свой дом, хозяйство, ухоженный сад на берегу Волги. Судьба подарила моим родителям возможность встретиться перед смертью. Мне очень жаль, что они не дожили до реабилитации.

Сейчас я не переживаю, что моя национальность повлияет на судьбу моих детей и внуков, хотя раньше такие опасения были. Ведь даже мое немецкое имя – Ирма, люди заменили на русское – Ирина, и в городе меня знают как Ирину Александровну и удивляются, узнав настоящее имя. Моему сыну 30 лет, а дочери – 36, и я рада, что теперь они много знают об истории своей семьи и страны.

А.Э. Думлер

В трудармии я был ребенком¹

[...] В поселке Гремячинском отца определили на шахту № 61 проходчиком, но по болезни скоро перевели сигнальщиком. В общей сложности, в шахте он проработал три месяца, и как грамотного человека его назначили бухгалтером в штаб трудового батальона, который стоял чуть в стороне от бараков зоны. Жил отец только на пайке, дополнительные стахановские талоны на питание он отоваривал сахаром, маслом, мукой или крупой и копил. За 6–7 месяцев он накопил целый чемодан не портящихся продуктов (на всякий случай). И этот час пришел, когда надо было отважиться на мужской поступок (*Привезти из Сибири свою семью. – Сост.*). Придумали версию для поездки в Сибирь – ехать и собирать у родственников вещи для оставшихся в живых. Версия скользкая, но все же в один конец он легально проехал. Назад надо было ехать с семьей. Уже нелегальщина! На железной дороге дисциплина была железная. Постоянно в поездах крутились оперативники. На станциях патрули – военные с традиционными винтовками

на плече. Нужна валюта, т.е. продукты питания. Мать стала менять вещи на кур, уток, гусей, топленое масло, а у отца были сахар и крупы. Какую только посуду можно было набрать, набрали и заполнили зажаренной птицей, залили смальцем, чтобы не портилось, набрали хлеба, упаковали остатки пожитков и поехали. В дороге все было просто. Проводники, получив дозу «валюты», везли нас, чтобы оперативники не задавали вопросов, нас или прятали в служебное купе или им отдавали часть «валюты». Срабатывало великолепно. В Омске объявили, всем пассажирам выйти на санобработку от вшей. Мать успела откупиться, но отца патруль забрал, повел в комендатуру. Старший патруль пошел на второй этаж вокзала – доложить начальнику о задержании отца. Пока он ходил, отец охранявшим его рассказывал, кто он, откуда едет, с кем. Естественно, на глазах у него были слезы. Видимо, он так искренне и убедительно говорил, что солдаты проявили милосердие и отпустили его. Отец выскочил на перрон и успел сесть на проходивший товарняк, так как наш поезд перед этим ушел. Мы в это время, ничего не ведая, сидели в оцепнении, мать плакала навзрыд. И о, чудо! Вдруг отец вошел в купе со слезами радости на глазах. Вагоны, в которых мы ехали, были грязные, темные, отовсюду сыпались вши. Эти твари не давали покоя ни днем, ни ночью. В Свердловске долго ждали способа, чтобы уехать в сторону Чусового, Кизела. Расположились мы недалеко от громадной статуи Сталина, я насмотрелся на военные составы. На платформах лежали фюзеляжи наших и немецких самолетов, танки – все разбитое, обгорелое. Но были составы с отремонтированными танками в сопровождении танкистов, многие из них были перебинтованные. Я разглядывал все с нескрываемым любопытством, но картин боя, в которых они участвовали, представить не мог.

Наконец-то поехали. [...] Приехали в Чусовой. Здесь родители сумели оплатить проезд до станции Баская только себе, а нам с Эмилем (*Брат. – Сост.*) – нет. В вагон мы сели вместе, мать сумела нас убедить, что их, родителей, не звать на помощь, чтобы не случилось, если только не начнут нас выкидывать из вагона. Так и было. Где-то на полпути проводница с оперативником потащили нас по вагону и визгливо кричали: «Чей ребенок?» Эмиль плакал, я в страхе таращил глаза, но к родителям мы так и не подошли. На Баской остановились как раз напротив здания вокзала. На перроне было множество людей. Отец схватил меня за шиворот и выкинул в толпу на руки каким-то мужикам, Эмиль юркнул сам из вагона, за нами вышли и родители с остатками вещей. В Гремячинск ехала повозка, запряженная лошадей-монголкой, которая к поезду привезла беглецов-дистрофиков. Их погрузили в «столыпинские вагоны» и повезли до станции Половинка на «отсидку» – 10 лет – за какие-то нарушения режима. Было темно, хотя вечер только начался. Снегу было немного, легкий морозец, так как это было 17 ноября 1943 года.

Наконец-то, через какое-то время показался свет около небольшого домишка, от углов которого в разные стороны отходил высокий плотный забор с колючей проволокой. Это была наша зона, в которой нам предстояло жить. Из двери проходной выскочила высокая худенькая девушка, схватила меня на руки и поцеловала. Это была Эрика Рудольфовна Ротермель.

Отец привел нас в штаб, мы разделись, весело горел огонь в печке, было тепло, и нас разморило. Хотелось есть. Нас накормили горошницей. Все были оживлены, смеялись, шутили. Многим было в диковинку, что в зоне, где смерть дышала на каждого и каждый день, вдруг появились малолетние дети. НКВДшники, как и положено дисциплинированным работникам, тут же отослали отца к прокурору г. Губахи Александру Тимофеевичу Калинину. Тот для порядка сначала отmaterил, затем с прокурорского плеча отвесил десять в печально знаменитый лагерь поселка Половинка (оттуда мало кто возвращался живым). Отец пошел к писарю за документами. Когда писарь расспросил отца об обстоятельствах правонарушения, он аккуратно заполнил документы на «отсидку», а отцу дал открепительную записку для гремячинских НКВДшников о том, что проблема закрыта, и сказал: «Ты будешь проходить по документам как отправленный в лагерь, когда не досчитаются, то спишут «как не доехавшего в связи со смертью». И добавил: «Очень многие по пути в лагерь погибают».

В НКВД Гремячинска были поражены и воскликнули: «От Калинина ушел живым!» К сведению, прокурор прожил долгую жизнь. В пожилом возрасте он был в школах желанный гость..., рассказывал о трудовых успехах губахинцев и своих в годы войны и в послевоенный период. Он был большой мастер по проведению патриотической работы.

Отцу работу предоставили тоже бухгалтерскую, но другую, попроще. До поездки за нами в Сибирь отец, кроме основной работы в бухгалтерии, выдавал рабочим стахановские талоны, это тем, кто выполнял норму. Талоны доходили до рабочих. Когда отец ушел из жизни, мне взрослому приходилось встречаться с теми, кто тогда работал, и они все отмечали исключительную честность отца и недобрым словом поминали того, кто его заместил, так как талоны при этом человеку не доходили до рабочих. [...]

Мама стала искать швейную машинку. Когда она ее приобрела, то стала шить и днем, и ночью, спала урывками и понемногу. Ее заказчиками были жены начальников разного ранга, часто они что-то перешивали себе, так как тканей не было, а вещи можно было купить, обменять... Многие начальственные особы платили за шитье мало или вообще не платили..., но некоторые рассчитывались деньгами и продуктами.

Поселили нас в зоне в бараках с окнами на крыше. Сколочен он был из горбыля и засыпан опилками. Чтобы ветер не сдувал с нар, стены присыпали снаружи снегом. Круглые сутки топилась печка-«буржуйка». У входа в барак по левую руку была отгорожена небольшая комната под медпункт, но помещение было очень сырым и холодным. Тогда перевели медпункт в комнату в штабе зоны. А эта комнатенка оказалась для нас. Решилась проблема – семья не на улице. И какое еще было благо, мать могла шить без свидетелей. Вода все время стекала по наружным стенам, текла с потолка. Ночью, чтобы мы не замерзли с братом, нас укладывали на высокий топчан, похожий на стол. Тулупом завертывали и сверху клали клеенку, чтобы не промокло. Иногда клеенка примерзала, приходилось ее оттирать, чтобы нас вытащить оттуда. Меньше месяца маме понадобилось, чтобы справиться со вшами. Но нас ждала

еще одна беда – клопы. После ночи тулуп вытряхивали на улице, снег делался в мелкую красную крапинку.

В торцевой стене дома было маленькое окошко, всегда покрытое толстым слоем льда. Эмиль, уже достигший двенадцатилетнего возраста, заготавливал дрова. Топор у него был здоровенный, а сам он тощий. За день он умудрялся заготовить необходимое количество дров для отопления, да еще и в школу ходил. Мать стала меня тоже днем отпускать побегать на зоне, но сопровождала серьезным инструктажем: ни с кем не разговаривать. Я обещал не разговаривать. Связано это было с тем, что еще летом 1943 г. в Сибири «сексоты» или, как их называли в народе «стукачи», не сумев разговорить взрослых на «откровения», заговаривали с детьми, и этого было достаточно, чтобы потом арестовать родителей. То же было и здесь. Гораздо позднее два сексота в разное время пытались выяснить в разговоре со мной, что мои родители думают о Сталине и о правительстве. Примитивно, но факт. Мать даже запрещала нам общение с товарищами, мол, они родителям расскажут, и тогда вы пропадете.

Взрослые, тоскуя по своим детям, уделяли мне внимание. Один (*Трудармеец. – Сост.*) даже давал мне лыжи покататься. Лыжи были здоровенные, тяжелые, я не мог на них разворачиваться, просто не хватало сил, и мне приходилось ехать в одну сторону нормально, а в другую пятиться задом. Но было здорово. В холодные дни я сидел в бараке. Как-то мне удалось растаять маленький глазок в оконце, и я мог смотреть весь день на то, что творится на дворе. Около первого барака, что стоял впереди нашего, рядом была помойка, куда повара выносили помои и отходы пищи. После их ухода к промытой в снегу пещере бросались с десятков дистрофиков, которые уже не могли работать, а есть им хотелось еще больше. Они веером располагались у промоины, чтобы не мешать друг другу, и каждый в своем секторе искал съедобные остатки. Некоторые из них найденное складывали в карманы, другие находку сразу совали в рот. Внешне со стороны их расположение у промоины на белом снегу напоминало ромашку серо-черного цвета. Эта зловещая ромашка стоит всю жизнь перед моими глазами.

Солнечным морозным днем я наблюдал за двумя подростками-трудармейцами, которые спинами прислонились к южной стенке кипятилки, и, очевидно, находясь в полном отчаянии, пытались согреться лучами солнца. Один из них к обеду повалился набок, другой – чуть позднее, видимо, им так хотелось перед смертью искупаться в солнечных лучах холодной уральской зимы.

Постепенно свои наблюдения я начинал с раннего утра. Из дверей барака напротив нашего оконца каждое утро невысокий коренастый мужик с усами вытаскивал трупы: некоторые голые, некоторые частично одетые. Одетые трупы раздевал и складывал их в ящик, стоявший на санях. Некоторых умерших к вечеру трудармейцы сами раздевали. Каждый норовил себе ухватить нужную вещь... [...] Свой печальный груз старик вывозил недалеко от зоны. Он облюбовал место в логу, который находился напротив дома № 85 к югу улицы Уральской и Шахтерской, но во второй половине зимы намело много

снега, и он стал сваливать этот груз в лесочке рядом с терриконом шахты № 62. Это была его ежедневная процедура. Я учился на пальцах считать до десяти на родном языке, но мне не давался долго счет далее десяти, и я говорил, например: «Десять и пять или десять и три». Но в связи с новым занятием я стал считать трупы вслух и очень быстро освоил счет свыше десяти. Мать в это время шила, а я был комментатором того, что происходило во внешнем мире. Вначале она плакала, когда я называл цифру трупов, но потом слез не стало, было много своих проблем, которые стояли на стыке жизни и смерти.

В зоне находились два барака, контора, проходная, мастерская, кипяtilка для воды и настоя хвои от цинги и четыре палатки. В четвертой палатке находилась баня, парикмахерская и небольшая прихожая. Банщиком был мужчина в годах, сердобольный, так как у него в прихожей лежали всегда по несколько дистрофиков, которые постепенно расставались с жизнью. Я ходил и разглядывал их. Кости, обтянутые кожей, глаза, запавшие, страшные, оскал рта и пух на лице – вот картина, запомнившаяся на всю жизнь. Нечасто, но сны в связи с этими событиями я вижу до сих пор.

Некоторые дистрофики находили в себе силу на побег. Надо было всего-навсего перейти мост на реке Гремячей в сторону Баской, и ты – беглец. Единственный милиционер Вася Дудин ездил на розвальнях, запряженных монголкой. Он подбирал несчастных и отвозил на Баскую к поезду. Там их сбрасывали в «столыпинский» вагон, в который принимали всех. Норма «отсидки» тоже – 10 лет. Даже неработающих в зоне кормили тюремной баландой, на воле этого не было согласно закона: кто не работает, тот не ест. Таким образом, некоторым удавалось спасти себе жизнь.

В 1956 г. я уже работал слесарем, и мне случилось общаться по работе с Дридигером Францем, который прошел лагерь в Половинке. Был он худой, подвижный, но не очень здоровый, переломанный весь и обозленный.

Вот так, постоянно дежуря у окна, я одновременно всегда испытывал чувство голода. Это непередаваемое ощущение. Чтобы ты не видел за окном, но сознание постоянно переключалось на голод, на то, как его утолить. Как-то пала монголка. Ее разделали и стали варить в столовой. Однажды мне в чашку с баландой попал кусочек длинной желтой связки спины павшей лошади. Но это такая жесткая штука, что она ножом почти не режется. Я с видом победителя припрятал этот кусочек и тайком от матери жевал, надеясь, хоть сколько-нибудь разжевать. Безуспешно, но на некоторое время голод утолялся. Этим самообманом я занимался несколько дней, потом мать выкрала у меня эту связку, к великой моей печали. С матерью было всегда бесполезно спорить.

За забором зоны стоял небольшой барак, в котором размещалась баня. Рядом с этим баракom стоял небольшой, но по тем пейзажам довольно симпатичный домик, в котором находился магазин, только для руководящей элиты; в нем было все, что может прийти в голову. [...]

В отличие от жизни в Сибири, где не было мыла, и, чтобы хоть как-то отмыть волосы от грязи, мама пользовалась щелоком (настой березовой золы), в Гремячинске же перепало мыло, и в баню ходили с мылом.

Сначала в зоне мама водила меня в баню. Мыла очень быстро, прямо у дверей за печью, чтобы я не мог разглядеть моющихся женщин, сама же рубашку не снимала, чтобы я, упаси, тоже ничего не увидел. Должен сказать, что я не припомню случая в жизни семьи, чтобы мама вдруг при нас переодевалась, тем более, чтобы мы вдруг увидели какую-то обнаженную часть ее тела. Но в бане я как-то приловчился и стал глазеть по сторонам и обнаружил для себя нечто новое и весьма удивительное. [...] Как-то я, на свою беду, заметил среди худых женских тел молодую невысокую с большим животом женщину. И я задал маме вопрос: «Откуда такой живот?» И так есть нечего, вон какие все тощие. В ответ мама отвесила мне тяжелую, мокрую оплеуху. Обидно. С того самого случая я вынужден был ходить с отцом и Эмилем в холодную баню за зоной. Очень скоро эта женщина родила мальчика Петю, с которым я в 1944–1945 гг. часто нянчился. Это был сын Герцена Петра Андреевича.

Состав трудармейцев был такой: в основном, подростки от 15 до 18 лет, немного мужчин 35–45 лет, небольшая часть мужчин от 45 до 55 лет и небольшая группа женщин от 18 до 25 лет.

Все мужчины были женатыми, почти у всех были дети. Девушки большинство были незамужними. Волей-неволей стали создаваться пары между мужчинами в годах и девушками. Мужчины, которые владели каким-нибудь ремеслом или грамотой, пытались устроиться в такие места, как мастерская, контора и т.д. Они жили лучше, чем бестолковые подростки, брошенные в тяжелые условия работы в шахте, на строительстве железной дороги, бараков или по заготовке леса. [...]

Многие девушки вышли замуж за русских рабочих из числа «бронированных» – десятников, начальников участков и т.д. Во вновь созданных семьях появлялись дети.

В 1946 г. оставшиеся в живых трудармейцы стали списываться со своими родными и объединяться семьями. В интересном положении оказались те, у кого была новая молодая жена и подчас один – два ребенка, чтобы не возвращаться в прежнюю семью, они придумывали различные версии.

Был такой случай. Сакс Иван Карпович, 50-летний почтенный мужчина, в 1943 г. попал в число дистрофиков и был обречен. Но ему неожиданно повезло. Его взяла под свою опеку хлеборезка зоны, Шпомер Амалия Ивановна. Красивая женщина, с круглым лицом, пышными волнистыми волосами. Она из остатков хлеба делала сухари, поила бедолагу отваром из них и так выходила его, очень скоро он стал опять мобильным мужчиной. Они стали жить вместе. Но приверженность своим семьям сохранили. После войны к Ивану Карповичу приехала жена со взрослыми детьми. Все простила и даже сдержанно была благодарна Амалии Ивановне за сохранение жизни мужу. У Амалии Ивановны муж в 1937 г. был посажен на 10 лет. Отсидевал где-то в Минусинске, остался живым, но когда узнал о том, что его Амалия во время войны жила с мужчиной, никак не хотел простить ей этого и остался жить в Минусинске с какой-то женщиной. Пришлось Амалии Ивановне ехать к нему вместе с сыном,

которому уже было 20 лет, и они с трудом привезли его в Гремячинск. Жили трудно. В 1956 г. уехали на Украину.

В нашей холодной мокрой комнате в 1943 г. собралось несколько пар, чтобы встретить новый 1944 год. Все оживленно говорили, смеялись. Но я запомнил на всю жизнь, что разговоры в то время всегда крутились вокруг одного и того же: скорее бы кончилась эта проклятая война и ехать домой, по своим домам, начинать новую жизнь. В этот вечер к нам пришли Амалия Ивановна Шпомер с Иваном Карповичем Саксом, Виктория Ивановна Ниденс со своим мужем Гербертом Александровичем Лидером. Женщины шаманили что-то вокруг селедки и черного хлеба, мужчины в щели стен натыкали еловые ветки. Виктория Ивановна – хохотушка, что-то запела из рождественских немецких песен. Под этот шум я и уснул.

Между тем мать шила всюю, чтобы быть на плаву. Еды хронически не хватало. И тут на счастье мама сшила удачно, точнее перешила удачно какое-то платье и еще что-то еврейке – зав. детсадом, куда ходили дети начальников и кадровых рабочих из числа «бронированных» (они имели право жить с семьями). Бронислава Наумовна в знак благодарности записала меня в состав детей, посещающих сад. Чтобы не было неприятностей, записала под чьей-то нейтральной фамилией.

1 апреля, в первый весенний, погожий день, я пошел в детсад. Языка русского практически не знал. Когда я зашел, меня встретил пьянящий запах варящейся пищи, исходивший из дверей кухни. На завтрак дали по тонкому ломтику черного хлеба, на нем было что-то намазано. Все ребята стали активно лизать это пятно на хлебе. Попробовал, вкусно, сладко. Оказалось, это была американская сгущенка. Запивали мы этот хлеб настоящим чаем. На обед в тот день был вкуснейший гороховый суп. Что на ужин не помню. Но должен сказать, что кормили нас по тем временам замечательно. Хотя порции были по количеству скудные. В этот первый день после завтрака я встал в стороне от бесновавшихся ребят и молча наблюдал за происходящим вокруг. Ко мне изредка кто-то подбегал, что-то говорил, но я не понимал, чего от меня хотят. [...]

Эмиль ходил в школу, в первый класс, хотя в селе Шилинг до войны окончил в немецкой школе два класса с отличием. В Сибири, по известной причине, он два года не учился. Бумаги не было, и я огрызком карандаша записывал на строганных досках русские буквы. Когда я их все знал, начал составлять без разбора слова, и заставлял Эмиля читать. Он со смехом читал эту нелепицу. У Эмиля откуда-то были довоенные учебники, в которых были портреты во всю страницу. На большинстве этих портретов были выколоты и закрасены глаза, пририсованы рога и удлинены усы. Позже я узнал, оказывается, это были «враги народа».

В садике с нами разучивали песни, которые мы исполняли в строю, такие как, «Священная война» и др. Когда стаял снег, нас стали водить на прогулку в лес для заготовки борщевика, который рос на болоте. Теперь на этом месте расположились «Гортоп» и дом № 122 на улице Ленина. Строем возвращались с заготовленным борщевиком для супа и громко пели: «Вставай, страна

огромная, вставай на смертный бой!..» Во дворе садика была сделана песочница и горка. Но расположили горку так, что она упиралась в песочницу, и съезжавшие с горки падали в песок или на ребят, игравших там. Как-то я лихо съехал и упал на Юрку Вознесенского, стоявшего на четвереньках, он «клюнул» носом в песок, и у него из носа пошла кровь. Юрка стал орать, что есть мочи. Я понял, что натворил что-то ужасное. Его отец – начальник лесоучастка по заготовке древесины для города, человек видный, популярный и властный. У меня сработал инстинкт самосохранения. Я пулей бросился в зону и лучше места не нашел, как туалет. Там никого не было. Ближе к вечеру я услышал громкий зов матери. Еще больше заволновался, раз ищут, значит, совсем плохо. Но оказалось все проще. Пришла воспитательница за мной, чтобы отвести в садик на ужин. На ужин был молочный суп из сухого американского молока и лапши. [...]

Весной 1944 г. нашу семью перевели из 2-го барака в новый домик, только что построенную мастерскую из двух комнат. Маленькая комната стала нашей, а в передней – большой – устроили швейную мастерскую на три рабочих места.

Когда еще лежал снег, и случались заморозки, один из наших знакомых Ниденталь Володя отморозил из-за плохой обуви левую пятку. Но от работы его не освобождали... Единственный врач, Цейтлер Карл Каспарович, решал вопрос: может ли он работать. Я очень часто подолгу наблюдал, как в медпункт приходили к Цейтлеру на прием рабочие. Возможности медпункта были небольшие: зашить раны, сделать перевязку, наложить гипс – и все. Когда стаял снег, я подходил к окну медпункта и наблюдал за действиями врача, в которых для меня было много интересного и таинственного. [...]

Каждый день вечером, когда все уже приходили с работы, между бараками к столу подходил почтальон и выкрикивал фамилии тех, кому пришли письма (треугольники). Почтальон, немец по национальности, еще с 20-х гг. был членом партии. Потом он стал бригадиром на строящейся шахте № 65. Он регулировал весь рабочий процесс своей бригады, казнил и миловал. Зимой, в ветхой одежде, подростки мерзли и часто бегали к костру греться. Берген Петр Васильевич, из оренбургских немцев, был мобилизован осенью, когда было еще тепло, и его взяли в соответствующей сезону одежде. И вот зимой эта оплошность сказалась, он особенно часто бегал греться. Бригадир наказал его в пределах своих полномочий, лишил половины нормы питания. Это, и без того тощем пайке – смерть. Через несколько дней Берген от истощения не мог ходить на работу. Его хотели отправить в дизентерийный барак, но он, вооружившись большой железкой, отбил. Со словами «все равно подохнешь», Бергена оставили в покое. Постепенно он избавился от недомогания: пережигал остаток своего хлеба, заваривал «кофе» и пил. Скоро его зачислили в бригаду ослабленных рабочих, к лету 1944 г. парень окреп и остался в живых. Но это редкий случай. Все, кто попадали в дизентерийный барак, погибали. Руководители, из числа русских «бронированных», в значительном большинстве были все же людьми. Начальник строящейся шахты № 65 отстранил этого бригадира от руководства бригадой, так как слишком

много погибло ребят-подростков. После этого тот и стал почтальоном. Польза для НКВД была очевидная: почтальон – «сексот».

Целый день в садике в сухую погоду мы играли в «войну». Играющие выделяли группу беззащитных ребят – они становились «немцами», другая, более сильная, – «красноармейцами». Я был один из самых здоровых ребят, естественно, выступал «красноармейцем». Нас водили в кино, находившееся в бараке около теперешнего «Гортопа». Показывали военную хронику и фильмы про войну, это давало новые сюжеты для наших военных игр. Поначалу в садике не знали, кто я. Первым узнал о моем немецком происхождении Витя Маерсон. Однажды утром он подошел ко мне и сказал: «Я знаю, ты – фашист». Но в садике «фашистом» меня редко называли. Честно говоря, это меня очень огорчало. Я готов был броситься с кулаками на обидчика, но всегда помнил мамину учебу: не вызывать ни у кого к себе интереса, не контактировать, не реагировать». Так постепенно я учился глотать «горькие пилюли».

В конце августа нашу старшую группу сводили в школу, показали классную комнату, в которой нам предстояло заниматься. Я стоял на пороге нового загадочного мира. [...]

Учительница была молодая симпатичная девушка, строгая. Но очень скоро она исчезла (говорили, что ушла на фронт и, как будто, скоро и погибла). С приходом новой учительницы, Прасковьи Афанасьевны Урванцевой, молодой женщины, каждый день в начале первого урока мы исполняли гимн Советского Союза. С первого класса была введена военная подготовка. Ее проводил только что выписавшийся из госпиталя фронтовик, старший лейтенант А.К. Гергель. Одновременно он проводил уроки физкультуры.

В сентябре 1944 г. расконвоировали и расформировали нашу зону. Комнатка в мастерской, где мы ютились, была объявлена служебным помещением. Отец активно кинулся в поиски нашего жилья. Наконец, нас пустил к себе в одну из комнат трехкомнатной квартиры председатель шахткома Стрижевский Михаил Абрамович. В это время он жил еще один, а жена с сыном – на Украине. [...]

Наступила зима 1944–1945 гг. Печку нечем было топить. Уголь на шахте не давали. Эмилю приходилось ползать по склону террикона и выбирать из породы кусочки угля. За два часа ему удавалось собирать 2–3 ведра угля. [...]

Я мечтал о лыжах. И вот утром 1 января 1945 г. мы все еще спали, нас разбудил стук в дверь. В комнату ввалились Александр Иванович Вебер и Петр Андреевич Герцен. Они с шутками и прибаутками поздравили родителей с Новым годом, а мне подарили новенькие лыжи. Эти лыжи сохранились у нас до моего ухода в армию.

В школе я учился хорошо, несмотря на то, что русский еще знал плохо. Учительница была ласковая, внимательная к каждому из нас, никогда никого не унижала. Когда было за что, хвалила или терпеливо доказывала твою неправоту. [...] Если на уроках разговор нечаянно касался чего-нибудь съестного, это тут же вызывало чувство голода, и уже трудно было переключиться на деловой лад. [...]

К Новому 1945 году был сдан новый клуб. Нас было менее 200 ребят, и всех привели на новогоднюю елку в клуб. Долго держали в вестибюле, затем раскрыли двери в зал, где, сверкая серебром игрушек, стояла красивая елка и около нее Дед Мороз. Захватило дух от неожиданной торжественности и красоты, уверен, что все присутствующие из реальной страшной, голодной и беспросветной жизни переместились на некоторое время в сказку.

Военные действия во всю шли уже за пределами нашей Родины. Взрослые жили сводками информбюро, все ждали конца этой страшной войны. Так хотелось вернуться домой, в свои брошенные дома, вернуться к своей работе и жить, залечивать раны, которых было великое множество в каждой семье. Отношение окружающих к нам осложнялось тем, что во многих семьях были потери на войне. Ненависть к фашизму, которая накапливалась у людей, отрицательно трансформировалась на нас, российских немцах. Особенно ярко это выражалось среди детей. Однажды, в конце октября 1944 г., на большой перемене меня с разбегу толкнул в спину старшекласник. Я с размаху упал навзничь, прямо носом на порог класса. Удар был такой сильный, что я не мог встать. На мой крик сбежались ребята, меня поднял Эмиль и вывел на улицу, снегом стал растирать мое лицо и нос, из которого хлестала кровь. Когда мне стало чуть лучше, он среди зевак обнаружил моего обидчика и схватился с ним драться. Но по натуре он не был ни драчуном, ни авантюристом. Так они и стояли, вцепившись друг в друга. Учителя никак не среагировали. [...] В большинстве своем ребята из простых семей никогда не называли нас «фашистами». [...]

8 мая 1945-го утром в школе по родной речи я умудрился получить единицу. Учительница днем увидела мою мать и сообщила о моих «успехах». Мать пришла домой и ну, браниться. Я начал отмахиваться, и тут она пригрозила, что, мол, отец знает, как добратся до моей селезенки. Отец нас очень редко наказывал, но убедительно. А тут пообещали, что доберутся до моей селезенки, и я дал деру из дома. Пробегал весь день и вечер, нашел меня Эмиль и уговорил «сдаться», чтобы не стало хуже. Тихо, как заяц, я вошел на кухню. В нашей комнате свет не горел, а у Стрижевских все собрались около радио-тарелки и с радостными лицами слушали передачу. И я с радостью, без ужина, юркнул в кровать (точнее, на топчан).

9 мая 1945 г. был прохладный солнечный день, традиционно дул северо-западный ветер. Когда вошли в школу, было темно и очень шумно, на фоне шума отчетливо слышалось: «Гитлер капут!» Нас вывели во двор, построили в линейку и стали поздравлять с Днем Победы. И пригласили в школу к трем часам. Мы еле дождались трех часов. Когда встали в строй, каждому выдали по кулечку из плотной серой оберточной бумаги. Я раскрыл кулек, в нем лежали вперемежку всякие конфеты и пастилки. А запах! Так, впервые за годы войны мы попробовали конфеты. Это было серьезным событием для детей. Я достаточно темпераментно расправился со своим кульком, а Эмиль чуть поел и спрятал свои конфеты. Через 17 дней у меня был день рождения, и я, как всегда, получил от родителей поцелуи и поздравления, а Эмиль (какой

молодец!) подарил мне несколько припрятанных конфет. Это тогда было поступком.

Родители со Дня Победы тщетно ждали разрешения вернуться на родину. А между тем началось лето. Ребята в семьях практически ничем не были заняты. Огородничество еще только зарождалось, еще не было никакого скота, вот дети и подростки слонялись целыми днями на улице. В некоторых семьях ребятам доставалось здорово: родители не кормили их, так как не хватало денег отоваривать карточки и талоны. Некоторые из этих ребят (их было меньшинство) играли «в чику» – игру на деньги. Среди них быстро определились лидеры, которые диктовали условия остальным, они были всегда с деньгами. Другая часть ребят, чтобы утолить голод, оккупировала столовые, каждый имел здесь свою территорию, то есть у него был свой ряд столов, на которых после обеда рабочих, он облизывал чашки. Делали это быстро и профессионально. [...]

И все же летом, а затем осенью 1945 г. питание несколько улучшилось. Уже не было этого изнуряющего чувства голода. Американцы подкинули продуктов. [...] Появились на улице арбузные корочки, мандариновая шелуха. [...] Американцы, кроме продуктов питания, прислали очень много поношенной одежды, но хорошего качества и в хорошем состоянии. Мама потом начальствующим особам подгоняла выбранные ими вещи. Отцу досталась меховая куртка-безрукавка, а мне – штаны из какой-то хлопчатобумажной, плотной ткани, но зато с шестью карманами.

Август 1945 г. стоял солнечный и теплый. Как-то в выходной отец собрал всю семью и повел в лес прогуляться. Хорошо было в лесу. До сих пор помню эту прекрасную прогулку, правда, под конец несколько испорченную, так как при выходе из леса увидели кости умерших трудармейцев...

З.Г. Диркс (Чебыкина)

Жить достойно научил отец-трудармеец^[57]

Я родилась 5 марта 1937 г. в селе Рот-Фронт Днепропетровской области, в поселении российских немцев. Наши предки приехали в Россию в 1832 г. из Голландии.

Мой отец, Диркс Герман Германович, родился 4 мая 1907 г. Он работал главным бухгалтером Стульневской и Черниговской МТС Запорожской области. Ударная работа МТС была отмечена на очередном съезде КПСС в 1940 г., а папа награжден ценным подарком.

Мама, Елизавета Ивановна (до замужества – Франц), родилась в 1908 г. В юности родители пели в церковном хоре. Мама работала в сельском хозяйстве.

Великая Отечественная война нас застала в селе Рот-Фронт. Многих мобилизовали в армию, технику и трудоспособных рабочих вывозили в тыл. Готовились к отпору врага. Младший мамин брат вместе с друзьями убежал на фронт, но быстро попал в плен, а затем в гетто, так как звали его Абрам (этим именем его нарекли за темные кудрявые волосы). В 1942 г. ему удалось из плена бежать, он погиб в 1945, похоронен на польской земле.

Отец дольше многих оставался в селе, так как был ответственным за эвакуацию техники МТС.

Однажды, это было в сентябре 1941 г., папа взял меня с собой в Стульнево. Когда мы шли по селу, он обращал мое внимание на красоту сельской площади, школы, детского сада. Мы дошли до станции, и здесь я была ошеломлена видом огромного паровоза, громоздких железнодорожных платформ. После отправления эшелона с техникой мы пошли домой. Отчетливо помню, как отец зашел в какой-то дом (видимо, управление), держа в руках свою серую папку с документами, а когда вышел обратно, в руках держал только один листок бумаги, который торопливо положил в нагрудный карман. Он каким-то был другим, осунувшимся, вдруг сразу постаревшим. Взял меня на руки и торопливо зашагал по дороге. Прижимая меня к груди, он взволнованно всю дорогу говорил, что я уже большая, должна быть маме помощницей, а если будет трудно, то должна терпеть и не хныкать. Думаю, именно с этого момента я стала чувствовать ответственность за свои поступки, а ведь мне было только четыре с половиной года.

Когда пришли домой, начались хлопоты, сбежались родные. Ночь была тревожной. Рано утром провожали отца на сборный пункт. Только вышли из дома, я вырвалась из папиных рук и побежала в дом за оставленными им на столе двумя булавками (он всегда их брал с собой, когда уезжал в командировки). Папа расцеловал меня, прикрепил булавки к карману. Так мы его проводили в трудармию. Когда в декабре 1945 г. после тягостных военных мытарств (папиных и наших) мы с ним встретились, он вернул мне одну из этих булавок, сказав, что всю войну она грела ему душу.

Скоро и нас стали эвакуировать. Разрешили каждому взять с собой только до девяти килограммов. Но что мы, малые дети, могли нести? Брату было семь лет, сестре – десять.

Везли нас на прицепе. Было очень тесно, душно, пыльно. На станции нас держали под охраной, в первый эшелон мы не попали. Вдруг объявили, что поступил приказ – взрывать пути... И в это время земля стала содрогаться, над головой гремело, летели глыбы земли, куски шпал... Какой-то невероятной силой меня подбросило, я упала, в глазах потемнело от страшной боли в спине...

Очнулась в сумерках, когда меня несли на одеяле домой. Мы не успели раздеться, как пришел сосед и сообщил, что наше село занято фашистами (это были румынские части), что многие жители уже расстреляны. По его словам, нас тоже должны были расстрелять, уходя, он сказал: «Решай, Елизавета, как спасти детей».

Мама схватила меня на руки и бросилась из дома, за ней – Аня и Герман. Уже когда были далеко от села, в поле, слышали автоматные очереди – расстреливали людей. Нас спасла темная ночь да добрые люди. В чужом селе, чужие люди укрыли нас в подполье. Всю зиму 41-го я пролежала на земляном полу со сломанным позвоночником, чудом осталась жива.

Весной 1942-го фашисты всех стали выгонять на работу в поле, тогда мама с нами перебралась в село Гнаденфельд к дедушке – папиному отцу,

которого звали, как и папу – Диркс Герман Германович. Но и здесь тоже были оккупанты, тоже всех заставляли работать. Мне надо было нянчить детей, я их не могла поднять на руки, тогда мой дядя договорился о другой для меня работе – топить соломой печь.

Осенью 1943 г. взрослых вызывали в комендатуру и предупреждали об эвакуации. И как-то утром село оцепили, всех жителей построили в колонны, не возражая по поводу взятого скарба, и повели. Первый раз нас остановили за колючей проволокой во Владимировке для формирования обоза, здесь мы узнали, что фашисты сожгли все наше село.

Нас гнали три месяца через Молдавию, Белоруссию, Восточную Пруссию.

В пути у моей сестры Ани вдруг возникли резкие боли в животе, от которых она так стала кричать, что фашисты, раздраженные от крика, хотели ее расстрелять. Дедушка, встав на колени, умолял пощадить сестру. И тогда конвоир выстрелил в дедушку... Так, ценой своей жизни дедушка спас Аню!

Помню еще, проезжая через какое-то село, мимо вишневых деревьев, я, как зачарованная, потянулась за двумя вишенками. Аня, заметив это, резко дернула меня за подол платья, я упала, а над нами пронеслась автоматная очередь...

До 24 декабря 1943 г. мы ни разу не были под крышей, шли под дождем-снегом, сушились под редкими солнечными лучами да пронизывающими ветрами. И вот впервые в Каменец-Подольске нас распределили по домам. С огромной благодарностью до сих пор вспоминаю тех добрых людей, которые нас приютили. К хозяину-поляку сбежались родные, стали вокруг нас хлопотать: сняли нашу грязную одежду, стирали, кипятили ее, потом сушили утюгами; нас мыли, скоблили в каких-то корытах, уложили в чистые постели. Испытывали непередаваемое блаженство!

В Каменец-Подольске нас продержали около двух недель и повезли поездом в направлении Познани, в городке Яновец поместили в лагерь для перемещенных лиц. Здесь были голод, унижения, нас называли «русские свиньи». Весной 1944 г. всех выстроили на плацу, мужчин стали агитировать в армию, непокорных строили в отдельную команду (потом их расстреляли). Местные бауэры выбирали рабочих для своих хозяйств, выбирали как «рабочую скотину», оценивая физическое состояние и умственные способности. Нашу семью выбрал владелец кирпичного завода, однако меня он брать никак не хотел. По великой мольбе мамы хозяйка согласилась с условием, что мою долю работы будут выполнять старшие. Я же была на побегушках, помогала рабочим во дворе, кормила индюков. Разрешили даже ходить в школу – и это было праздником. В школе я встретила с двоюродной сестрой – Ирен Франц (семья маминого брата Ивана, находившегося в трудармии в России). Мы с ней стали учиться в первом классе.

В конце января 1945 г. нас срочно отправили на сборный пункт для эвакуации. В городке уже была паника. В сутолоке оккупанты отмечали прибывших и отправляли в колонну. Здесь нам посчастливилось встретить бабушку и мамину сестру – Марию.

Однажды, когда мы были примерно в двадцати километрах от Одера, ход нашей колонны на перекрестке прервал регулировщик. Охрана не сразу перестроилась, этим воспользовалась группа этапированных, в том числе и наша семья. Мы скрылись в лесу (был вечер), убегая, увидели впереди замок, подошли к нему. Хозяин был настолько добр, что разрешил нам переночевать на скотном дворе, а на следующий день сюда пришли части Красной Армии.

До мая мы проходили фильтрацию во Врешене, находились здесь под охраной, ради пропитания нам разрешили работать у поляков. День Победы – 9 мая – мы встретили в поле. Охранник, пробегая мимо, нам крикнул: «Что же вы работаете? Ведь Победа! Война кончилась!» Мама смеялась и плакала, а мы ее обнимали.

В последних числах мая объявили, что нам разрешено вернуться на Родину. Мы были несказанно счастливы!

Позади – унижения, оскорбления, расстрелы, казни, насилия, горящие дома, разрушения, груды убитых... Вспоминать об этом без содрогания и слез до сих пор не могу... Однако, наша радость омрачилась, когда прибыв на станцию Брест-Литовская, нас опять поместили в телячьи вагоны, с колючей проволокой, охраной – теперь мы стали «врагами народа», фашистами. Везли нас долго... В вагонах была духота, теснота невероятная. В дороге я нянчила Ниночку, только что родившуюся двоюродную сестру. На остановках выносили из вагонов умерших...

Привезли нас в Казахстан, город Акмолинск. Колючка, бараки, нары – лагерь назывался «Лесозавод № 2». Мама стала работать на стеклодувном заводе. осенью она заболела малярией, лечить было нечем... И вдруг мы получаем впервые за всю войну письмо от папы. Он сообщал, что находится вместе с двумя мамиными братьями – Иваном и Николаем – в трудармии на Урале в Соликамском районе Пермской области.

Скоро мы получили вызов от руководства Соликамскстроя, которое разрешило за добросовестную работу папы воссоединиться нашей семье. К этому времени папа около двух лет работал в лагере бухгалтером и пользовался авторитетом и уважением. Мы приехали к нему, это были незабываемые минуты встречи с отцом. Помню, сидим в Соликамске на вокзале, входит мужчина, и меня, как ветром, понесло ему навстречу с криками: «Папа! Папа!» Родные пытались меня остановить, но это, действительно, оказался отец. Ему выделили комнатку – 8 кв. метров в двухэтажном бараке, где мы стали жить девять человек: наша семья, бабушка, дядя Ваня, тетя Маруся, дядя Коля. Было тесно, но мы чувствовали себя очень счастливыми, потому что были вместе, а все остальное считали возможным преодолеть. Так и было.

Русского языка я не знала совсем, так как в оккупации нам разрешали говорить на немецком и польском языках. Мне уже шел девятый год. Родные стали со мной упорно заниматься русским языком. Если я по привычке начинала говорить по-немецки, по настоянию папы, все делали вид, что меня не понимают. В конце января 1946-го отец уговорил учительницу взять меня в школу на семь-десять дней. За первую неделю учебы я выучила алфавит, а к

концу второй – стала читать по слогам. Хуже было с письмом и чистописанием. Но я очень старалась и преодолела четвертую четверть.

К первой годовщине праздника Победы папа принес подарки от трудармейцев, мне – красивое темно-фиолетовое платье, в котором я, радостная, пошла в школу. В школе тоже дали подарки – пять маленьких булочек. Счастливая, я вернулась из школы домой с кульком булочек. Когда же сняла платье, то вся оказалась синего цвета, в растерянности я спросила: «Мама, я что, умираю?» Еще долго домашние смеялись надо мной – платье было сшито из мужского белья и выкрашено чернилами.

В начале ноября 1946 г. папу перевели работать в Березники. Я стала учиться в женской средней школе имени Н. Островского. И вот, во втором классе появилась новенькая, с необычным именем и фамилией – Зельма Диркс. На второй день учебы одноклассницы, узнав, что я немка, устроили мне засаду. Ранцами (фанерными) меня избили до потери сознания. «Бей фашистов! Бей гадов!» – кричали они.

На следующий день я отказалась идти в школу, но папа взял меня за руку и повел со словами: «Они же не знают, что немцы бывают всякие. Пойми, если ты сейчас отступишь, то будешь всю жизнь отступать от трудностей!» Первыми в класс вошли завуч с учительницей, завуч говорила девочкам: «Зельма – немка, но жила на Украине, была в плену. Фашисты над ними издевались, стреляли в них, а теперь вы ее так жестоко избили». Папа, подводя меня к двери класса, шепнул: «Иди, Зельма, стыдиться тебе нечего». Еще долго на переменах я не выходила из класса. Изменилась эта ситуация после того, как подруги моей сестры-старшеклассницы пристыдили моих обидчиков.

Весной 1947 г. меня приняли в пионеры. Со второго класса я занималась в хореографической студии во Дворце пионеров. Болела часто, в основном ангиной, сказывалась перенесенная цинга и травма позвоночника. В 1949 г. после сильного переохлаждения у меня случилась полная неподвижность (не только болели суставы, спина, даже не могла повернуться с боку на бок). Папа сумел пригласить домой знакомых врачей-трудармейцев (Вагнера Евгения Антоновича и Лишке Августа Августовича). Они долго меня осматривали, потом родителей предупредили, что я никогда не смогу ходить, буду прикована к постели.

Конечно, я была подавлена, но старалась не показывать своих слез. После успехов в танцах – неподвижность! Как-то проходя мимо моей кровати, отец шепнул: «Зельма, не сдавайся!» С большим усилием я стала понемногу двигаться, и скоро снова пошла в школу.

Однажды с папой мы вместе шли по улице Пятилетки, и он обратил мое внимание на то, что я морщю лицо (от боли): «Зельма, посмотри, сколько людей идет нам навстречу. У каждого свои трудности, заботы. Поглядев на тебя, они вспоминают о своих недугах. Запомни, ты – девочка, и всегда должна ходить легко, с улыбкой, чтобы у встречных настроение становилось лучше, глядя на тебя». Это было как напутствие в жизнь.

В 1951 г. меня приняли в комсомол, в 1952-м окончила 7 классов. В том же году отца перевели работать в «Молотовстрой» и предложили подобрать

несколько надежных и добросовестных бухгалтеров, давали гарантию обеспечить всех жильем. И мы переехали в Молотов (Пермь). Предназначенные нам квартиры оказались заселены, и нас, шесть немецких семей, определили всех в одну комнату барака (бывшего коровника) в Осенцах, в этом микрорайоне находились заключенные. В каждой семье было по два-три разновозрастных ребенка, жили дружно, не было ни склок, ни ссор... Все главы семей являлись трудармейцами – это Диркс, Бошман, Габриэль, Гукингеймер, Санэ, Янцен. Первые квартиры были получены к Новому году.

Отец работал заместителем главного бухгалтера главной конторы материально-технического снабжения строительства «Молотовстрой». Я очень хотела учиться, но поблизости не было десятилетней школы. Брат Герман в это время окончил на «отлично» два курса Березниковского химико-технологического техникума. У меня же были, со слов преподавателей, прекрасные математические способности. И вот мы с братом решили поступить в Пермский механический техникум, он – на третий курс, а я – на планово-экономическое отделение, что в то время, между прочим, не являлось престижным образованием. Однако наши документы не приняли. Директор техникума вызвал нас с братом к себе в кабинет, похвалил за хорошие результаты в учебе, но сказал, что мы как комсомольцы должны понять, почему нам нельзя учиться в этом техникуме. На мой вопрос: «Почему?» Он ответил: «Практика на военном заводе». И все же я продолжила учебу – поступила в областное медицинское училище, мне дали общежитие по адресу: улица Попова, 51. В комнате нас было 17 человек.

До шестнадцатилетнего возраста папа ежемесячно сам отмечал меня в комендатуре НКВД. В конце 1953 г., когда узнали, что я учусь, потребовали моей личной явки для оформления персонального дела.

Никогда не забыть, как я пришла первый раз отмечаться. Сотрудники НКВД на меня кричали, вспомнили про «тамбовского волка», вызвали кого-то более высокого ранга, заставили расписаться в каких-то бумагах. Позднее на прохождение практики в больницах я всегда долго ждала письменных разрешений органов НКВД. Только через много лет, в декабре 1995 г., узнала, что я тогда, в 1953-м, расписалась за вынесенный мне приговор – 20 лет каторги без суда и следствия, если отлучусь с места жительства без разрешения хотя бы на час.

Так по Указу советского правительства в 1941 г. я была приговорена к выселению, фашистами в том же году – к расстрелу, а в 1953 г. меня ожидала двадцатилетняя каторга. После моего первого посещения НКВД папа ходил за меня ходатайствовать, и училище я все-таки окончила в 1956 г. и начала работать заведующей Бродовского фельдшерско-акушерского медпункта в колхозе «Победа» Асовского сельсовета Березовского района.

Папа умер 14 января 1955 г., ему было всего 47 лет, после войны он с нами прожил 9 лет. Перед смертью, когда я за ним ухаживала, он мне дал еще одно мудрое напутствие: «Наши предки в далеком прошлом выбрали местом проживания Россию. Запомни, нельзя болтаться из одной стороны в другую.

Это – наша Родина. А в жизни бывает всякое, но как бы ни было, ты должна все радости и невзгоды прожить достойно. Другой Родины нам не дано».

Бывшие трудармейцы, с которыми впоследствии мне приходилось встречаться, всегда о нем отзывались с большой теплотой и признательностью. Многие благодаря ему выжили в невыносимых трудармейских условиях.

Я окончила медицинский институт, в 1958 г. вступила в коммунистическую партию, с 1959 г. более тридцати лет проработала в Пермской городской детской клинической больнице № 15. Воспитала троих сыновей.

В трудные моменты своей жизни вспоминаю папины напутствия и благодарна ему за то, что он научил меня жить достойно.

О. Мандрико

Исповедь нашедшей себя души¹

Вы верите в возрождение души? Вам когда-нибудь казалось в совершенно незнакомом месте, что вы уже были здесь, и не раз? У вас – не замирало ли сердце при мысли, что в вашей душе живет что-то неизведанное, далекое, и в то же время до боли родное?

Человек приходит в этот мир с первым криком, не зная, кто он и зачем родился? Пройдет немало времени, прежде чем он начнет осознавать себя в пространстве и времени. Но если очень постараться, в памяти будут всплывать яркие островки воспоминаний. Вы, словно возвращаясь в прошлое, заново переживаете уже прожитое.

«Дедушка! Дедушка уже пришел! Дедуль, я лечу!» – восторженно кричала маленькая девчушка с растрепанными косичками, подлетая к самому потолку. Большие теплые руки подхватывали меня и осторожно опускали на пол. Наверное, это самое яркое воспоминание о моем детстве. Я любила встречать моего дедушку, возвращающегося с работы. В грязной спецодежде, в каске с фонариком, с въевшейся в лицо угольной пылью, усталый, но всегда улыбающийся, он подхватывал меня на руки и подбрасывал вверх. И я себя чувствовала самой счастливой девчонкой на земле...

Почти сразу после моего рождения мама была вынуждена устроиться на работу, и отдала меня на воспитание своим родителям. Для меня тогда не было никого роднее дедушки. Когда он задерживался на работе, я садилась у порога и терпеливо ждала. Ждать – вот первое, чему научил меня мой дедушка. Ждать терпеливо, с верой, надеждой и любовью. После ужина я забиралась к дедушке на колени и болтала без умолку. Выслушивая все мои новости, дед ласково называл меня своей скворушкой, а я расчесывала его поседевшие волосы, густые брови, исследовала мягкие голубоватые жилки на его натруженных шершавых руках, с навсегда въевшейся в них угольной пылью. А еще я любила слушать дедушку. Прошло с тех пор почти 20 лет, но я так и не встретила более интересного и внимательного собеседника.

Жизнь мудра. Вы когда-нибудь ловили себя на этой мысли? Наша жизнь тщательно выстраивает грядущие события так, что спустя годы, мы начинаем осознавать случившееся в новом витке осмысления.

Тогда, будучи маленькой девочкой, я мало что понимала из рассказов бабушки. Детали стерлись, зато со временем выкристаллизовались крупинки сути.

Немец Поволжья. В сорок первом это звучало как приговор. Тогда бабушке исполнилось четырнадцать лет. Трудармия. Урал. Шахта. Тяжелые совковые лопаты в руках подростков, загружающих и разгружающих вагонетки с углем. Теснота и смрад барачников. Неприкрытая враждебность русских, словно ты в чем-то провинился перед ними только потому, что родился немцем. Война подходила к концу, когда бабушка встретил бабушку. Эвакуированная на Урал из Ленинграда черноглазая девушка с длинными пушистыми косами сразу завоевала сердце восемнадцатилетнего парня, вновь открыв для него мир любви, уважения, домашнего уюта, нежности, умиротворения – утраченный мир безмятежного детства, о котором так грустил бабушка, оставшись без родных и близких. Позднее в далекой Сибири, в Щербакульском районе Омской области, он отыщет двух старших сестер, но они уже никогда не станут прежней дружной, веселой семьей, лишившись своих родителей и двух братьев.

Жизнь сурово обошлась с моим бабушкой, но и щедро наградила его за терпение, трудолюбие, безграничную веру в свои силы и доброту людскую. О любви Татьяны и Ивана, маленькой хрупкой девушки и высокого плечистого парня, в нашем поселке ходили легенды. Всю жизнь бабушка носил бабулю на руках. Никогда не унывающая, нежная, кроткая, терпеливая, она стала для деда надежной спутницей жизни, вернув семейный уют, подарив двух сыновей и двух дочерей. Несмотря на тяжелое время, их дом был полной чашей. Бабушка был мастером на все руки. Он словно чувствовал землю, с детства зная, как за ней ухаживать, и скупая уральская земля вознаграждала его сторицей. Бабушкиным урожаям удивлялись все соседи, а он щедро делился с ними своими секретами. Бабушка оставался таким же щедрым, когда кто-то поджег его маленький сарай с только что опоросившейся свиной, курами и кроликами. Он отстроил все заново. Мама, вытирая слезы на перепачканных золой щеках, с братьями и сестрой помогала отцу строить. Бабушка тогда сказал: «Бог всех простит». Так рассказывала мама, но я и сама знала, что в этом случае мог сказать мой дед. В самых непредвиденных ситуациях, когда другой бы вышел из равновесия, бабушка сохранял полное спокойствие, всем своим видом излучая силу: «Бог всех простит». Бабушка научил меня жить, веря и прощая людям.

Жизнь так часто дарует нам светлую надежду на познание своей сути. Но еще чаще она ввергает нас в пучину безотчетных страхов перед тайнами мироздания. Бабушка научил меня жить, радуясь жизни, каждому ее проявлению, каждой минуте. Он любил работать и умел отдыхать. Помню семейные торжественные застолья. Собиралась вся семья: внуки, дети и любящие родители. Три поколения: от мала до велика – за огромным столом с праздничной скатертью. Шутки, смех, радость, переполняющая сердце, и,

конечно, песни. Дедушка очень любил петь. Когда он запевал и все подхватывали, я чувствовала себя частицей чего-то целого. Сегодня мне так часто помогают эти воспоминания, когда безотчетный страх подкатывает горьким комком к горлу, и жизнь кажется никчемной и пустой. Я вспоминаю лучистые дедушкины глаза, успокаивающие своей голубизной, тепло его рук, и что-то поднимается в душе, согревая все мое существо, наполняя жизнь смыслом.

Жизнь так часто приближает нас к разгадке тайны бытия, лишь на мгновение давая понять, ради чего ты должен жить. Я благодарна судьбе за то, что она помогает мне осознать мое предназначение в этой жизни. Я точно знаю – это мой путь. Каждой клеточкой моей души ощущаю его правильность.

Говорят, дети повторяют своих отцов через поколение. Так случилось и со мной. Ни мама, ни ее братья и старшая сестра не отличались в школе особым пристрастием к немецкому языку. Я же полюбила его сразу, на всю жизнь. Моя учительница говорила, что у некоторых людей от природы очень развитое чувство языка. Может быть и так. Только я очень хочу верить, что мне передались дедушкины гены. Помню, как, сияя от счастья, я рассказывала о своих успехах дедушке и бабушке, приехав однажды погостить к ним на лето. Дедушка тогда поразил всех, впервые заговорив на немецком. До сих пор никто даже не вспоминал, что дедушка – немец. Он ходил в гости к своим друзьям – немцам, ездил к сестрам, но никто не слышал от него ни единого слова по-немецки. И вдруг сейчас он заговорил на своем родном языке. Помню слезы в его глазах, когда мы читали с ним мою первую книгу, книгу на немецком языке. Это были сказки братьев Grimm, сказки со счастливым концом. Но дедушка плакал. Тогда я не могла его понять и даже ставила условие: «Дедуль, мы почитаем, если только ты не будешь плакать». Глупая! Сейчас я бы многое отдала, чтобы вернуть те минуты, прижаться к широкой дедушкиной груди, разделив его горькую радость.

Я приезжала к дедушке и бабушке каждое лето, привозя с собой кучу книг, газет, журналов. Мы закрывались в дедушкиной комнате и подолгу секретничали. Родные в шутку окрестили нас «немцами» – старым и малым. Таким счастливым я еще никогда не видела дедушку. Он радовался, как ребенок, на глазах блестели слезы.

У меня позади университет, филфак, Романо-германское отделение. Третий год преподаю в школе немецкий язык, сея «разумное, доброе, вечное». Каждый раз, когда стою у классной доски, сердце наполняется радостью, душа ликует: ведь я говорю на языке моего дедушки! Пусть его уже нет в этом мире, но я чувствую его присутствие всегда. Мой дедушка здесь, в моем классе – в счастливых улыбках моих учеников, в пытливом взгляде Ванюши за первой партой. Мой дедушка, мой любимый, рядом со мной: своими голубыми глазами смотрит на меня, и знаю, гордится мной. Он радуется каждому моему шагу в этой жизни, ведь это он научил меня ходить... и летать.

Верите ли вы в то, что если человек о чем-то сильно мечтает, его мечты обязательно сбудутся, даже после его смерти? Иногда их претворяют в жизнь его потомки, зачастую, даже не ведая сами об этом.

Моя младшая сестра вышла замуж за парня с Поволжья. Каково было наше изумление, когда мы узнали, что он родом из Каменки, того самого села, в котором родился и жил до 14 лет мой дедушка. Может, детская память подводит меня, но, кажется, дедушка еще называл его Лизендергеен. Этим летом я побывала в гостях у сестры. Когда я увидела аккуратные каменные домики, у меня перехватило дыхание. Мне все казалось, что я когда-то уже здесь была. Не поверите, но я сама нашла дорогу в яблоневый сад, на который мой дед с ватагой таких же, как он, сорванцов, совершал ночные набеги. Как жаль, что сад совсем одичал. После войны многие немцы не могли вернуться домой, оставшись, как и мой дедушка, на Урале и в Сибири. Но среди ныне живущих в Поволжье немцев мне удалось отыскать семью Миллеров. Жаль, что они оказались просто однофамильцами. Как жаль, что разрушена гордость села – католическая церковь с высоченным шпилем, который видно далеко в окрестности. 10 лет назад приехавшие из Германии немцы хотели ее отреставрировать, но местные власти отказали им. Может быть, здесь, под этим куполом, с ликом Иисуса Христа, чудом сохранившимся, венчались мои прабабушка и прадедушка – дедушкины родители, которых он так рано потерял и которых все мечтал вновь обрести, вернувшись когда-нибудь сюда, на свою родину. Он мечтал построить свой дом, вести хозяйство, как и его родители. Не случилось, не сбылись его мечты. Но это сделала за дедушку его внучка, моя младшая сестра Наталья. «Кто научил ее всему этому?» – спрашиваю сама себя, поражаясь, с какой рачительностью и любовью она ведет свое хозяйство. Скажете, природа щедра к тем, кто ее любит и понимает. Может быть, и так. Мне же хочется верить, что в сестре сказались дедушкины гены. Знаю, дедушка был бы счастлив, увидев, что сбылась его заветная мечта.

Еще дедушка всегда мечтал увидеть свою историческую родину. Помню, как мы вместе с ним читали книги об истории Германии. Тогда я была поражена, с какой точностью дедушка называл мельчайшие детали. Несмотря на возраст, он впитывал в себя все, словно губка, стараясь ничего не пропустить.

Дедушкину мечту – побывать там, где живет его народ, осуществила еще одна внучка, моя двоюродная сестра Ольга. Она с семьей живет в городе Леер. Ольга пишет, что ее дочь Натали свободно владеет русским и немецким языками. Сейчас она помогает своим родителям адаптироваться в новой для них языковой среде. Верю, что в Натали тоже сказываются дедушкины гены. В ее широко распахнутых голубых глазах вижу живой ум дедушки и его любовь к жизни.

Знаю, дедушка счастлив, что его потомки живут на земле предков, земле, на которой он мечтал побывать.

В.Я. Понамарчук (Визнер)

Что я помню о своем детстве?^[58]

Родилась я 9 апреля 1950 г. в Омской области, Иссык-Кульский район, село Городище, Кирпичный завод. Сюда моя мама, Визнер Варвара Яковлевна

(1911 г.р.), уроженка села Каменка Саратовской области, была выслана по национальному признаку, но до этого, в годы Великой Отечественной войны, она была трудармейкой.

Что я помню о своем детстве?

В памяти осталось поле, окаймленное морем ярко желтой сурепки, березовые перелески, ров вокруг территории кирпичного завода, колючая проволока. Недалеко от завода находилось три землянки. В одной из них жила наша семья – мама, мой брат Константин (1937 г.р.), который в это время учился в Омском сельхозинституте, сестра Мария (1938 г.р.), учившаяся в педучилище, и я.

Маму практически не помню – ни ее нежности, ни ласки, так как я была все время одна. Она постоянно находилась на работе, на кирпичном заводе. Иногда брала меня с собой. Помню свое состояние страха от увиденного на маминой работе. Холод, глинистая грязь, сырость, пар, в полумраке согнутые силуэты женщин, которые таскали на своих животах тяжелые лотки с сырыми кирпичами к раскаленным печам.

Маму запомнила только в те моменты, когда она болела, когда ее приводили в землянку полумертвую с сердечным приступом (у нее был порок сердца, ревматизм), когда от подъема тяжестей у нее происходило выпадение внутренних органов. Иногда ее увозили в больницу. Тогда за мной присматривали то сосед по землянке, китаец, то немцы (запомнила фамилию Вольф) из соседнего поселка Солнцевка. Помню одинокие ночи. Летом мама, уходя, по-видимому, на долгое время на завод, сажала меня на стог сена, давала еду, а лестницу убирала.

Помню свой страх, когда приезжали какие-то люди в военной форме. Иногда маму забирали, куда-то увозили, и еще запомнила, что она, входя и выходя из землянки, обычно плевала на портрет Сталина, который висел у входа в наше жилище. За всю свою жизнь я никогда не слышала, чтобы мама и другие родственники осуждали советскую власть. Да и сейчас, когда спрашиваю свою тетю, мамину сестру, Марию Яковлевну Тауберт, о том, осуждает, проклиняет ли она тех, кто погубил многих наших родных. Тетя отвечает: «Да, что ты такое говоришь? Война, всем было тяжело, время было такое...»

В 1960 г., когда мне было 10 лет, мама умерла. Брат Константин только что женился, сестра окончила училище, а в день смерти мамы она родила ребенка. Умирая, мама сказала: «Дети, Мину (так она звала меня) не отдавайте в детдом».

И начались мои тяжелые детские годы. Брат после окончания института получил распределение в город Любино Омской области и забрал меня и сестру с месячным ребенком к себе. В Любино я впервые увидела электрический свет, услышала радио.

С ужасом вспоминаю школу. Русскую речь я усваивала с трудом. Ведь мама со мной разговаривала на немецком языке. Сверстники, видя пугливого, беззащитного маленького «маугли», плохо говорящего на русском языке, со странным именем Вельгельмина, да еще с фамилией Визнер, в своих играх «в

войну» часто делали меня отрицательным персонажем. Ловили, устраивали поиск меня, били как «фашистку». На руках моих до сих пор остались шрамы от выщипанной кожи. Это я тогда от ужаса держалась за ручку школьной двери, а дети пытались оторвать меня от нее и утащить «немца» в штаб к своим, русским. Будучи уже взрослой женщиной, я рыдала, когда смотрела фильм Роллана Быкова «Чучело». Передо мной на экране проходили эпизоды моей жизни. Только в фильме был у героини защитник – ее дедушка. У меня же – никого. Брату и сестре было по 20–21 году, им самим тогда надо было как-то выживать. Я никогда им не жаловалась, но сама была буквально парализована страхом.

Затем брата направили работать в Чебаркуль Челябинской области. Там мы стали жить в ведомственной комнате. Через два года что-то случилось на молочном комбинате, где брат работал главным инженером, и его отправили в Удмуртию. Имея свои проблемы, он оставил нас с сестрой в Чебаркуле. Из служебной комнаты нас сразу же просто выгнали, и мы остались без дома, без крыши. Сестра пошла в отдел образования, и ей предложили работу в сельской местности. Так мы оказались в санатории Кисагач. Для меня нет в мире более красивого, тихого места. Здесь меня никто не обижал, не обзывал, я нашла чудо-остров на озере, куда перебиралась на лодке. В Ильменском заповеднике восхищенно смотрела на мир природы: сосны, скалы, небо, озера – чудо! Наблюдала за косулями, уходящими на водопой, лосями, дерущимися за продолжение рода, видела глухариные тока.

Но школа – это уже 8-й класс, представлялась для меня ужасом, я была троечница, так как боялась отвечать на уроках, боялась людей, детей, позора от того, что я человек другого мира – «немчура». Однажды собрали нас на общую линейку, директор школы поставил меня и еще пару двоечников и хулиганов перед всеми учениками и громовым голосом кричал: «Посмотрите на букет моей бабушки! Я таких на Курской дуге на танках...» Это был очень уважаемый человек в районе, ветеран Великой Отечественной войны. После этого меня еще сильнее охватил детский страх, что я хуже всех, немка, да еще не хочу отвечать из вредности на уроках немецкого языка... и вообще – не человек. Я полностью замкнулась. И только два человека в то время поняли мое состояние – мой детский невроз от постоянного страха. Это – учитель русского языка и литературы, Надежда Тимофеевна, и мой будущий муж, Валерий Петрович Понамарчук, с которым мы тогда были соседями. Низкий поклон им обоим, а также сестре Марии и брату Константину. Благодарна и тете (маминой сестре) Марии Яковлевне Тауберт, у которой я проводила летние каникулы в Волгоградской области. Они помогли мне выстоять, не сломаться. Но детство вспоминаю с содроганием.

Отношение одноклассников ко мне изменилось, когда однажды Надежда Тимофеевна задала нам задание – сочинение на свободную тему. Свое я назвала «Тишина», и в нем, как я сегодня его представляю, передала состояние своей души: сиротство, одиночество, страхи, отсутствие общения с другими людьми... На другой день учительница принесла в класс наши сочинения и сказала, что сейчас прочтет самое лучшее из них. И оказалось, что это мое.

Прочитав его, она подошла ко мне, обняла и заплакала. С тех пор одноклассники стали звать меня «Нинуля».

С мужем я прожила счастливую жизнь. Мы воспитали двоих детей. Он был меня старше на шесть лет. В нашем поселке он всем говорил про меня: «Подрастет этот маленький гадкий утенок, будет прекрасная, красивая женщина. И она будет моей женой». Валерий не давал никому меня обижать. Я ему казалась смешной, забавной. Он учил меня уму-разуму. От него я много узнала о поэзии, искусстве. Он сам прекрасно рисовал, сочинял стихи и меня учил художественному творчеству. После окончания института он получил распределение в Пермь. И с 1970 г. я стала пермячкой. Благодаря мужу и своим огромным усилиям, желанию познавать, преодолевать, я совершенствовалась. После 9-го класса окончила вечернюю школу, затем Пермское педучилище, а после получила еще два высших образования, одно из них по детской психологии, другое – художественное. В педагогической работе для меня примером была моя детская жизнь. Мое глубокое убеждение – в ребенке надо видеть личность, к каждому стараться найти подход и уметь сказать ободряющее, доброе слово, тогда и проблем у всех – взрослых и детей – будет меньше.

Когда мои собственные дети начали спрашивать о бабушке и дедушке, я показала им наше генеалогическое древо. Они удивились, что немцы Поволжья имеют глубокие, давние корни. А их бабушка, Варвара Яковлевна Визнер, во время Великой Отечественной войны попала в государственную репрессивную волну по национальному признаку. Выстоять ей помогла огромная сила воли, полученное от ее родителей воспитание, трудолюбие.

По рассказам моей тети, Марии Яковлевны Тауберт, когда маму забирали в трудовую бригаду, ее детей Костю и Марусю не с кем было оставить, и она взяла их на станцию. Но милиция буквально оторвала от нее детей, закрыли их в доме, как и детей других женщин, тогда дети разбили окна и побежали к матерям, их, конечно, к ним не пустили. Дети плакали, а матери кричали и многие падали без сознания. Затем женщин как скот погрузили в вагоны, которые закрыли на замок, и поезд уехал. А дети потом бродили как беспризорные, русские семьи брали их на воспитание.

Мама попала в Туймазинский лагерь в Башкирии. Занималась ремонтом в административном здании. Начальник лагеря, под воздействием своей жены, написал письмо Калинину с просьбой разрешить Варваре Визнер поехать в Красноярский край за своими детьми. Отпуская трудовую бригаду, он посоветовал ей не возвращаться, а сам оформил на нее документы как на погибшую. Когда в 1944 г. мама нашла детей, они ее не узнали. С ними она приехала в Омскую область к своим родителям. И там на нее завели новое следственное дело как на репрессированную. Другой исключительный факт из ее судьбы – она сумела, несмотря на государственные указы, выучить своих старших детей в высших учебных заведениях, добившись у правительства на это разрешение.

К сожалению, очень мало знаю о своем отце – Герберте Тауберге. Во время Великой Отечественной войны он тоже был трудовым бригадником, работал в системе Соликамского НКВД. По воспоминаниям родных, это был сильный

человек. Один раз его завалило в шахте, но он выжил, выкарабкался, умирал, но выжил!

Со мной всегда светлая память о моих родителях.

М. Завадская¹

Мой дед – меннонит²

[...] В своей работе я бы хотела рассмотреть культуру и быт меннонитов. Многие относят их к немцам, в действительности, это не совсем так. Мой дед – выходец из меннонитской колонии. Именно его судьбу я взяла за основу. Он во многом помог мне в работе: по части менталитета, национальных костюмов, блюд и т.д. [...]

На волне протестантизма в 30–40-е годы XVI века в Голландии возникла секта кальвинистского толка – меннониты. Основное поведение меннонитов определялось догмой: «Богу угодно, чтобы ты трудился и молился!» [...] В связи с преследованиями многие меннониты стали покидать Голландию. Мигрируя вдоль побережья Северного и Балтийского морей, они осели в Северной Германии, Пруссии и прусской Польше. Здесь уместно сказать о появлении в среде меннонитов польских фамилий, среди которых прослеживается и наша: Завадские, Долесские, Кротинские и т.д. [...]

«...Не будучи немцами по происхождению, многие наши соплеменники заполняли графу “национальность” в различных документах словом “меннонит”, а не немец, вызывая недоумение и раздражение во многих властных структурах всех уровней...» (из записей Е.Е. Завадского).

В Россию меннониты приехали по приглашению императрицы Екатерины в XVIII веке. Образовалось несколько меннонитских округов. Мой дед родом из Молочанского округа. [...] Перед войной 1914 г. общее число меннонитов составляло 80 000 душ (из записей Е.Е. Завадского).

Мой дедушка, Герхард Герхардович Завадский, родился в 1925 году в семье школьного учителя. В их семье было пятеро детей: Петр, Анна, Бернхард, Мария и он, самый младший... Жили они в небольшом селе Фриденсдорф. [...] В 1934 г. старшего брата забрали в армию, и он пропал без вести. Примерно в этом же году отца лишили работы, так как он был «царским» учителем и не мог преподавать по новой «прогрессивной» школьной программе. Семье пришлось уехать в Хортицу, где училась старшая сестра Анна. Какое-то время они жили в доме у своих знакомых на стипендию Анны. Но скоро она вышла замуж за односельчанина, и семья лишилась последней кормилицы. Вообще, нужно отметить, что одной из отличительных черт меннонитов было огромное желание ни от кого не зависеть. Любого рода зависимость считалась признаком слабости и несостоятельности семьи. Тогда Завадские приняли решение – уехать к родственникам на Северный Кавказ. Там они жили в доме для приезжих в Орджоникидзевском крае, деревне Усилье, колхозе им. Тельмана. В этой деревне жили такие же колонисты – переселенцы из Украины, но еще больше было местных жителей: осетинов, ингушей, чеченцев.

Герхард учился в средней школе вместе с осетинами, чеченцами, ингушами, немцами. Преподавание шло на русском языке, поэтому именно в это время он овладел русским в совершенстве. Эти годы были самыми лучшими и счастливыми в жизни дедушки. Со сверстниками он крепко дружил, они понимали друг друга с полуслова, никогда не ссорились по поводу национальной принадлежности. Может, отсутствие проблем на национальной почве обуславливалось нуждой и довольно бедным уровнем жизни. У всех были общие проблемы. [...]

Началась Великая Отечественная война...

Однажды утром рано мать разбудила Герхарда и с тревогой произнесла: «Деревня оцеплена... Собирайся». Они с отцом хотели взять с собой фамильную библию с родословной, ценными фотографиями и записями. Долго и бережно ее заворачивали, но взять с собой библию так и не удалось из-за большого веса. Они закопали ее в курятнике, наивно думая, что скоро вернутся обратно.

Герхард, Мария и родители сели в эшелон на станции Благодарная. Они не знали, куда едут. Исполнители этой операции долго удивлялись их железному спокойствию: не было ни криков, ни плача, ни причитаний. Их выдержка и достоинство вызывали восхищение. Обращались с ними неплохо; в силу того, что меннониты – народ законопослушный, никаких чрезвычайных происшествий и эксцессов не произошло.

[...] В Сибирь приехали лишь в декабре, так как эшелоны с депортированными пропускали в самую последнюю очередь. На какое-то мгновение Герхарду показалось, что он попал в преисподнюю: черные обветшалые деревянные избы, заледеневшие лужи, зверский холод, а снега нет. Босые, закаленные «сибирята» бежали навстречу эшелонам. Председатель местного колхоза стал подселать депортированных в семьи колхозников. Так, семейство Завадских оказалось в доме довольно странной пары. Эти люди почему-то не ходили на работу, сидели у своего окна и жаловались на несправедливость жизни. Четверым переселенцам уделили один угол. У них не было толком ни одежды, ни еды, ни посуды. Спали на чемоданах, используя верхнюю одежду в качестве постельного белья. С первого же дня Завадские стали ходить на работу. Потом их переселяли из дома в дом четыре раза.

Из воспоминаний деда: «Был один случай. Надо было забрать сено в 30 километрах от деревни, а мороз был жуткий – 45°! Собрали пятерых мальчишек – меннонитов и отправили за сеном. Когда мы приехали, то с ужасом обнаружили, что не можем встать с саней! До такой степени замерзли суставы и кости. Каждое движение приносило адскую боль. Плакали, вставая. Надо было развести костер, чтобы согреться, а пальцы не двигаются. Каким-то немислимым способом мы умудрились зажечь огонь и немного согреться. Пока скидывали сено в сани, разогрелись еще больше. Обратно же никто не решился сесть в сани снова, мы шли все 30 километров пешком. В итоге все получили жуткие обморожения и всю зиму не могли появляться на холоде».

В сентябре 1943 г. Герхарда мобилизовали в трудовую армию. Оказался он в Кизеле. Отныне был обязан ежемесячно отмечаться в комендатуре, сообщать

об изменениях в семье и трудиться, трудиться, трудиться... Все спецпоселки были изолированными. Вид у поселка, где жил Герхард, был весьма угнетающий: три вагона, обнесенные колючие проволокой. Из соседнего лагеря, находившегося в четырех километрах отсюда, прислали охранников, таких же молодых парней, как Герхард, только русских. Молодые охранники были одеты очень бедно и плохо. Были они всегда голодны, так как хлеба им выдавали по 200–300 граммов, в то время как спецпоселенцы получали 1 кг 200 г. И трудармейцы охотно делились с охранниками своей едой. И вообще, Герхард считал, что этим беднягам, худым деревенским парням, куда хуже, чем им. В общем, охрана была элементарной фикцией: охранник отсыпался на одной из свободных коек (свободные койки были всегда, так как треть жителей барака уходила на смену в шахту) в обнимку с винтовкой. Товарищи Герхарда однажды даже подшутили над охранником: спрятали винтовку; когда тот проснулся и обнаружил пропажу, не на шутку перепугался, ведь за это его могли сразу же отправить в наказание в действующую армию. «Охраняемые», немного посмеявшись, отдали ему винтовку. Этот случай говорит о том, что отношения между заключенными и охранниками были едва ли не дружескими. Переселенцы (*трудармейцы – Ред.*) не теряли оптимизма ни на минуту, хотя, конечно, часто бывали и моменты депрессии, апатии и безнадёги. Немцы – стойкий и сдержанный народ. Условия их содержания, мягко говоря, оставляли желать лучшего. [...]

Работа в шахтах была очень тяжелой, не редкостью были завалы, в результате которых рабочие задохались, часто случались отравления. У Герхарда Герхардовича развилась такая тяжелая форма астмы, что пришлось ему удалить одно легкое.

У деда, как и у остальных немецких трудармейцев, отобрали паспорт, а когда в 1956 г. стали выдавать новый, то он записался под именем «Егора Егоровича». Самым тяжелым и унижительным было ежемесячно являться в комендатуру, чтобы отметить. Навсегда врезалась в его память страшная и обрекающая надпись: «Сослан навечно». [...]

Указы и постановления этого периода являются яркими примерами четко слаженного механизма тоталитарного режима. Доказательством этого служит и такой факт: с 1945 г. на каждого немецкого ребенка, достигшего 16 лет, тоже заводилось дело. Вроде все ясно, но непонятно, в чем же все-таки виновны были эти дети? [...]

Более того, уже через несколько лет после войны был принят Указ, которому трудно дать рациональное объяснение: «За самовольное оставление мест спецпоселений – 20 лет каторжных работ». По этому Указу Егор Егорович и другие спецпоселенцы подписались в том, что они не будут самовольно покидать места спецпоселений, с них взяли отпечатки пальцев, нанесли их на персональные учетные карточки, куда вклеили фотографии с подробным описанием их внешнего вида и особых примет.

До 1956 г. спецпоселенцев нельзя было призывать в армию, а с 1956 г. существовал перечень родов войск, где они могли проходить службу. Были запреты на обучение во многих вузах. Так государство сделало российских

немцев, когда-то одного из самых образованных народов, темными и отсталыми. [...]

Егор Егорович был на редкость общительным и веселым человеком, большим оптимистом и не имел привычки жаловаться на судьбу. У него было огромное количество друзей как среди немцев, так и среди русских, башкир, татар и т.д. В общем, за годы работы в шахте он порядком «обрусел».

После отмены статуса «спецпоселенца» ему так и не удалось вернуться на родину. После 1956 г. Егор Егорович без труда окончил вечернюю среднюю школу, поступил на дневное отделение факультета горного дела в Пермский политехнический институт.

Как-то молодой и одаренный студент познакомился с не менее одаренной студенткой медицинского института – Эмилией Дмитриевной Кокориной. Итогом стала скромная свадьба в 1963 г. С 1 сентября 1964 г. Егор Егорович – преподаватель на кафедре горного дела Пермского политехнического института. Молодой семье выделили комнату в общежитии. У Егора Егоровича осталось много положительных воспоминаний о том времени. В 1964 г. родился сын Андрей (мой отец), а через пять лет – второй сын Алексей (мой дядя).

За время работы на кафедре дед серьезно увлекся историей войн, военной формой, но особую страсть проявил к изучению истории немецкого рейха. Подпольными путями он собирал все, что мог (доставать подобную информацию в те годы было сложно и рискованно). Дед заказывал военно-исторические журналы своим друзьям из ФРГ, встречался со знающими людьми. В итоге стал крупным знатоком в этой области.

Возможно, именно Егору Егоровичу удалось воссоздать ту теплую, уютную обстановку в семье, какая была там, во Фриденсдорфе. По вечерам они пели песни под гитару, на которой играл Андрей, а потом и Алексей. Без преувеличения, всех членов этой семьи можно считать настоящими друзьями. Дедушка всегда поощрял любые новые начинания своих детей. Ему удавалось объективно оценивать многие их поступки. Он сумел у всех нас воспитать любовь и уважение к книгам, к нашим предкам, семье, родному дому. Суета, работа, школа и прочие дела занимают большую часть нашего времени, но все равно каждый приходит в этот родной дом деда, где нас всегда ждут, любят и верят в нас.

В принципе, судьба всех меннонитов, мобилизованных вместе с Герхардом Герхардовичем, довольно схожа с его; правда, многие после реабилитации уехали в ФРГ.

Судьба моего деда – это пример закономерного «отмирания» этноса, причем этноса весьма самобытного, так как в данном случае национальность и конфессия представляют два неразделимых понятия, как и в любой другой религии. Имелся свой конфессиональный язык – немецкий.

В принципе, единого меннонитства сейчас не существует. Многие меннониты слились с другими направлениями, приспособились к местным условиям, их религия постоянно трансформировалась, в результате «чистых» меннонитов не осталось. Вообще, немцы, проживавшие и проживающие на

территории России, никогда не были сплоченным народом, как, например, евреи или калмыки. Это объясняется различиями в религии, в происхождении, в обычаях и в диалекте.

Меннониты намного охотнее поддерживали всегда отношения с русскими, нежели с остальными колониями. Браки с русскими воспринимались много лучше, чем браки с немцами. Возможно, это объясняется тем, что русские воспринимались меннонитами как господствующая нация, которая в свое время предоставила им ряд существенных привилегий. Разлад с немцами может быть объяснен различностью религий, обычаев, диалектов, различными правами. Ведь в досоветское время меннониты в армию призывались только на альтернативную службу, так как религия не позволяла им брать в руки оружие. Каждый меннонит должен был читать и толковать библию самостоятельно, что служило благодатной почвой для появления новых религиозных течений. Этот фактор способствовал адаптации меннонитов во внешней среде, меннониты легко вливались в различные секты и братства. Все это вело к постепенному исчезновению меннонитства как отдельно существующей конфессии. Массовые депортации лишь ускорили этот естественный процесс. Ярким примером тому является судьба моего деда. По его воспоминаниям, верующие остались, но в основном это пожилые люди. Свою религиозность они никогда не проявляли вне дома и семьи. Но есть и в наши дни меннониты, заинтересованные в контакте между собой. В частности, мой дед поддерживает отношения со своими близкими и знакомыми из Германии. Это свидетельствует о том, что связь между меннонитами все-таки существует. Например, многие меннониты могут легко определить по фамилии принадлежность того или иного человека к меннонитам. Значит, можно сделать такой вывод: меннонитство, в принципе, может продлить свое существование как культурный автономный этнос.

Г.З. Великанова¹

Древо жизни: сила в его корнях...

«Внук итальянки» – так был озаглавлен один из очерков о Зигфриде Фердинандовиче Це, о творческом вкладе которого в культуру города Нытва много писалось и говорилось. Ведь именно в этом городе мой отец долго прожил и отдал его жителям много сил и внимания. Значит, я – правнучка итальянки. Об этом знала с детства; знала и то, что мой прадед – Эммануил Артемович Калтыкьян – армянин по национальности, родился в Турции. Турки-мусульмане стремились всеми способами уничтожить православных армян. У прадедушки в один из налетов душегубов-фанатиков вырезали всю семью, чудом спаслись только он и его брат. Дети спрятались на русском корабле, который стоял в турецком порту.

Капитаном на нем был итальянец Галанте, живший в России. Он забрал Эммануила к себе и воспитал в своей семье. Позже, когда дочь капитана Анжелика и мальчик из Турции выросли, они поженились. Стали родителями моей бабушки Анны. У них было семеро детей – шесть девочек и мальчик.

Жили они на Украине в городе Бердянске. Моя бабушка вышла замуж за Фердинанда Федоровича Це. Его отец Теодор (по-русски Федор) – немец по национальности, предки которого переехали в Россию еще при Екатерине II.

Моей сестре Елене, проживающей сейчас в Германии, удалось найти в архиве данные о нашем предке. Приведу дословно текст справки: «Це Готлиб из Вайблинген земли Вюртенберг, Германия. По профессии – учитель, уехал через Венгрию в Россию. В 1818 году прибыл в деревню Розенфельд (г. Бердянск, Украина). У него был сын Михаил, который родился 2.09.1822 г.». От него и пошел род моего прадеда Теодора (Федора), который имел свой дом и виноградники в немецкой колонии. Виноделом он был, видимо, неплохим – «цеевское» вино славилось в городе и всей округе. Так было до революции 1917 г. Потом деда раскулачили, как было принято тогда говорить, то есть отобрали дом и виноградники, а самого сослали на Соловки, где он и умер...

Когда бабушка Анна (дочь армянина и итальянки) вышла замуж за Фердинанда (сына Теодора), ей в новой семье пришлось не сладко. Не очень-то ее привечала семья деда, так как она была всего лишь дочерью бедного парикмахера (цирюльника). Жили молодые во флигеле в конце двора, где в 1924 г. родился мой отец – Це Зигфрид Фердинандович – немец, сын армянки и внук итальянки. Так как мой дед Фердинанд не унаследовал виноградников (его с семьей не сослали на Соловки, а выселили из флигеля в крошечную комнатенку), жили очень бедно, воспитывая двух детей. Дедушка заболел туберкулезом, работал на заводе бухгалтером...

Когда началась Великая Отечественная война в 1941 г., моему отцу было 16 лет. Семья Це должна была эвакуироваться вместе с детским домом, где в то время работала Анна Эммануиловна. Но отъезд задержался, Зигфрида вместе с другими комсомольцами отправили рыть окопы. Да, папа был комсомольцем и вместе со знакомыми ребятами, своими сверстниками, пошел в военкомат проситься на фронт. Друзей взяли, а его нет, ведь он был немец... Вся семья ждала Зигфрида, а когда он вернулся, к городу уже подступали немецкие и румынские войска. Семью Це, как и другие немецкие семьи, сотрудники НКВД под охраной вывезли на станцию Трояны для отправки в тыл. Несколько дней они ждали эшелон, но железнодорожная линия была уже отрезана. Их вернули в город для эвакуации морем. Начались бомбежки. На следующий день Бердянск был оккупирован фашистами.

Зигфрид, как и все юноши немецкой национальности, постоянно находился под угрозой призыва в немецкие оккупационные войска. Но с помощью поддельной медицинской справки этого удалось избежать. Он поступил работать в театр, потому что из театра не угоняли на работу в Германию.

Когда началось отступление оккупантов, все немецкие семьи были отправлены в Польшу. Вместе с моим отцом и его родителями вывезли и мою маму (украинку) – В.В. Лялецкую, которая в то время ждала ребенка. Мой старший брат Гарик родился в Германии. В лагере, где их расселили, отец работал на соломенной фабрике. Так как никто кроме него не говорил по-немецки, в его жене заподозрили еврейку, отца с его сестрой признали «чуждой

расой» и хотели отправить в другой лагерь. Но отцу удалось доказать, что мать – армянка, и тогда их всех перевезли в Германию, в лагерь «Зиссен». Там отец трудился подсобным рабочим на кирпичном заводе. Потом батрачил в деревне недалеко от лагеря, был чернорабочим в городе Эслингене.

8 мая 1945 г. город заняли французские войска. Услышав по радио, что можно вернуться домой, на Родину, семья Це переехала в лагерь недалеко от Штудтгарта, где собирались все, кто хотел вернуться в Советский Союз. Когда в августе 1945 г. эшелон с выселенцами добрался до Советского Союза, люди выскакивали из вагонов и целовали родную землю. Но радость была короткой: работники НКВД снова погрузили всех в эшелоны и отправили по разным областям. Семью Це повезли в Красноярский край.

Я родилась 30 сентября 1945 г., когда нас везли через Польшу в Сибирь. Везли в теплушках, поезда подолгу стояли на запасных путях. Около одной из станций находился монастырь. Монашки-польки забрали маму со мной к себе на сутки, чтобы накормить и дать возможность отоспаться на чистых простынях. Так я родилась. Меня в поезде поместили в коляску, а брат Гарик бегал по вагону и заразился скарлатиной – в вагоне было много больных.

В Нытве, куда нас привезли вместо Красноярского края, маму с братом сразу отправили в больницу. Нужен был пенициллин, но для немцев его не давали, и 7 ноября Гарик умер. Папа сколотил из старых досок гробик и на саночках сам отвез через замерзший пруд сына на кладбище. А через месяц умер дедушка...

В Нытве семья Це находилась без права выезда за пределы района. Сначала отец работал грузчиком в заводском ОКСе. Вскоре его перевели в клуб, где он был завхозом и одновременно руководителем танцевального кружка. С 1955 г. Зигфрид Фердинандович – художественный руководитель клуба «Металлург». В 1971 г. он стал художественным руководителем Дворца культуры поселка Уральский, а с 1982 г. вновь работал в клубе «Металлург».

Только 13 сентября 1994 г. З.Ф. Це был реабилитирован. Дождался реабилитации он один, остальных родных уже не было в живых.

Приведу строки из статьи С. Аликиной в Нытвенской газете «Новый день» за 11 августа 2000 г.: «Вот как получается: почти всю жизнь он, немец, терпел страдания от незаслуженных обид. И всю жизнь он, немец, дарил людям независимо от их национальности радость от общения со своим творчеством и великую силу от соприкосновения со своей всепрощающей и просто любящей людей душой. [...]

Какой наградой можно удостоить за подвиг... душу, за огромный и повседневный ее труд, способный вынести потрясающие удары судьбы, за жизнь, подарившую городу Нытва, району и области спектакли, представления, яркие номера художественной самодеятельности?»

Размышляя о своем и общем Древе жизни, думаю, высшая награда – признание и любовь людей окружающих, и самое главное – благодарность близких, родных. Облик прадеда, деда и отца – самый достойный образец для подражания. Нельзя оставаться родства не помнящими. Отсекая прошлое, лишаешься будущего – этому убедительно учит история, в первую очередь,

история своей семьи, своего рода. Она учит помнить, знать, уметь созидать, любить, дарить другим тепло своей души и преображаться духовно!

Именной указатель

А

Абай, 129
Абашева Г.Н., 137
Абушаев, 88
Агте, 118
Адам, 99
Адамс, 35
Аде А., 170
Аде И.Е., 5, 6, 169
Адя, 119
Алексей Иванович, 122
Аликина С., 207
Альберс И., 52
Андреас И., 100
Андрюха Л., 75, 83
Анна Васильевна, 141
Аня, 173
Атнашев В., 172
Атнашева О.. См. Горн О.Ф.
Афанасьев-Финкельштейн, 112

Б

Бабикова Л.Г., 96
Бадер О.Н., 26
Баранов Г.Н., 109
Барановский П., 54
Барто А., 164
Бартоломей А.А., 27
Бассауэр Г.В., 152
Баумгартнер Т.К., 110
Баумгертнер Г., 66
Баумгертнер Е., 66
Баумгертнер И.Г., 66, 68
Баумгертнер К., 67
Баумгертнер Л., 67
Баумгертнер Э.И., 68
Бауэр Б.С., 149
Бауэр В., 35
Бауэр Э.Ф., 7, 133, 148, 149

Бауэр Э.Э., 133
Бах И., 24
Бах М.А., 41
Бахман И., 100
Беер В., 100
Бекер Г., 14, 17
Беккер, 99
Беккер (директор), 156
Беккер В.Ф., 8, 22, 23
Белых З.Д., 166
Беляков В., 100
Бендер О. (Кисс), 127
Бенике О., 28
Берг А., 109
Берген П.В., 184
Бердников С.М., 106
Бернгардт Э.Г., 32, 33, 37, 142, 146, 147
Биглер Э., 15
Бир Л., 129
Бир Р., 129
Блинова Е., 66
Бобб В.Л., 74
Богданов Н., 93
Богданович З., 99
Богер Т.П., 6, 157
Боков В., 157
Болховитинов С., 100
Боон А. (Герцен), 99
Бохан П., 95
Бошман, 192
Браунагели, 133
Бронислава Наумовна, 183
Броцман Е., 100
Буркис, 89
Быков Р., 198

В

Вагнер А., 99
Вагнер Е.А., 26, 63, 156, 191
Вагнер О., 100
Вальман А., 96
Вальман Л.П., 96
Вангир А.И., 133
Ванюша, 196

Василевских Т.И., 168
Вахрушев В.В., 86
Вебер А., 13
Вебер А. (механизатор), 100
Вебер А. (плотник), 100
Вебер Александр И., 185
Вебер Артур И., 96
Вебер И., 13
Ведель Е., 100
Веймар Р., 142, 146
Веккер П.Г., 133
Великанова Г.З., 205
Верди Дж., 131
Вернер Е., 99
Видигер Э., 100
Визнер В.Я., 197, 199
Визнер Вельгельмина. См. Понамарчук В.Я.
Визнер К.Я., 197, 198, 199
Визнер М.Я., 197, 199
Вильмс П.П., 148
Витте Й., 17
Вознесенский Ю., 184
Волченков, 90, 91
Вольман, 101
Вольперт, 90
Вольская Н., 82
Вольтер М.И., 133
Вольф, 197
Вормсбехер Г., 12
Воротняк, 61
Вохмянина Е.И., 160
Вязникова Э.К., 10, 11

Г

Гаан А., 100
Гаан М.Ф., 6, 153, 154
Гаар М.А., 66
Габриэль, 192
Галанова Н., 96
Галанте, 205
Галанте А., 205
Галимов Г., 100
Гаммершмидт А., 100
Ганзен Г., 77

Ганзен Э., 77
Гардер А., 100
Гардинг Д.Н., 126
Гардт И., 99
Гардт О., 100
Гаррес Е., 100
Гаус А., 99
Гаус И.А., 6, 151, 152
Гебель В.Р., 7, 86, 102
Гебель Г., 18
Гебель И., 99, 106
Гейденрейх Е.Н., 26
Гейер Е.А., 23
Гейм К.А., 117
Гейне Г., 78
Гельдт В.Я., 29
Генинг Р.Ф., 133
Генинг Ю.Я., 131, 133
Генрихс А.Я., 69
Генрихс Я., 100
Герасименко И.И., 23
Гергель А.К., 185
Гергерт Вигант Э., 111, 112, 121
Гергерт Вильям Э., 6, 8, 108
Гергерт Г., 99
Гергерт З., 120, 122
Гергерт М., 99
Гергерт О.Э., 121
Гергерт О.Э., 112
Гергольд А., 99
Герман Б., 131
Герман Э.И., 42
Герцен, 89, 133
Герцен А., 93, 100
Герцен П., 100
Герцен П.А., 182, 185
Герцен П.П., 182
Герцог М., 99
Гете И.В., 78
Гетте В., 99
Гетте И., 100
Гефель М.М., 23
Гешеле, 133
Гиллер О.К., 26
Гиль А., 100

Гитлер А., 18, 111, 186
Гладких Е., 89, 93, 100
Гладышев В.Ф., 10, 12
Глинка М.И., 131
Гоголь Н.В., 142
Голубева Ж.С., 37
Гольцов, 89
Горенбахер Т.А., 29
Горн А.А., 153
Горн О.Ф. (Атнашева), 5, 8, 170, 171, 172
Горн Э.Ф., 171, 172
Госсен А., 100
Гофман Р., 100
Гоффарт, 133
Грасмик, 101
Грасс Г., 24
Граф Ф.К., 128, 129, 130, 133
Гриб Э.А., 8, 19, 32, 33, 34, 37, 55, 74, 150, 154, 155, 156
Григорьев В., 12
Гримм, 25
Гринев М.Г., 93, 94
Гропиус В., 52, 53
Губер Р., 95
Гукингеймер, 192
Гюго В., 62
Гюйо В., 77, 79

Д

Давлетбаев, 90
Дамериус, 56
Даргомыжский А.С., 132
Датериис Г., 59
Дельхман Е., 66
Деревянко И., 95
Диер, 133
Дик Н., 138
Дик Я., 138
Диркс А.Г., 189
Диркс Г.Г. (брат Диркс З.Г.), 189, 192
Диркс Г.Г. (дед Диркс З.Г.), 189
Диркс Г.Г. (отец Диркс З.Г.), 187, 192
Диркс Е.И. (Франц), 187, 188
Диркс З.Г. (Чебыкина), 5, 8, 187, 191
Доннер А., 100

Дорошенко В.Е., 115
Дреер, 100
Дридигер Ф., 181
Дубс Л., 132
Дудин В., 181
Думлер А.Э., 177
Думлер Э.Э., 101, 178, 180, 183, 185, 186, 187

Е

Егель Н.В., 23
Егер А.Б., 66
Екатерина II, 10, 70, 160, 200, 205
Ельцин Б.Н., 12
Ермоленко Ф., 93

Ж

Жуланова А., 62
Журин, 116

З

Завадская А.Г., 201
Завадская М., 200
Завадская М.Г., 201
Завадский, 89, 100
Завадский Алексей Г., 203
Завадский Андрей Г., 203
Завадский Б.Г., 201
Завадский Г.Г., 200, 201, 202, 203, 204
Завадский П.Г., 201
Задорин В.С., 24
Зайцева Л., 99
Заманягра Ю., 95
Зейвальд И., 68
Зейвальд М.И., 66, 67
Зейвольд М., 99
Зеленина В.А., 155
Зелих К., 127
Зигаленко Н., 95
Зиннер Е., 99
Зиннер М., 99
Зыков В.И., 54
Зырянова Т.В., 23

И

Идт А., 95
Ирина, 120

К

Казанцева В.А., 29
Кайзер Р., 100
Калинин А.Т., 179
Калинин М.И., 11
Калтыкьян Э.А., 205
Кандинский В., 52
Канторович Г., 51
Каражова Ф.П., 66
Карл, 110
Кауфман Л.В., 23
Кацко Г.Л., 54
Кашафутдинова Н.А., 101
Каюрина И.А. (Лихтенберг), 6, 29, 175, 177
Келлер В.В., 133
Кеммер А., 95, 96, 99
Кениг Г.Р., 27, 96
Кениг Р.И., 96
Кеслер К., 100
Кеслер М., 99
Кехтер В.Д., 74
Кехтер Д.Я., 73
Кехтер Н.Д., 73
Кехтер С.Д., 73
Ким, 103
Киршин В., 13
Кисельман И., 95
Кисс О.. См. Бендер О.
Клава, 147
Класс А.И., 28
Классен, 133
Классен И., 100, 102
Классен Я., 100
Клатт Г.К., 74
Клатт К.Ф., 74
Клементьева Т.А., 28
Клоц А., 37
Клоц И.Я., 40
Кнител, 133
Кноль О.В., 29

Кнор В., 95
Кокорина Э.Д., 203
Колегова О.П., 24
Комков А.И., 61
Кондакова В.Н., 137
Кондрашов, 91
Констанц И., 99
Коржавин В.П., 88
Кох В.Э., 163, 166, 168
Кох Г.А., 24
Кох И.Э., 163, 166, 168
Кох М., 99
Кох Р.Э., 162
Кох Э.Э., 160, 168
Кочетов И.В., 110
Кочубей, 133
Кравченко, 89
Красносельских В.Л., 200
Крафт Н., 100
Креккер А., 100
Кремер И.П., 168
Кремер Н.А., 168
Кремер О.П., 168
Кремер Р.И., 168
Кретнин В., 147
Кримих А., 100
Круч Д., 156
Кудрявцева С.Ф., 133, 147
Курц И., 127
Курц Э., 127, 128

Л

Ланг Б.И., 44
Ласкан Я., 100
Лаубах А., 100
Лебедев В.В., 140
Лебедева Э.А. (Ширлинг), 131, 133, 138, 140, 141
Лебер Ф., 99
Лебер Э., 99
Лебольд И.Я., 156
Левинсон, 163
Левитан Ю.Б., 119
Лезина Л.В., 24
Лейс А.Е., 106

Лель А., 79
Лель И.И., 8, 75, 76
Лермонтов М.Ю., 62, 78
Либих В.А., 7, 62, 63
Лидер В., 99
Лидер Г.А., 101, 183
Лиссель И., 147
Лихтенберг А.И., 6, 175
Лихтенберг А.К., 175
Лихтенберг И. См. Каюрина И.А.
Лихтенберг Э.А., 177
Лишке А.А., 191
Лобов С.С., 126
Лондон Д., 62
Лютер В., 76
Люфт А.М., 125
Люфт Л.И., 124
Лялецкая В.В., 206

М

Маерсон В., 185
Майер Г., 52, 53
Майер К., 28
Майле П., 100
Майнгардт И., 99
Майоров, 103
Макарова Т.Ф., 24
Мальмгрен, 77, 79
Мальчишкин И., 96
Мандрико О.Н., 29, 193
Мариненко П., 95
Маркс К., 79
Мартенс Г., 16
Мартин В. (Тарасова), 127
Мартин Э.Г., 24
Маршак С.Я., 164
Масалкина Л.В., 169, 187, 197
Массольд Н., 6, 150, 153, 155
Массольд Ф.Я., 155
Матикс Р., 100
Матрохина М., 99
Махно Н.И., 135
Маяковский В.В., 164
Меллер Г.В., 25

Мельцер П.П., 126
Менде Е., 99
Менш Р., 52
Меньшиков А., 10
Мессершмидт, 133
Мецгер И., 99
Миллер А., 100
Миллер В.А., 133
Миллер Е., 99
Миллер И.Ф., 29, 193, 194
Миллер М., 99
Миллер Натали, 196
Миллер Наталья, 196
Миллер О., 196
Миллер Т., 194
Минеева Т.А., 23
Митрофанова И.В., 160
Михаэлис Е.А., 23
Мицель В.Г., 70
Могилова Л.П., 96
Модерах К.Ф., 13
Мойман К., 53
Мораш А., 100
Мюллер С., 25

Н

Надежда Тимофеевна, 199
Нейфельд К., 99
Ниденс В.И., 183
Ниденталь В., 184
Нижегородова З.Г., 126
Ниночка, 190
Нога В., 93
Нунгессер К., 99
Нюра, 169

О

Обгольц А., 100, 104, 105, 106
Обгольц Ф.П., 99, 104, 105, 106
Овчинникова О.В., 23
Ольга, 172
Онгемах Э.Г., 133
Остертаг, 99

П

Павловская В., 96
Панфилов, 116
Панфилов Е., 17
Папст А., 11, 12
Паульс И., 17
Паулюс, 111
Пеннер, 133
Петерс Абрам, 136
Петерс Агнесса, 137
Петерс Александр П., 137
Петерс Алексей П., 137
Петерс Анна, 135, 137
Петерс Анна П., 137
Петерс Е., 136, 137
Петерс И., 137
Петерс Л.П., 137
Петерс П., 136
Петерс П.П., 7, 8, 16, 25, 126, 133
Петерс Р.М., 137
Петкау Э., 99
Петр I, 10, 70
Петри Е.А., 70, 72
Петрова Л.Н., 166
Петровская И.А., 133
Пирогов В., 89, 93, 100
Писаль М.Г., 43
Плетенева Э., 99
Погарский С.И., 117
Погарский С.И., 120
Погарский С.И., 121
Полабышев, 132
Полуденцев В., 95
Понамарчук В.П., 199
Понамарчук В.Я. (Визнер), 5, 197, 198
Попов, 104
Потоцкий, 60
Прасковья, 11
Пружанский, 129
Пушкин А.С., 62, 78
Пфейф А., 93, 100
Пюшель К., 52

Р

Разин, 121
Райник А.С., 17
Распопова З.И., 96
Рассомахина Е., 99
Рейнер А., 127
Рейхардт Ю., 16
Ремпель А.Я., 133
Рениченко Е.П., 133
Рехлинг Р., 100
Решетников, 123
Рим Н., 60
Рихерт Г., 95
Рихтер С.А., 28
Робертус Л., 100
Рождественский С., 6
Рождественский С., 152, 153
Роза Михайловна, 147
Рот В.Л., 133
Ротермель А., 91, 102
Ротермель Э.Р., 179
Ротов К., 58
Роэ М., ван дер, 52, 53
Ружанова В.П., 23
Рунк, 99
Рутц Ф.А., 50
Рябова Г., 147

С

Сабот М.И., 49
Сазонова М.А., 23
Сайбель А.И., 7, 37
Сак М., 129
Сакс И.К., 182, 183
Салтыков-Щедрин М.Е., 62
Самойленко А.А., 107
Самохина А., 99
Сандалов, 129
Санэ, 192
Сарии, 109, 110, 115
Семенов, 163
Семенов М., 89, 93, 100
Сикорская Я.В., 60
Силантьева Г.Л., 150, 154

Симаков К., 13
Симонова Р.П., 70
Ситнер А., 93, 100
Ситников В.И., 107
Скотт В., 62
Слюсарь Л., 13
Смирнов К.И., 118
Солженицын А.И., 53
Солин С., 93, 100
Сочивко К., 93
Сталин И.В., 8, 16, 27, 28, 34, 91, 132, 141, 157, 165, 171, 178, 180, 197
Стрижевский М.А., 185, 186

Т

Тамм, 78, 79
Тарараев М.Р., 89, 93, 100
Тарасов П.И., 96
Тарасова В.. См. Мартин В.
Тауберт Г., 200
Тауберт М.Я., 197, 199
Твен М., 62
Терман, 110
Тибелиус Г.Х., 24
Тибелиус Р.Х., 24
Тиссен Д., 100
Тиссен Я., 93, 100
Титаренко А., 100
Тольцинер Ф.М., 8, 51, 52, 53, 54, 55
Тороссян Б., 79
Трошин И., 100
Тургенев И.С., 62
Турковская Е., 80
Тыквенко М.Н., 75
Тютчев Ф.И., 78

У

Уланд Л., 78
Ульрих М., 99
Ульрих Н., 56, 57
Унгер А., 89, 100
Унгер Е., 89, 99
Урбан А., 52
Урванцев П., 100
Урванцева П.А., 185

Ф

Фадеев А.А., 62
Файгель А., 100
Феллер Т., 76
Фельзинг Э., 99
Филин, 121
Финк Э.М., 24
Фионина В.Ф., 28
Фишер Ф., 145
Фоклер М., 99
Фотермель Э., 99
Фохт, 133
Франк Э.Я., 64
Франц А.И., 188
Франц Е.. См. Диркс Е.И.
Франц Иван И., 190
Франц Ирен И., 190
Франц М., 99
Франц М.И., 190
Франц Н.И., 190
Фрезе В., 96
Фрейнд В.А., 82, 83
Фридрих И., 127
Фризен В.П., 46
Фрик Г.Г., 163
Фрик Даниил П., 167
Фрик Денис П., 167
Фрик И., 167
Фрик М.Г., 160, 164
Фрик П.Г., 160, 164, 166
Фриц А., 93, 100
Фукс В.. См. Эпп В.

Х

Хаперский А., 95
Хардина К.М., 96
Христиани В.И., 101, 102, 103, 104

Ц

Царькова Е., 95
Це А.Э., 205, 206
Це Г., 205
Це Г.З., 206
Це З.Ф., 205, 206, 207

Це М., 205
Це Т., 205
Це Ф.Т., 205
Це Ф.Ф., 205
Цейтлер К.К., 97, 98, 101, 184
Церр Г.А., 133
Церт Я., 100
Цецерская Т.И., 23

Ч

Чагина Т., 17
Чайковский П.И., 131, 132
Чащухин А.В., 200
Чебыкина З.. *См.* Диркс З.Г.
Чекмак Н.Г., 74
Чембарисова И., 29
Чернышев В.Я., 127
Четыркин И.И., 38

Ш

Шаламов В.Т., 53
Шахторин С.В., 28
Шваб Р., 127
Швенк И., 99, 100
Шевченко Г., 100
Шекспир В., 62
Шелонцев И., 100
Шерер И., 100
Шефлер Б., 53
Шиллер И.Ф., 78
Шилова Н.Г., 132, 133
Ширинкина Л.Г., 170, 172, 173
Ширлинг А., 138
Ширлинг Е., 131, 132
Ширлинг Э.. *См.* Лебедева Э.А.
Шлегель М., 99
Шлегель Р.А., 6, 150
Шмидт, 89
Шмидт В.И., 83, 84, 85
Шмидт В.Э., 59
Шмидт Г., 100, 103
Шмидт Г. (Бахман), 99
Шмидт И., 95, 100
Шмидт И. (Лох), 99

Шмидт Л., 29, 99
Шмидт М.В., 8, 59
Шмидт Р., 60
Шмидт Э.К., 62
Шнайдер Э.Ф., 66, 81
Шолохов М.А., 62
Шпомер А.И., 182, 183
Штейн А.С., 96
Штейнбах М.И., 29
Штеклейн А.Н., 7, 48
Штерн Е., 109
Штибен В.К., 81
Штибен К.И., 81
Штромберг М.В., 29
Штромберг Я., 29
Шуберт Ф., 24
Шуман Р., 24

Щ

Щеткин Д.П., 34, 154

Э

Эйзенштейн С., 17
Эмих Г., 101
Энгель Р., 28
Эннс, 100
Энц А.И., 155, 156
Энц Г.В., 133
Эпп В. (Фукс), 127
Эпп Г., 12, 13
Эрлих В., 16
Эшенбах С., 17

Ю

Южанинов, 104

Я

Якубович Г.Л., 131, 132
Якушев П.С., 96
Янковская Э.В., 24
Янцен, 133, 192
Ященко С., 100

Перечень периодических изданий^[59]

Газета «Заводская трибуна» – орган трудового коллектива ордена Отечественной войны I степени Соликамского завода «Урал». г. Соликамск. 1991 г. – по настоящее время.

Газета «Известия» – орган Советов народных депутатов СССР. г. Москва. 1917 г. – по настоящее время.

Газета «Краснокамская звезда» – учредители администрация г. Краснокамска, редакция газеты «Краснокамская звезда». г. Краснокамск. 1938 г. – по настоящее время.

Газета «Наш Соликамск» – учредитель Соликамская городская типография. г. Соликамск. 1998 г. – по настоящее время.

Газета «Пермские новости» – учредитель Пермский областной Совет народных депутатов. г. Пермь. 1990 г. – по настоящее время.

Газета «Соликамские вести» – учредители администрация г. Соликамска, администрация Соликамского района, редакция газеты «Соликамские вести». г. Соликамск. 1992–2000 гг.

Газета «Соликамский рабочий» – учредители администрация г. Соликамска, МуП «ИД «Соликамские вести». г. Соликамск. 1938 г. – по настоящее время.

Журнал «Наша церковь» – учредитель Евангелическо-лютеранская Церковь России. г. Москва. 1927 г. – по настоящее время.

Журнал «Пермский пресс-центр» – учредители Фонд международных связей «Пресс-центр», администрация г. Перми. г. Пермь. 1998 г. – по настоящее время.

Журнал «Соликамск» – учредители администрация г. Соликамска, МуП «ИД «Соликамские вести». г. Соликамск. 2000–2001 гг.

Журнал «Эхо планеты» – издание ТАСС и Союза журналистов СССР. г. Москва. 1988 г. – по настоящее время.

^[1] Автор статьи В.Ф. Гладышев – журналист, председатель клуба «Пермский краевед».

^[2] Большая Советская энциклопедия, 1938.

^[3] Эхо планеты. 1990. № 8.

^[4] Гладышев В. Немецкий исход, или инстинкт национального самосохранения. – Время. 1990. Декабрь.

^[5] В Государственной комиссии по проблемам советских немцев. – Известия. 1990. 13 мая.

^[6] Поклон с берегов Майна. – Пермские новости. 1992. № 38.

^[7] Впервые опубликовано: Пермский пресс-центр. 1999. № 4. С.20–25. Статья публикуется в сокращении (авторское название «Немцы»).

¹ Впервые опубликовано: Соликамск. 2001. Март. Автор статьи Эдвин Александрович Гриб – председатель общественной организации российских немцев г. Соликамска.

^[8] В.Ф. Беккер – председатель общественной организации российских немцев «Возрождение» г. Березники.

- ^[9] Впервые опубликовано: Государственная национальная политика в XX–XXI веках: региональный аспект. – Пермь, 2003. С.102–106. Публикуется в сокращении.
- ^[10] Петр Петрович Петерс – председатель общественной организации российских немцев «Возрождение» г. Краснокамска.
- ^[11] Впервые опубликовано: Петерс П.П. Российские немцы в Прикамье. – Краснокамск, 2003. С. 11, 19–27, 29–31.
- ¹ Татьяна Александровна Клементьева – председатель общественной организации российских немцев «Возрождение» г. Лысьвы.
- ^[12] Впервые опубликовано: Бернгардт Э.Г. Штрихи к судьбе народа. Книга 1. – М.: Народная память, 2001. С. 386–394 (глава с авторским названием «Мартовский гость»).
- ^[13] Из реферата учащейся 11^б кл. школы № 7 г. Перми А. Клоц «История и судьба советских немцев во время Великой Отечественной войны». Науч. рук. Ж.С. Голубева. Пермь, 2001.
- ^[14] Впервые опубликовано: Соликамские вести. 1995. 16 сентября.
- ¹ Перевод воспоминаний с немецкого Э.А. Гриба. Материалы хранятся в архиве общественной организации российских немцев «Возрождение» г. Соликамска.
- ^[15] Воспоминания Михаила Викентьевича Шмидта публикуются впервые.
- ^[16] Воспоминания публикуются впервые.
- ^[17] Воспоминания Эмертианы Яковлевны Франк публикуются впервые.
- ^[18] Воспоминания публикуются впервые.
- ^[19] Воспоминания Альберта Яковлевича Генрихса публикуются впервые.
- ^[20] Воспоминания публикуются впервые.
- ^[21] Воспоминания Нелли Давыдовны Кехтер публикуются впервые.
- ^[22] Впервые опубликовано: Наш Соликамск. 1999. 27 мая. № 37 (авторское название «Девяносто мгновений весны»). Публикуется в сокращенном виде.
- ^[23] Пастор Иоганнес Лель умер 1 сентября 2001 г.
- ^[24] Впервые опубликовано: Наша церковь. 2001. Сентябрь. Публикуется в сокращенном виде.
- ^[25] Ганзен – преподаватели.
- ^[26] Анна Лель – внучка И. Леля. Соликамск.
- ^[27] Впервые опубликовано: Соликамский рабочий. 2003. 28 февраля.
- ^[28] Впервые опубликовано: Заводская трибуна. 1990. 19 апреля.
- ^[29] Впервые опубликовано: Наш Соликамск. 1999. 24 июня. № 45.
- ¹ Впервые опубликовано: Гебель В.Р. «Это было недавно, это было давно» (из записок первостроителя г. Гремячинска). – Гремячинск, 1999 г. (Архивный отдел администрации г. Гремячинска. Ф.63. Оп.1. Д.38. С. 4–52).
- ^[30] Впервые опубликовано: Кашафутдинова Н.А. Свидетели. – Гремячинск, 1994. (Архивный отдел администрации г. Гремячинск. Ф. 63. Оп. 1. Д. 80. Л. 20–27).
- ^[31] Андрей Егорович Лейс – первостроитель поселка Юбилейный. Живет в нем с 1944 года, когда еще поселок назывался Углеразведка. С 1944 по 1959 годы работал проходчиком, старшим рабочим, сменным мастером Шумихинской геологоразведочной партии. Последнее время (до выхода на пенсию в 1976 г.) работал на шахте «Шумихинская».
- ^[32] Воспоминания записаны С.М. Бердниковым и хранятся в архивном отделе администрации г. Гремячинск (Ф.63. Оп.1. Д.65).
- ^[33] Гергерт Вильям Эмануилович, выпускник МГУ, до войны занимался научной работой по химии. Во время службы в армии стал коммунистом. Война его застала в Крыму, он в это время был политруком и партгором роты, потом переведен командиром взвода в строительный батальон 8-й саперной армии. Весной 1942-го Гергерт В.Э. из действующей армии попал в трудармию.
- ^[34] Впервые опубликовано: Гергерт В.Э. Мечта и грешная земля. – Пермь, 1994. Публикуется в сокращении.
- ^[35] Воспоминания Лукаса Ивановича Люфта публикуются впервые.
- ^[36] Впервые опубликовано: Петерс П.П. Роль российских немцев в становлении и развитии нашего города // Город моей судьбы / Сост. З.Г. Нижегородова. – Краснокамск, 1998. С. 27–40.
- ^[37] Слово о проблемах трудармейцев. – Краснокамская звезда. 1990. 11 октября.
- ^[38] Граф Ф. «Болеть нам не полагалось». – Краснокамская звезда. 1991. 31 августа.
- ^[39] Граф Ф. «Деловой двор». – Краснокамская звезда. 1992. 4 июля.
- ^[40] “Doch kam ich wieder zum Singen und alles war wieder gut” (нем.).
- ¹ Воспоминания Петра Петровича Петерса публикуются впервые.
- ^[41] В декабре 2001 г. Эрике Абрамовне Лебедевой было присвоено звание «Почетный гражданин г. Краснокамска».
- ^[42] Впервые опубликовано: Краснокамская звезда. 1997. 14 января.
- ^[43] Впервые опубликовано: Бернгардт Э.Г. Штрихи к судьбе народа. Книга 1. – М.: Народная память, 2001. С. 360–368 (глава о Роберте Веймаре).
- ^[44] Впервые опубликовано: Краснокамская звезда. 1996. 29 октября. Статья рассказывает о трагических изломах в жизни активистов общества «Возрождение» г. Краснокамска.

- ^[45] Реферат подготовлен Н. Массольд в рамках Всероссийского конкурса «История России. XX век». Руководитель – Г.Л. Силантьева. Усольский Дом творчества. Усолье, 2003 г.
- ^[46] Воспоминания переданы Э.А. Грибом.
- ² Житель г. Усолье.
- ^[47] Воспоминания записаны С. Рождественским. с. Романово, сентябрь 2002 г.
- ^[48] Воспоминания записаны С. Рождественским и Н. Массольд. с. Романово, август 2002 г.
- ^[49] Воспоминания записаны Г.Л. Силантьевой. Соликамск, октябрь 2002 г.
- ^[50] Воспоминания записаны Н. Массольд со слов ее бабушки.
- ^[51] Воспоминания Тобиаса Петровича Богера передал его сын Петр Тобиасович Богер (г. Чайковский). Публикуются впервые.
- ¹ Воспоминания записаны И.В. Митрофановой и Е.И. Вохмяниной. Пермь, 2003 г.
- ^[52] Воспоминания Рейнгольда Иоганесовича Кремера записаны Т.И. Василевских. Чердынь, 1990^е гг.
- ^[53] Воспоминания Иосифа Егоровича Аде записаны Л.В. Масалкиной. Пермь, апрель 2005 г.
- ^[54] Воспоминания написаны в Перми в 2005 г.
- ^[55] Письма О.Ф. Горн из Германии Л.Г. Ширинкиной в Пермь хранятся в семейном архиве Л.Г. Ширинкиной.
- ^[56] Воспоминания Ирмы Александровны Каюриной (Лихтенберг) публикуются впервые. г. Лысьва.
- ¹ Воспоминания Артура Эммануиловича Думлера о военных годах в Гремячинске хранятся в архивном отделе администрации г. Гремячинск. (Ф.63. Оп.1. Д.41. Л.24–43).
- ^[57] Воспоминания Зельмы Германовны Диркс (Чебыкиной) записаны Л.В. Масалкиной. Пермь, май 2005 г.
- ¹ Воспоминания Оксаны Мандрико посвящены ее бабушке – Ивану Филипповичу Миллеру. Сама она родилась в Губахе. В 1998 г. окончила ПГУ по специальности «Филолог. Переводчик. Преподаватель немецкого и английского языков и зарубежной литературы». Сегодня Оксана преподает иностранный язык в лысьвенской школе № 2, ведет курс немецкого языка в обществе российских немцев г. Лысьвы.
- ^[58] Воспоминания Вельгельмины Яковлевны Понамарчук (Визнер) записаны Л.В. Масалкиной. Пермь, май 2005 г.
- ¹ Маргарита Завадская – внучка Герхарда Герхардовича Завадского, бывшего трудармейца из Кизела.
- ² Из реферата М. Завадской, ученицы средней школы 9 г. Перми, «Этно-конфессиональная общность как социальная группа и репрессивные действия государства по отношению к ней». Научные руководители – В.Л. Красносельских, А.В. Чашухин. Пермь, 2002.
- ¹ Великанова Галина Зигфридовна родилась в Польше в 1945 г. Десятилетку закончила в Нытве Пермской области. Выпускница Пермского химико-технологического института. В 1977 г. приехала в Краснокамск, работала на Камском целлюлозно-бумажном комбинате. В 1986 г. под ее руководством был открыт музей КЦБК – один из лучших заводских музеев Прикамья. Она – автор многих статей и очерков, опубликованных в газетах Краснокамска. Свой исследовательский дар Галина Зигфридовна отдала судьбам репрессированных, восстановлению их доброго имени. Воспоминания публикуются впервые.
- ^[59] Указание, чьим органом является периодическое издание или кто его учредитель, дано в соответствии с датировкой самой поздней по времени публикации, включенной из этого издания в сборник.